

UNIwersytet Łódzki

Eliza Małek

**« Неполезное чтение »
в России
XVII—XVIII веков**

WYDAWNICTWO NAUKOWE PWN
WARSZAWA—ŁÓDŹ 1992

Pracę recenzowała *Halina Brzoza*

Wykonano z gotowych oryginałów tekstowych
dostarczonych przez Uniwersytet Łódzki

Copyright © by Wydawnictwo Naukowe PWN Spółka z o.o., Warszawa 1992

ISBN 83-01-10907-6

Printed in Poland

Wydawnictwo Naukowe PWN
Oddział w Łodzi 1992

Wydanie I. Ark. wyd. 7,00. Ark. druk. 7,75.

Papier offset, kl. III, 80 g. 70 × 100. Oddano do reprodukcji w styczniu 1992 r.

Podpisano do druku w styczniu 1992 r. Druk ukończono w styczniu 1992 r. Zam. nr 2004

Zakład Graficzny Wydawnictw Naukowych
Łódź, ul. Żwirki 2

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение древней русской письменности было, как известно, теснейшим образом связано с крещением Киевской Руси. Факт этот в сильнейшей степени повлиял на дальнейшие судьбы древнерусской цивилизации, на систему ценностей (прежде всего этических, но также правовых, политических и т. п.), на понимание функции и задач искусства, в частности искусства словесного. Поскольку письменность была изначально связана с религией (здесь имеется в виду как тот бесспорный факт, что подавляющее большинство писателей Древней Руси — это служители церкви, так и то, что главной заботой писателей того времени была пропаганда основ новой веры и новой морали в восточнославянской среде), то совершенно естественным результатом такого родства было почтительное подчинение литературного дела авторитету церкви и ее служителей. Литература должна была быть прежде всего «бращеном духовным», а писатель, говоривший от лица истины, передавал ее читательской аудитории и требовал от нее (а также от самого себя) в идеале — претворения в жизнь содержащейся в данном произведении науки.

Не подлежит сомнению, что официальный, контролируемый деятелями православной церкви пласт древнерусской письменности (и шире — культуры), очень отрицательно относился ко всем попыткам внести в произведения письменной литературы, а также в повседневный быт паствы элементы «пустой» занимательности, забавы, шуток, так как по мнению пастырей именно они, способствуя переключению мыслей прихожан в сторону осуждаемых ценностей дохристианского периода, мешали стремлению воспитать у них отвращение ко всему земному, преходящему. В поучениях отцов церкви, проповедях, житиях и других произведениях церковной письменности повторяются призывы к «тихому», скромному и даже аскетическому образу жизни, резко осуждается природная склонность человека к сиеху.

Популярная «Пчела» учит: «Мудрый сыне, как будеши в людех, не смеися, в смесе бо безумне кошуны, а в безумии свар, а в сваре бой, а в бою смерть и грех и мука вечная», в другой же месте напоминает слова мудрого Соломона-царя: «Буявый в смех възносит глас свой, муж же мудр едва с кротостью улыснеться» [ПЛДР. XIII век. С. 514], а «заповеди святых отец» предвидят за веселый смех епитимию не меньшую, чем за похоть и тому подобные прегрешения: «В кошунаххватиши мужа за лоно, или жену поста три недели, а поклонов по ста на день; разсмеявшийся до слез, или мигнувши с похотию поста две недели» (Цит. по: [Жиакин 1881. С. 81]). «Смехи да хихи вводят в грехи» - читаем в древнейших сборниках пословиц и поговорок и т. д. и т. д.

Однако жители Древней Руси не были в своей массе людьми, непосредственно реализующими в своем бытовом поведении все заповеди христианской религии. Об этом свидетельствуют сочинения древнерусских церковных писателей, в которых то и дело встречаем резкие инвективы в адрес уклоняющихся «от душеполезных притчей и повестей», в адрес возлюбивших плотскую греховную жизнь кошунников и смехотворцев. Так, например, в первой части двенадцатого слова митрополита Даниила читаем: «Господь рече: блажени плачущи, и горе смеющимся ныне, яко възрыдаете, и всплачете (Мф. V, 4). Ты же сопротивна Богу твориши, христианин сый, пляшеши, скачеша, блуднаа словеса глаголеши, и инаа глумления и сквернословиа многаа съдеваеши и в гусли, и в смыки, в сопели, в свирели вспеваеши, иногаа служения сатане приносиши. Господь заповеда рече, бдите и молитесь яко не весте ни дне, ни часа, вонже Сын Человеческий придет (Мф. XXV, 13), и паки рече: бдите и молитесь, да не внидете в напасть (Мф. XXV, 41) <...> Ты же непрестанно вся человеки съблажняеши, якоже самый той сатана, баснословиши, притчи смехотворныа приводиши, смеешися (выделено иною - Э. М.) всякую кознь, всякаа ухитрения твориши смехотворнаа да человеком, иже в святем крещении отрекшимся сатаны и обещавшимся Христу Богу, бесовскаа учения приносиши» (Цит. по: [Жиакин 1881. С. 18-19]). В послании митрополита Макария в Свияжск, адресованном воинам, содержится увещание, чтобы они во время отдыха избегали «пустошных бесед и сраинных словес и глумления и всякого смехотворения» [ПСРЛ. Т. XIII. С. 181-182].

Мало того, в некоторых памятниках письменности, вышедших из-под пера монахов и возвращавшихся в монашеской среде, время от времени встречаем тексты, как бы не совсем укладывающиеся в жесткие рамки

благочестивой церковной литературы. А. М. Панченко обратил внимание на инициалы и маргиналии в виде рисунков и записей на полях древнейших пергаменных рукописей, которые резко отличаются от благочестивых текстов «средника». В них, по мнению исследователя, господствует дух несерьезности, балагурства и скоморошества, так что «создается впечатление, что на полях не просто позволено, а предписывается «валить дурака» [Панченко 1984. С. 97]. Я. С. Лурье, в свою очередь, высказал предположение о том, что в Древней Руси, как и в странах Западной Европы, существовали так наз. *josa monachoium*. К разряду «монашеских игр», ученый относит некоторые, показавшиеся ему шуточными или непристойными, фрагменты апокрифической «Беседы трех святителей», например, загадку о внучке и бабке из сборников известного книгописца XV-го столетия - Ефросина [Лурье 1985. С. 262-263].

Значит, древняя русская культура все же выработала какие-то правила более или менее мирного сосуществования серьезного и сиехового начал. А. М. Панченко склоняется к мысли о том, что до XVII в. церковь молчаливо соглашалась на существование зоны *profanum*, оставляя ее в ведении «иереев сиеха» - скоморохов, в то время как сфера *sanctum* всецело подчинялась церкви. Но зоны сиеха и серьезности аксиологически неравноценны. Сиеховая реакция понимается как нарушение сферы сакрального мира и его ценностей и, следовательно, объявляется греховной. Именно поэтому за литературные произведения, вызывающие сиех, не содержащие высокой моральной науки, не приносившие душевной пользы, можно и нужно налагать епитимию; поэтому сиеховое поведение связывается с дьявольским наваждением.

Категории «полезности» и «неполезности» пережили времена Древней Руси. Термины эти не выходят из употребления по меньшей мере до конца XVIII в. В настоящей работе делается попытка ответить на вопрос, как влияет на понимание задач и функций литературы ее секуляризация, обмирщение в XVII-XVIII вв. Какие задачи ставятся перед писателями, каково соотношение «полезного» и «неполезного чтения» в репертуаре читателей той поры, что попадает в разряд литературы «неполезной», кто дает себе право использовать литературу в не совсем серьезных (или вообще несерьезных) целях, как ведут себя в новых условиях авторы и читатели «неполезной книги».

Задачи исследования определили структуру книги. Она открывается главой, в которой делается попытка охарактеризовать репертуар «неполезного чтения» русских на протяжении двух столетий, выявляются заведомо «несерьезные» темы, образы, сюжеты, и жанры,

которые вошли в русскую литературную жизнь, несмотря на многочисленные запреты и более или менее строгие репрессии со стороны церкви, государственного аппарата и законодателей русского Парнаса, увидевших в них чтение недостойное внимания образованного человека эпохи Просвещения.

Во второй главе рассматриваются некоторые аспекты читательского восприятия «неполезной книги», связанные как с формами ее распространения, так и с литературной компетенцией читательской аудитории.

В третьей главе прослеживается эволюция литературного самосознания русских авторов, лишающих ради развлечения потенциального читателя, их сначала робкие, потом все более смелые попытки обосновать свое право на отказ от служения пером духовным и светским авторитетам, приведшие к появлению категории писателей, сознательно выбирающих звание «пересмешника» и балагура, поставщика текстов, «разгоняющих скуку» досужего читателя.

В четвертой главе говорится о включении некоторых жанров (например, анекдота, песни, загадки, небылицы, эпиграммы) в игровые ситуации.

В заключении подводятся итоги исследования судеб «неполезного чтения» в России XVII-XVIII вв.

Неотъемлемой частью монографии является «Приложение», в котором помещены малоизвестные тексты из репертуара русской «неполезной книги» XVII-XVIII вв., извлеченные из рукописных и печатных источников того времени. Чтобы показать живучесть сюжетов и мотивов «неполезного чтения», мы решили поместить здесь по несколько произведений, обрабатывающих одни и те же сюжеты (например, сюжет «Жена - самый тяжелый груз» представлен в нашей подборке четырьмя, а сюжет «Преждевременные роды» тремя вариантами).

1. РЕПЕРТУАР «НЕПОЛЕЗНОГО ЧТЕНИЯ»

Первыми «библиографами» «неполезного чтения» русских XVII-XVIII вв. были его противники, которые постарались составить списки самых мерзких и опасных с их точки зрения книг. В этих перечнях найдем как указания на конкретные памятники, так и на запретные, осуждаемые с тех или иных позиций жанры, темы, образы и сюжеты.

Несмотря на то, что на рубеже XVII-XVIII вв. состоялся переход от Средневековья к Новому времени, репертуар «неполезной» литературы существенным изменениям не подвергся. Менялись аргументы обличителей «неполезного чтения», сами же объекты обличения нередко оставались одними и теми же (классическим примером может быть литературная судьба романов о Бове королевиче и Еруслане Лазаревиче, слывших притчей во языцех еще в XIX в.). Это дает нам право рассматривать репертуар «неполезного чтения» в России XVII-XVIII вв. как некое единство.

Первую группу произведений, которые попали в разряд «неполезных», составляют произведения, созданные с целью рассмешить читателя, вызвать его улыбку и даже столь осуждаемый церковью смех. Сюда войдут различные произведения, определяемые древнерусскими противниками «неполезного чтения», как «смехотворные повести», «басни» или «кошуны», а просвещенными писателями XVIII в. как лишённые хорошего вкуса, подлые.

Наш обзор начнем с произведений, герои которых не смешны сами по себе, но по воле автора попадают в разные смешные положения. К их числу отнесем краткие прозаические и стихотворные повести, в центре которых стоит ловкий поступок, а столкновение героев строится на коллизии противоположных желаний персонажей и может быть вызвано различными причинами, например, борьбой между мужем и женой за первенство в семье, т. е. желанием одного из супругов взять верх

над другим и доказать свое превосходство. Конфликт может строиться также на коллизии интересов представителей разных сословий (например, дворянина и мужика) или разных профессий, должников и заимодавцев, хозяев и гостей, судьи и подсудимого, хозяина и вора и т. д. Столкновение это рисуется в комическом ключе, а комизм создается, как правило, путем обнажения и использования более ловким героем какого-то недостатка антагониста: его чрезмерной жадности, скупости, недалекости, неповоротливости, упрямства и т. п. недостатков, причем недостатки эти открываются именно в результате столкновения желаний персонажей в ходе сюжетного действия.

Число персонажей ограничено до предела, в большинстве случаев их всего два-три. Они, как правило, безымянны (хотя есть немалое количество «смехотворных повестей», герои которых выступают известные исторические лица древности и нового времени), зато рассказчик дает читателю некоторую информацию о семейном или общественном статусе героя (в повестях этого типа действуют муж и жена, отец и сын, теща и зять, сенатор и шляхтич, дворянин и мужик, господин и слуга, князь/король и воин), иногда указывает на его национальность (герою может быть русский, немец, цыган, еврей, «волох» и «венет»), профессию (судья, балвер, портной, пастух, живописец, поэт). Характеристика героев в категориях *anima et corpus* практически отсутствует. Повествование открывается краткой экспозицией, перечисляющей участников действия, бегло рисующей обстановку и описывающей исходную ситуацию. Композиционную доминанту повестей данного типа составляли смешные действия героя, приводившие к неожиданной развязке.

Из объектов предметного мира, окружающего героев, перечисляются лишь те предметы, которые «играют» какую-то роль в развитии сюжета, например, бочка в повести, рассказывающей о том, как хитрая жена спрятала в нее своего любовника («О жене, всадившей гостя в полбочку»), маска («харя»), которую жена приказывает надеть мужу, чтобы с ее помощью разыграть перед ним сцену покаяния («Как жена мужа прелукавила»), хлеб, который кладет в книгу попадья, пытавшаяся «научить» грамоте медведя («О вымысле попадья») и т. д.

Хорошим примером повестей этого типа может быть фацеция «О бабе, обманувшей демона» (см. Приложение) из сборника «Фацеции польские».

Кроме произведений, в которых господствует установка на действие, большой популярностью пользовались также произведения,

построенные на остроумном, заимсловатом изречении главного героя. В начале такого произведения рассказчик несколькими общими штрихами рисует ситуацию, в какой оказался персонаж (или персонажи), после чего слово предоставляется герою, который метко и остроумно оценивает положение (нередко неприятное), в каком по тем или иным причинам оказался, и тем самым не дает другим возможности посмеяться над собой. Хорошим примером краткой «заимсловатой повести» может быть фация «О тате и о пиянице», пользовавшаяся огромной популярностью в течение всего изучаемого периода (она входила в состав «Фаций польских», переведенных на русский язык в 1680 г., а со второй половины XVIII в., в новых переводах, постоянно включалась в печатные сборники анекдотов). В редакции Н. Г. Курганова она звучит так:

«К забавному бедняку пришли ночью воры; тогда он, нияло не осердясь, сказал им: «Не знаю, что вы можете, братцы, найти здесь в такое время, где я и днем сам почти ничего не нахожу» [Курганов 1790. С. 155].

Иногда остроумную реплику героя вызывает вопрос другого из участников «анекдотической ситуации», который задает его герою с целью компрометации, но, вопреки ожиданию, сам становится объектом насмешки.

Героями таких произведений могут быть как древние философы и государственные деятели (Диоген, Сократ, Цицерон, Александр Македонский, император Август), так и безымянные («некие») люди, так как на самом деле для поэтики жанра важна не столько историческая достоверность (одни и те же высказывания могут приписываться разным историческим лицам), сколько модельная ситуация произнесения такого остроумного изречения. В качестве примера возьмем анекдот о императоре Августе и похожем на него молодом человеке, известный также в вариантах, в которых место Августа занимает безымянный шляхтич.

«Император Август, желая знать, какая бы тому была причина, что один молодой грек весьма был похож лицею на него, спросил у него, не бывала ли мать его когда-нибудь в Риме. «Никак, Ваше Величество, - отвечал ему грек, - но мой отец в нем бывал много раз» [Семенов 1764. Ч. I. С. 18].

Тот же анекдот, на этот раз не привязанный к имени древнего императора, читается в «Письмовнике» Курганова. Сравни:

«Шляхтич, увидя пришедшего из другого села пастушонка, который на него очень похож, спросил: «Не жила ли твоя мать здесь?» -

«Нет, сударь, - отвечал малый, - но отец мой часто пребывал в вашем селе» [Курганов 1790. С. 179].

Подобных пар и даже целых цепочек анекдотов, использующих одну и ту же сюжетную схему, можно было бы привести значительно больше, но и этой достаточно для того, чтобы наглядно проиллюстрировать небывалую живучесть анекдотических текстов и доказать полную факультативность «исторического» прикрепления сюжетов.

С остросюжетной «смехотворной повестью» и анекдотом русские читатели знакомятся в самом конце XVII в., когда анонимный книжник переводит сборник «Фацеции польские», содержащий несколько десятков западноевропейских новелл, в том числе и новеллы, восходившие к «Декамерону» Боккаччо [Державина 1962], а также целую массу шуток и анекдотов. Жанр городской новеллы, в котором господствует простейшая житейская философия, сводившаяся к прославлению удачи, прочно вошел в репертуар забавного, «неполезного чтения».

Успех «Фацеций польских» заставил русских авторов «неполезной» литературы XVII - XVIII вв. пойти по этому же пути. И они, действительно, усваивают западноевропейский опыт и создают многочисленные русские аналоги малых жанров комической литературы. Ср. хотя бы такие интересные произведения, как «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о бражнике», «Повесть о царе и мельнике». В 30-50-х гг. XVIII в. возникает целая серия стихотворных жарт-новелл, разрабатывающих мировые анекдотические сюжеты [Адрианова-Перетц 1966 (1)]. Замечательные обработки бродячих анекдотических сюжетов найдем также в так называемой реально-бытовой части «Пересмешника» М. Д. Чулкова (ср. новеллы «Ставленник», «В чужом пиру похмелье», «Угадчики», рассказ монаха, в котором несколько раз обыгрывается мотив «С того света выходец», и т. д.), целую серию забавных новелл (например, «О двух ворах и о поле, одержимом подагрой», «О трех обезьянах, избавивших господ своих от смерти», «О дворянине и о портной, шившем ему платье», «О двух друзьях, живших во Флоренции, и о женах их») поместил в сборнике «Похождения Ивана гостинного сына» Иван Новиков. Благодаря этому забавная новелла закрепила свою ведущую позицию в репертуаре «неполезного чтения».

Вторую группу «смехотворных повестей» составляют произведения, героями которых являются исконно смешные герои, т. е. всевозможные глупцы, шуты, дурако-шуты, плуты, пересмешники и т. п. Тут с самого начала все ясно, так как уже первая информация о герое, которая обычно содержится в заглавии, должна вызвать у читателя встречную

улыбку. (Реакцию читателя подобных текстов можно, как думается, сравнить с реакцией публики на появление Петрушки в балагане). Такие сигналами, переключаящими читателя в «смеховую зону», могут быть имена героев (Фома и Ерема, Фарнос - Красный Нос, Совесть-Драл Большой Нос) или их типологические определения: шпиль, курioзный, увеселительный шут, плут, шут-плут. В категорию смешных героев попадают также представители других национальностей, например, цыгане, которым приписывается природное плутовство или глупость, а также пошехонцы.

В русской письменной литературе XVII-XVIII вв. герои этого типа занимают весьма значительное место. Есть основания думать, что литературная экспансия «шутовских персон» находится в определенной связи с тем, что с конца XVII в. шут становится постоянным элементом русского быта. Шуты и шутики («умные дураки»), состоявшие в дворцовой штате царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской, тешили своими выходками царское семейство [Забелин 1895. С. 375]. Начиная с петровских времен, шут, бывший до этого неотъемлемой частью русского дворцового обихода [Кузьмина 1958. С. 49], вышел, так сказать, на улицу. Жители Москвы и Санкт-Петербурга хорошо запомнились веселые святочные славения, во время которых Петр вместе с членами всешутейшего собора, в состав которого входили пьяницы, обжоры, всевозможные шуты и дураки, посещал дома дворян, а также купцов и промышленников. Они, как пишет Семенова, «целой ватагой в несколько сот человек налетали на дома купцов, важных лиц и «славили», т. е. пели сначала духовные песни, а затем пировали и пели шутовские и застольные песни» [Семенова 1982. С. 191].

Не менее зрелищный характер имели свадьбы царских шутов. Шутовская свадьба Я. Тургенева, имевшая место в 1695 г. «в шатрах на поле между селами Преображенским и Семеновским», длилась целых три дня, а в «свадебном поезде за новобрачными следовали высшие чины - бояре и окольничие <...> в каретах, запряженных быками, свиньями, козлами, собаками. Участники поезда были наряжены в смешные иаскарадные платья - кули мочальные, лубочные шляпы, кафтаны из крашенины, соломенные сапоги, мышиные рукавицы. Жених ехал в лучшей государевой карете» [Там же. С. 181]. Подобные шутовские празднества состоялись в 1704, 1715 (свадьба шута Зотова) и 1722 гг. Традиция эта сохранилась и в царствование племянницы Петра Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, а позже была усвоена русскими помещиками, которые охотно держали у себя шутов и приживалов.

Образ шута-плута появляется в русской литературе позже, чем образ глупца или инимого простака и довольно сильно от них отличается. Шут-плут не столько высмеивает изначальный мир, не столько тоскует по миру идеальному, сколько пытается устроить свою жизнь *hic et nunc* как можно лучше. Он тоже может оказаться в дураках, но никогда не отчаивается, и тут же придумывает новую выходку, новый способ повернуть колесо Фортуны в нужную сторону. Он, в отличие от персонажей древнерусских смеховых произведений, предпочитает смеяться над другими, а не над самим собой. И если, например, герой «Азбуки о голом и небогатом человеке» видит разницу между своим миром и миром сытых и одетых, то он не умеет и не хочет ничего отнять у других: «Мыслию своим всево бы у себя иного видель, и платья цветного и денег, а взять мне негде, солгать, украсть не хочитца» [Смех 1984. С. 214]. Такая философия неприемлема для плута. Он, напротив, готов и солгать, и украсть, лишь бы самому не оказаться в дураках. Он, в отличие от героя «Азбуки», который признается: «Юрил бы и играл бы, да Бога боюся, а се греха страх и людей сороишь» [Там же. С. 215], ни Бога не боится, ни греха не страшится, ни перед людьми не стесняется. Поэтому он активен, он не ждет, что ему принесет коловратное счастье, а старается это счастье хоть на некоторое время поймать. Он охотно идет на риск, нередко провоцирует других, заставляя их сделать неправильный ход, чтобы воспользоваться их недогадливостью. Он необычайно подвижен. И нередко жесток. Но благодаря этому выживает.

Наши наблюдения показывают, что образ этот обладал определенной привлекательностью для русского читателя второй пол. XVII-XVIII в., о чем говорит наличие в читательском репертуаре того времени многих произведений (как переводных, так и оригинальных), в центре которых стоит ловкий плут и обманщик. Не претендуя на исчерпывающую характеристику всех произведений данного типа, мы все же попытаемся перечислить самые популярные из них.

Итак, тип героя-плута встречаем в целом ряде произведений (как прозаических, так и стихотворных), в центре которых стоят любовные похождения героев. Большинство сюжетов этой группы повестей основано, если так можно выразиться, на «добывании» с помощью хитрых проделок и обманов (подиен, переодеваний, притворных болезней и смертей, инимых исцелений и т. п.) любовницы (или любовника). Кульминационный пункт повестей этого типа – это, как правило, удовлетворение эротических «потребностей» героев почти на

глазах у одураченных антагонистов. Посрамление этих последних, ании могут быть муж или отец героини, происходит, как правило, по их же вине. Герой, а нередко два сговорившихся друг с другом героя, пользуются какими-то недостатком антагониста (чаще всего недогадливостью, излишней доверчивостью, простотой, о которой в пословицах того времени говорилось, что она «хуже воровства», наивностью) и ставят его в дурацкое положение, потешаются над ним. Отличительной чертой повестей этой группы является и то, что одурачивание антагонистов затягивается, а посрамляемый герой ставится в смешное положение несколько раз (ср., например, притворную «игру» Кассандры из фацеции «О господине Петре и о прекрасной Кассандре и о слуге Николае» с мужем и слугой, три удачные попытки перехитрить мужа королевы Анны из «Повести о португальской королеве Анне», законченные ударной концовкой - свадьбой героев на глазах и с участием одураченного мужа, три попытки жены пьяного мужа из фацеции «О жене, оболстившей мужа, якобы ввергшаяся в кладезь» обмануть его недоверие и т. д. и т. п.) или же один персонаж посрамляет нескольких антагонистов (ср., например, перехитрение Татьяной Сутуловой трех лицемерных друзей ее мужа, которых она, пользуясь, если так можно выразиться, одним сценарием, лишает обещанных ласк и запирает в чулан).

Занимательность повестей этой группы усиливается еще и тем, что каждый из очередных «ходов» ловкого героя является по сути дела балансировкой на краю пропасти. Девизом плута могут быть слова Фрола Скобеева: «Буду полковник или покойник». В самом деле, нетрудно себе представить, что случилось бы с Фролом, с прекрасной Кассандрой, с безмянной купеческой женой из жарты «О купцовой жене и прикащике» и другими их литературными братьями и сестрами, если бы антагонисты сумели разглядеть их обманы. Но такое в повестях подобного типа не случается.

Посрамлению антагониста нередко сопутствуют многочисленные туиак и затрешины, причем бывает и так, что обманутый и избитый по приказанию жены муж очень рад полученным оплеухам, так как по его глубокому убеждению они являются неопровержимым доказательством верности супруги, которая между тем предается увеселениям со своим любовником. Так, например, толкует собственное избиение Петр из повести «О господине Петре и о прекрасной Кассандре и о слуге Николае»: «Милая жена, воистинну ныне познах правую работу и веру слуги сего к себе. Воистинну побожен и ине доброхотен. По словесем убо твоим егда прииде в огорожок ко мне и, чая, яко сушая ты,

толикии целомудреннии словесы нача ми поносити, яко паче всякия казни явишася ми. К сему же и ослопом оскорбил мя зело, и отселе буду верити ему, яко себе» [ПЛДР. XVII(2). С. 126].

Создается впечатление, что авторы любят своих героев и всячески стараются показать читателю, на что они способны. Симпатии рассказчика явно на стороне плута, а не на стороне битого (в буквальном или в переносном смысле этого слова) антагониста. Так, например, любовники торжествуют над обманутым мужем в фации «О жене, оболбившей мужа, якобы ввергся в кладезь» и других оригинальных обработках этого сюжета (в «Повести о старом муже и жене его иладей» из «Книги, нарицаемой жарты», в стихотворной жарте «О старом муже» и восходившей к ней лубочной картинке «О старом муже и молодой жене»), в стихотворной жарте «О купцовой жене и приказчике» и ее печатных вариантах, и во многих других.

Пружиной действия в плутовской «любовой» повести может быть как мужчина, так и женщина. В повести «О короле, иже жену свою своими руками выдал замуж» (см. Приложение), восходившей к седьмой притче королевы из «Истории семи мудрецов», все ходы обдумываются воином, который восхотел отнять у короля его «велики прекрасну лицом» кралеу. В расчете на то, что слава о нем дойдет до короля, он устраивает в городе пир «и битву, и витяжество», умело добивается согласия короля на постройку дома вблизи его двора, потом делает тайный ход в терем королевы и уже с ее помощью так одурачивает ревнивого супруга, что тот венчает его на своей собственной жене. Обманутый не может понять, как мог сделать такую глупость. «Или аз был шален, или пьян, како яя оболстил есть?» — спрашивает сам себя и, пытаясь исправить свою ошибку, посылает за ними погоню, которая, однако, возвращается без обманщиков. Плуты торжествуют.

К этой же группе отнесем хорошо известную читателям рукописной литературы «Повесть о Фроле Скобееве» (все сохранившиеся ее списки — это списки XVIII в.), две печатные обработки того же сюжета из сборника Ивана Новикова, т. е. «Новгородских девушек святочный вечер» и «О писаре, женившемся обманом на хозяйской дочери» (см. Приложение), а также рассказ о проворном детине из журнала «И то и сьо» [Лекарство 1989. С. 183-186]. Во всех повестях бедный, но проворный герой затеивает игру в жениха и невесту с дочерью более богатого и более знатного господина, обольщает девушку и заставляет отца дать молодому благословение и содержание. Знаменательно, что действие повестей (исключение составляет только рассказ «О писаре») приурочено к святочным гаданиям и эротическим забавам русских.

Но нередко инициатива «любовой игры» исходит от тороватой женщины, которая с помощью ей только известных уверток одурачивает мужа и «добывает» себе любовника. Особенной популярностью у читателей всех сословий пользовались прозаические и стихотворные повести о «бабьих увертках». Героини этих повестей виртуозно и остроумно обманывают своих мужей, заводя себе любовников и одновременно отводя от себя всякие подозрения в измене. Мало того, они смеются также над своими любовниками, ставя их в очень неловкие ситуации, артистически аранжируя встречи с ними в присутствии своих супругов. Их поведение напоминает поведение ловких воров, которые бьются об заклад, что украдут простыню, на которой спит хозяин с хозяйкой, и даже саму хозяйку. Они не только добывают себе любовников, но, как бы любясь своей ловкостью, демонстративно обнажают «технику» обмана. Так, например, заманивая к себе приказчика, купеческая жена из жарты «О непостоянной жене» (см. «Приложение») «сама дуает показать увертки, /Чтоб он знал впредь бабы уметки». Точно так же поступает купчиха из жарты «О купцовой жене и о приказике». Задетая за живое шуткой приказчика о «бабьих увертках», она решила «посмеятца над ним в ответе смело» и показать ему свое мастерство в этом деле, а заодно сделать его своим любовником. Итак, она призывает его в свою коимнату, а когда замечает, что ее муж «на двор въезжает», разыгрывает перед ним двойную комедию. Приказчику повелевает спрятаться за картину, объясняя такую предосторожность ревностью и ложными подозрениями мужа:

...поди спрятца за картину,
Скоро наведешь мне причину,
Хозяин помыслит, тебя возлюблю
И наедине с тобою разговор продолжаю.
И так давно того признавает,
Всякими видами о нас умышляет»

[Кокорев 1940. С. 263]

а мужа, который вернулся с охоты, заставляет выстрелить в картину, за которой стоял помирающий со страху приказчик. Старик, желая убедить супругу в своей ловкости, прицеливается, но она, «прибежав, руку отнимает», и купец промахивается. Однако ловкая купчиха еще не кончает свою игру с мужем и приказчиком. Пользуясь очередными отлучками супруга, еще два раза показывает свое превосходство над ним и только тогда говорит:

..... теперь полно,
 Уверток моих было довольно,
 Можно вам ныне со мною любитца,
 Могу всячески от мужа отговоритца.
 Ничём пред тобою я не солгала,
 Увертки свои вам явно показала.
 Теперь кто и вправду хочет сказать,
 Муж не будет никому веры нять.

[Там же. С. 266]

В некоторых повестях этого типа изображена своеобразная женская солидарность. Женщины помогают друг другу отклонить подозрение мужа в измене в известной фации «Дву мужей две жены из разума вывели и обманули», в жарте «О непостоянной жене», в переведенной с немецкого новелле «О старой муже» и во многих других. Здесь также побеждает ловкость и изворотливость, а простота и недогадливость жестоко высмеиваются.

Важное место в репертуаре русской «неполезной книги» XVII-XVIII вв. принадлежит народным книгам о похождениях дурака-шута Эзопа и шута-плута Эйленшпигеля. Первое знакомство русского читателя с «Эзопом баснословом» и его «забавной» биографией состоялось уже в 1607 г., когда Федор Гозвинский перевел с греческого языка, наряду с баснями, одну из популярнейших книг эллинистического Востока в редакции византийского монаха Максима Плануды (1260-1310). «Житие Эзопа баснослова» рассказывало о необычайных приключениях умного раба глупого господина. Благодаря своему природному уму, Эзоп выходит победителем из самых затруднительных положений. Одновременно образ Эзопа имеет много черт плута, который своим неконвенциональным поведением выворачивает наизнанку социальные и этические нормы, предлагая власть предрежающим свою шкалу ценностей. Плутовская природа образа Эзопа проступает особенно сильно в той части романа, в которой рассказывается о шутовских проделках Эзопа в период его рабства, когда он, надевая маску дурака, пародирует и искажает высокий язык философа Ксанфа. Самыми частыми приемами снижения речи антагониста является реализация метафоры, состоящая в том, что Эзоп злоумышленно переводит слова своего господина из плана метафорического в буквальную, выражения фигуральными придает значение нефигуральное. Так, например, приказание принести господину воды

«после бани» Эзоп выполняет, принося ему банные поmoi, т. е. воду «после бани», а когда Ксанф велит ему сварить чечевицу, он кладет в большой котел одно зерно, отклоняя упреки Ксанфа ссылкой на недостаточно четкую формулировку задачи и т. д.

Однако факт, что «Житие Эзопа» сопровождалось творениями Эзопа-баснописца, носящий явно назидательный характер, а также наличие в планудовой версии его биографии, наряду с анекдотическими эпизодами, эпизодов, рисующих Эзопа-мудреца, Эзопа-советника царей, Эзопа-баснописца привели к тому, что на первых порах плутовское начало в образе Эзопа не было до конца понято. Эзоп - умный и хитрый раб философа Ксанфа настоящую популярность приобретает только в XVIII в. благодаря появлению печатных изданий его шутовской биографии, хотя новый подход к образу Эзопа начинает складываться уже к концу XVII в., когда появляется новый перевод его биографии, уже в самом заглавии («Сие дивное и потешное житие Эзопа») делающей акцент не на мудрость героя, а на занимательность его похождения. В 1712 и 1717 гг. был напечатан слегка модернизированный перевод Федора Гозвинского [Тарковский 1955. С. 30], лубочное «Житие остроумного Эзопа» издавалось, начиная с 1750 г. раз пятнадцать [Стринадель 1968. С. 21], четыре раза печаталась «биография» Эзопа в составе сборника «Эзоповых басен с нравоучением и примечаниями Рожеа Летранжа» в переводе С. Волчкова (СПб., 1747, 1760, 1762, 1775), словом, Эзоп стал одним из самых популярных литературных героев того времени, а его баснословная биография стимулировала возникновение многих произведений, в центре которых стоял инициальный простак, вынужденный вести постоянную борьбу за свое физическое существование. Стихотворные жарги повторяют (без упоминания имени Эзопа) некоторые его «консепты». Так, например, автор жарги «О злой жене» положил в основу своего произведения 6 главу «Жития Эзопа» в переводе С. Волчкова, в которой говорилось о том, как он помог Ксанфу вернуть домой его жену [Адрианова-Перетц 1929. С. 397], а лубочная «Сказка о хозяине и работнике» использует прием посрамления господина, состоявший в злоумышленном шутовском выворачивании его высказываний (варка работником яиц аналогична варке сочевицы Эзопом).

Несколько позже, чем с Эзопом, познакомились русские читатели с плутовской биографией Эйленшпигеля. Согласно преданию этот выходец из крестьянской семьи, живший в Германии в XIV в., был неутомимым бродягой и озорником, сменявшим непрерывно места жительства и работы, весело и дерзко насмехавшийся над своими господами.

Современники охотно рассказывали о реальных и вымышленных проделках Эйленшпигеля, и через некоторое время он стал легендарной собирательной фигурой, вокруг которой сгруппировались устные и печатные анекдоты о похождениях всевозможных плутов и пройдох. С момента выхода в 1515 г. первой печатной книги о Тиле он становится известной фигурой во всей Европе. Все наперебой переводили биографию Эйленшпигеля, который с детских лет до конца своих дней возмущал спокойствие почтенных граждан. Еще будучи малым мальчиком, он вызвал негодование соседей, показывая им голый зад. Несколько позже поссорил две сотни парней, злоумышленно перепутав их сапоги. Став взрослым, он довел свое озорство до совершенства. На страницах книги помещена почти сотня рассказов о его проделках. К самым популярным следует, пожалуй, отнести рассказы о том, как Эйленшпигель без помощи лекарств вылечил всех больных в госпитале, как он расписывал стены в замке ландграфа Гессенского, как спорил с профессорами пражского университета и как обучал грамоте осла.

Первые следы знакомства россиян с проделками Тили Эйленшпигеля относятся к началу XVIII в. Сперва это были пересказы особо полюбившихся глав польской версии романа, позже - перевод и попытка создать русский аналог жанра [Малек 1988. С. 209-233].

Так, например, изустным путем распространялся рассказ о том, как Эйленшпигель/Совизжал расписывал стены во дворце ландграфа Гессенского (ср. свидетельство Тредиаковского, который писал: «Сказывают, [государь] и[ой], про некоторого польского шута, именем Семизрала или Севиззрала, не знаю, что он некогда обещался в некакой каиере показать или высокую живопись, или богато и искусно вытканными обои, однако с таким уговором, что кто будет законного отца сын, тот имеет все оное видеть. Все видели и изрываясь хвалили, хотя в каиере кроме пустых стен и не было ничего, для того, что никто не хотел быть зазорным сыном» [Тредиаковский 1849. С. 241]; тот же сюжет, но уже без указания на происхождение и имя героя, находим в рукописной жарту «О господине с курioзными»), а также рассказ о покупке Совизжалом чужой земли (ср. жарту «Как шут землю в Польше купил»).

Примерно в 60-е гг. XVIII в. русский читатель получил сокращенный перевод польского «Совизжала», озаглавленный «Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла Большого Носа, переведенные с польского и дополненные с других языков», который переиздавался до конца столетия еще 5 раз [Малек 1981].

Сохраняя плутовскую природу героя, выражающуюся наличием в нем таких черт, как ловкость и изворотливость, бесцеремонное обращение с представителями всех сословий («Он, – как читаем в романе, – родился для нанесения пакостей человеческому роду, он не почитал преступлением такого действия, которое приносило ему душевное увеселение, хотя бы оно и чувствительно ближнего оскорбляло. Он думал, что свет есть такой феатр, на коем никому не воспрещено делать язвительных шуток» [Похождения. Б. г. Ч. I. С. 29]), переводчик значительно усиливает одну из исконных черт плутовского архетипа, а именно пристрастие Совесть-Драла к любовным похождениям, причем его любовные связи представляет либо как сугубо плотское влечение, либо как средство получить материальную выгоду.

Зная живой интерес русского читателя к похождениям Эзопа и Совизжала (оба романа, как мы уже упоминали, издавались в XVIII в. по нескольку раз, а биография Эзопа попала в лубок) В. Левшин помещает в серии «Библиотека немецких романов» (1780) новый перевод романа «Совяззеркало», т. е. «Похождений Эйленшпигеля» вместе с предисловием к нему, в котором читалось следующее: «Каждый народ имеет своего Совяззеркало. Эзоп собственно был не что иное, как Совяззеркало греков <...>. Немецкий Тил есть бесспорно древнейший и собственный роман народный» немцев» (цит. по: [Сиповский 1903. С. 178]). Вместе с переводом «Похождений Эйленшпигеля» Левшин печатает также итальянскую версию жизнеописания Эзопа, т. е. «Жизнь Бертолда», рекомендуя ее русскому читателю как самую популярную книгу итальянцев. Как бы в ответ на эти издания появляется в 1781 г. очередное переиздание «Похождений Совесть-Драла», на этот раз дополненное не переводом, а русским сочинением, рассказывающим о похождениях воскресшего и еще больше, чем в первых двух частях, на русские нравы склоненного Совесть-Драла.

В первой половине XVIII в. шут-плут стал героем довольно обширного цикла стихотворных жарт, сохранившихся до нашего времени во многих списках. Отдельные жарты цикла еще не выстраиваются в связный и последовательный рассказ о похождениях главного героя (справедливости ради скажем, что попытки такого рода, правда, без особого успеха, некоторыми переписчиками предпринимались; сюда следует отнести объединение в пределах одной жарты сюжета об оскорблении шутом королевы и сюжета «На чужой земле», но эта эмбриональная форма причинно-следственного построения рассказа о шуте не получает дальнейшего развития и завершения), нет также попыток придать циклу рассказов о шуте биографический характер

наподобие Эзопового или Совест-Дралового жизнеописания, хотя в рукописях встречаем и упоминание о матери героя, которая его родила плутом и обманщиком, и о его предсмертной шутке (ср. жарту «О курьезном с матерью», открывающуюся словами: «Когда на смерть он заболел, /и тогда без проказы умереть не хотел»).

Соединение сюжетов отдельных жарт совершенно случайно. Это как бы отдельные сценки, отдельные кадры из жизни одного и того же персонажа (некоторые жарты носят названия, однозначно указывающие на единство героя: «О том же шуте», «О том же шуте с соседями», и т.д.), не укладывающиеся еще в более-менее последовательный рассказ о его жизненных похождениях. Их можно свободно поменять местами, вырвать отдельные жарты из состава цикла, и от этого наше читательское представление о шуте-плуте ничуть не пострадает.

Шут жартов (подобно Совест-Дралу) - это природный шут, шут от рождения. Упрекать его в том, что он непрестанно над кем-то шутит, бесполезно. Королю, который пытался унять его страсть к язвительным остротам, он отвечает:

Милостивы король, мать моя виновата была,
почто яя такого родила.
Прикажи, ежели возиожно, паки переродить,
дабы я без сих шуток иог быть.

Объектом его шуток могут быть буквально все, в том числе и король, над которым он, однако, смеется чуть помягче, чем над остальными. Шутовские выходки героя жартов далеко не всегда благопристойны и безобидны. Он любит грубую, вульгарную шутку, задевавшую за живое высмеиваемого человека. Шут, как читаем в одной из жарт:

Сам себя забавами забавлял,
а другим людям обиду казал.

Отношение людей к шуту хорошо показано в жарте о притворной шутовой смерти. Те, кто не стал непосредственной мишенью его злых шуток, кто вместе с ним смеялся над другими, те «жестoko об нем тужили», - говорит рассказчик. - Кому ж был противен, те веселились, /уже от поношения его лишились». Но шуту, в совершенстве владеющему искусством перевоплощения и притворства, удастся выйти победителем почти из всех испытаний.

К романами о похождениях дуракошута Эзола и шута-плута Совест-Драла приимкает также «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника и вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов» (СПб., 1779), составленное М. Коиаровым на основании автобиографических записок известного в 1740-х гг. московского вора и сыщика - Ивана Осипова и анонимных повестей об этой колоритной фигуре. Одними из толчков, побудивших Коиарова поведать российскому читателю о похождениях Ваньки Каина, было так сказать чувство уязвленной национальной гордости, вызванное появлением на книжном рынке перевода «Подлинного описания жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищей» (СПб. 1771). Своими романом он хотел убедить тех, которые «читая переведенную с немецкого языка книжку о французском мошеннике Картуше, удивлялись мошенническим его делам», говорили «будто у нас в России как подобных ему мошенников, так и других приключений достойных любопытного приимчания не было» [Коиаров 1779. С. 2]. (Несколько лет спустя движимый теми же чувствами анонимный автор выпустит в свет «Похождение ожившего нового увеселительного шута Совест-Драла»). Огромный читательский успех книги Коиарова, в которой были собраны многочисленные анекдоты и легенды об Иване Осипове, был подготовлен не только популярностью «Подлинного описания жизни Картуша», но и русскими анонимными книжками : «О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике» (1775) и «Жизнь и похождения Российского Картуша, именуемого Каина...» (1777), а также многочисленными рукописными (прозаическими и стихотворными) рассказами о проделках всевозможных воров и мошенников. Среди них были фацеции о ловких ворах, умело обманывающих простаков, а также рассказы, которые отличаются своеобразными «юмором висельников» (Galgenhumor). К первой группе можно отнести фацецию «О нидерландской плуте, краву укравшей» из «Фацеций польских» и ее более поздние переделки: стихотворную жарту «О воре», перепечатанную в несколько лишь измененной виде в сборнике «Старичок-весельчак» (1789) и столь популярную еще в XIX в. лубочную «Сказку о воре и о бурой корове», а также рассказ из «Веселой книжки для путешествующих людей» (1790), не восходивший к фацеции польским, но разрабатывающий тот же сюжет. Во всех перечисленных произведениях рассказывается о воре, который просится на ночлег к крестьянину, крадет у него корову и ту же корову ему продает. Сюда же можно отнести забавную жарту «О мошенниках», которые, увидев мужика, ведущего на рынок корову, бросают перед ним

на пути мелкие монеты, и когда тот собирает мелочь, уводят у него корову (известны также печатные варианты этого сюжета), жарту «О поле и мошеннике» (восходящую к прозаической фацеции немецкого происхождения, известной по сборнику ГБЛ, собр. Погодина, № 1777), в которой рассказывается о том, как попу, решившему на Пасху купить себе новые «ризы и пояски», хитрый вор крадет кошелек (ср. также вариант этого сюжета в сборнике «Веселый и шутливый Меландр», изданном в 1789 г.) или жарту «О мошеннике с попом», восходящую к рассказу из упомянутого Погодинского сборника, в которой речь идет о мошеннике, пришедшем на исповедь и признавшемся попу в страшном желании кого-нибудь зарезать. Перепуганный исповедник убегает, а вор без опасения за свою жизнь берет все деньги, какие прихожане оставили своему духовному отцу. Сюда же отнесем рассказ о воре, который «покупает» у мужика свинью, за которую якобы должен заплатить кто-то другой, или рассказ о воре, который, выдавая себя за «выходца с того света», выманивает у простаков деньги, с тем, чтобы «передать» их на тот свет родственникам (интересную обработку этого сюжета находим в «Пересмешнике» Чулкова).

Рядом с приобретшими столь большую популярность переводными анекдотами о ворах и мошенниках следует упомянуть и о русских новеллистических сказках, рассказывающих о всевозможных плутнях отечественных воров. Они не только передавались изустным путем, но и охотно печатались. Некоторые из них, как к примеру сказка о племяннике Фомке в пересказе В. Левшина (ср.: [Новиков 1971. С. 74-80]), отличающаяся довольно сложной композицией, объединяет целый ряд популярных мотивов и сюжетов сказок двух тематических групп: о ворах и разбойниках и о хитрых и ловких людях.

Ванька Каин из романа Комарова как и герои устных и письменных анекдотов о ворах и мошенниках, наделен природной «остротой разума, проворством, смеелостью, скорою догадкой», он совершает свои преступления легко и виртуозно. Повесть о нем состоит из цепи последующих друг за другом рассказов о какой-то одной плутне героя и отличается относительной замкнутостью и законченностью. Это сближает роман о Ваньке Каине с анекдотами о ворах и мошенниках и с плутовским романом. Правда, Комаров, проявляющий большую склонность к морализаторству, даже рассказу о русском Картуше старается придать нравоучительный характер, но несмотря на все его усилия, анекдотическая, плутовская первооснова романа побеждает дидактические наслоения.

Моделирование некоторых героев чулковской прозы носит явные следы плутовской традиции. И так, к плутовскому роману восходит иронически сниженная родословная некоторых персонажей «Пересмешника или Славенских сказок». Примером может послужить автохарактеристика одного из главных рассказчиков – Ладона, который затрудняется сказать, кто был его настоящим отцом, так как на «постоянство покойной матери <...> не совсем должно было полагаться», а чуть дальше иронически сообщает: «Я произошел от знатного и проворного поколения. Знатно оно потому, что все соседи знали моего отца, покойную мать мою и меня; проворным же называл я его по причине, что отец мой был жид, а мать моя цыганка; такие люди всегда бывают искуснее прочих в проводах и обманах» [Пересмешник 1987. С. 11]. Дальнейшие строки автохарактеристики показывают, что недалеко падает яблоко от яблони. Ладон еще в младенческом возрасте проявляет небывалую проворность: в шестинедельном возрасте он бьет по щеке пьяную бабу, которая исполняла должность его крестной матери (здесь очевидна аналогия с биографией Совизжала, крестная мать которого «с своими подругами, следуя старому обыкновению, зашла в кабак, где на счет отца новокрещенного ребенка напилась до пьяна» [Похождения Б. г. Ч. I. С. 4], а потом вместе с ребенком упала в пруд, откуда ее еле вытащили). Но если герой западноевропейского плутовского романа иронически сопоставлялся с героем «высокого» рыцарского романа, то Чулков, верный своему принципу русификации заимствованных мотивов, нашел более близкий русскому читателю культурный и литературный контекст для своего персонажа. Он так строит рассказ о своем герое, что читатель невольно сопоставляет биографию Ладона с биографией святого, происходившего «от благочестивых родителей» и проявляющего свою святость уже в утробе матери своей. «О шестинедельном моем рыцарстве слава моя возрастала вместе с моими летами; – читаем в «Пересмешнике», – и как такие дела обыкновенно с прибавкой ходят в свете, то некоторые сказывали, будто бы я говорил у матери моей во чреве и, вышедши из оногo, в ту же минуту просил есть, и много подобных сею невозможностей набредил» [Пересмешник 1987. С. 12–13]. Чулков, правда, не сообщает, о чем говорил во чреве своей матери Ладон, но сказав, что первым его желанием было желание отнюдь не духовного порядка, еще сильнее противопоставляет его благочестивому, аскетическому герою житийной литературы. Это противопоставление не снимается шутилой ссылкой на людскую молву и сослагательным наклонением рассказа. Чулков, несомненно, рассчитывал на то, что в данном случае

сработает описанный А. М. Панченко механизмы, в результате которого читатель соотнесет читаемый текст «с контекстом, посредством автоматической, чаще всего для самого себя незаметной мыслительной операции «увязывая» сюжетные ходы текста со словесными и общекультурными стереотипами, с национальными сюжетными фондами» [Панченко 1984. С. 75]. Следующие страницы «Пересмешника» показывают, что эта «выходная» характеристика героя находит свое полное подтверждение в его дальнейшем романном бытии. Он, как настоящий потомок плутов, заботится прежде всего о материальных благах, главным образом об утолении голода и любовной страсти, похоти (в восемнадцатилетнем возрасте становится рассказчиком сказок в доме отставного полковника и любовником его дочери – Аленоны). Трезвый ум Ладона направлен на сохранение собственной жизни, а моральная сторона поведения его вовсе не занимает.

Плутовской родословной может также похвалиться главный герой «Сказки о рождении тафтяной мушки» Неох, имя которого, как полагает В. П. Степанов, можно понимать как «неунывающий», а также героиня «Пригожей поварики» – Мартона.

Плутовская традиция отразилась также в сборнике Ивана Новикова «Похождения Ивана гостинного сына». Кроме упомянутых выше обработок столь популярной в XVIII столетии «Повести о Фроле Скобееве», следует назвать еще повесть «О крестьянине Странжило, обманувшем господина и избавившем себя от побой», созданную на основе древнерусской «Повести об Аквитане», использующей, в свою очередь, один из эпизодов «Жития Эзопа» в переводе Федора Гозвинского. Новиков (подобно Чулкову) задумал создать плутовскую повесть, действие которой происходило бы в русской, а не в иностранной обстановке. В связи этим он усилил плутовские черты в образе главного героя, который под его пером превратился в бедного, но хорошего лица, острого на выдумки и шутки бобыля Созонта, прозванного «Странжилом, или Забавным» (ср. [Малек 1990. С. 105-107]), и умножил количество выпавших на его долю приключений.

В произведениях просветителей такое отношение к плуту немислимо. Все русские авторы просветительского толка могли бы подписаться под высказыванием почтенного Ж. Ж. Руссо, который, характеризуя фарсово-развлекательную комедию Мольера, писал: «Его главнейшая забота состоит в том, чтобы сделать смешным доброту и простоту, а хитрость и ложь – предметом сочувствия; его добродетельные герои только говорят, действуют же по преимуществу герои безнравственные, и самый блестящий успех постоянно сопутствует им,

а потому и аплодисменты зрителей, редко выпадающие на долю добродетельных, почти всегда награждают самых ловких» [Сериан 1973. С. 232-233]. Это и понятно. Ведь симпатия к плуту, обманывающему честного человека, не могла поощряться теми, кто понимал писательство как службу, как заботу о добродетели и общественной долге сограждан.

Но интерес к герою-плуту не остывает и он должен быть удовлетворен. Во второй половине XVIII в. русский читатель получает возможность познакомиться с испанскими и французскими романами о «пикаро». Уже в 1754 г. появляется перевод «Истории Жиль Блаза из Сантиланы» А. Р. Лесажа, получивший название «Похождения Жилблаза», примерно в то же время переводится анонимная «Жизнь Лазарильо», а чуть позже романа Д. Дефо «Молль Флендерс».

Образы шутов и плутов встречаем также во многих сборниках повестей и анекдотов, увидевших свет во второй половине XVIII века. В «Письмовнике» Курганова шут появляется в нескольких анекдотах из раздела «Краткие замысловатые повести». Он нередко обнажает и показывает непубличные сферы человеческой жизни, например, половую и материально-телесную жизнь. В «Письмовнике» нет скабриозных анекдотов о шуте (исключение составляет рассказ о шуте польского короля Августа III, который показывает дамам голую задницу [Курганов 1790. С. 200]), зато найдем здесь много анекдотов, обнажающих глупость и слесь. Примером может послужить следующий текст: «Во время обеда некто, захотя посмеяться над шутом, стоящим по другую сторону стола, спросил его: «Какая есть разность между тобой и дураком?» Шут ответствовал: «Только стол» [Там же. С. 150].

Те же анекдоты о шутах и плутах находим в «Товарище разума и замысловатости», автор которого без зазрения совести перепечатал больше половины «Замысловатых повестей» Курганова. Анекдоты о шутах найдем в сборнике Ивана Новикова «Похождения Ивана гостинного сына» (ср., например, рассказ «О шуте, бывшем у персидского шаха»), в «Старичке-весельчаке» (1790), в «Веселом и шутливом Меландре» (1789), в «Спутнике и собеседнике веселых людей» (1773-1776). Стоит отметить, что некоторые из сюжетов рукописных и печатных анекдотов о шуте уже в 80-90-х гг. стали связываться с именем Балакирева [Иванова 1987]. К ним относится, между прочим, короткий рассказ, известный по «Письмовнику» и другим сборникам и рассказывающий, что «Шут, будучи летом в одной беседе с пастором, спросил его: «Не грешно ли, батюшка, бить мух?» Поп на то отвечал: «Какой грех, эту негодную тварь я разрешаю бить, где бы она ни была». Шут, увидя

муху на его лбу, подошел к нему и дал ему такой пляск, что тем всю беседу рассмешил [Курганов 1790. С. 180].

Чисто развлекательные функции выполняли также пародии путевых записок и рукописных газет, носившие название курантов, новин или авизий. Являясь пародией на газетные донесения из разных частей мира, авизии очень точно повторяли их структуру. К примеру, в списке БАН. 32.6.155 все донесения датируются разными числами июля и августа 1744 г. и сопровождаются указанием на местность или страну, из которой передается информация. Иногда под одним числом помещались авизии из разных мест (например, под 25 июля читаются авизии «из Требтов», «из Неаполя», «из Венеции», «из Гамбурга», «из Ростова», «из Гистрова» и «из Цесарии»), иногда лишь одна. Смеховой эффект в произведениях этого рода достигается прежде всего благодаря тому, что точные пространственно-временные ориентиры, направляющие внимание читателей на получение достоверной информации, в дальнейшем не оправдываются. Вместо сведений о реальных или хотя бы правдоподобных событиях, читателю предлагается, например, информация о том, что «Копенгагенская круглая башня на сих днях пойдет замуж, у которой будут на банкет из Гамбурга 367 печей в немецких епанчах да в церемонии несколько маршалков, из Парижа триумфальные ворота с вымпалом, 12 бастионов шафарами, 40 пажов картаульных пушек, 12 быков и несколько трубачей да литаврщик один 6-ти сажень каменной» [л. 66.], что «Венскую гавань перевезли сухим путем на фурианах в Ариндебург для того, чтоб торговые купцы с караблями там приставали», что «В Лондоне маркитанты убили корову и нашли в ней два галиота и два бота, на которых сидят люди все живы, а товары погнили, и, как сказывают, что они ехали из Данцига под Азов» и т. д. В мире, образ которого рисуется авторами авизий, читатель обнаруживает совершенно диковинных, нередко как бы поменявшихся местами, людей, предметы и животных. Фантазия автора то увеличивает до невозможности размеры предметов и живых существ (в одной из авизий говорится о раке длиной в три аршина, в другой о щуках «мерю сажень по осии», в третьей сообщается о колодце, «в котором имеется трактирный дом с высоким убранством и цветниками»), то выворачивает наизнанку, деформирует отношения между ними, то приписывает не свойственные им действия и черты (курица телится, осетры летают, выют гнезда на дереве и высиживают куликов, «на которых шерсть свиная, а величиною с барана, а голос дикого гуся», венецианские дамы едут в море в каретах журавлей ловить и т. д.).

Подобный характер имеют «сиехотворные басни», отобранные в 1698 г. у польского шляхтича Климки Доморацкого и переданные вместе с его делом в Москву для перевода [Зенбицкий 1910. С. 49-51] на русский язык. Абсурдный мир авизий и «сиехотворных басен» (си. Приложение) сродни миру фольклорных небылиц. Русский читатель, несомненно, хорошо чувствовал общность поэтики рукописных и печатных сиехотворных курантов и устных небылиц. Но более-менее начитанному книжнику второй половины XVII - нач. XVIII в. они также легко ассоциировались с сообщениями о диковинных предметах и существах, какие без труда можно было отыскать в официальных курантах и в календарях. Так, например, в календаре на лето господне 1689, составленном краковским автором Марином Сенником и переведенном на русский язык Семеном Лаврецким, читаем между прочим следующие «ведомости»:

«В лето 1293 в Голяндии привели в город Гаерлем (т.е. Гарлем - Э. М.) некую жену морскую нагую и немую, взятую на некотором озере ближнем, куды ее выкинуло воды океанские.

На море фризийском поймали одного человека морского з бородою и волосами. Привыкл было есть хлеб и иное.

Ведомость

Галия есть одно село в Голяндии во Европе всех болши, потому что имеет болши 2000 домов. Недалече того села есть гроб некоей графовой жены в кляшторе законничок святого Берната, которая в лето 1276 родила 364 робенка, а те все были крещены».

[БАН, Арханг. собр., № 228, л. 46 об. - 47]

Такую же цель - рассмешить набором несообразностей, доведенных до абсурда нелепостей - преследовали небылицы. Небылицы о поселянине и медведице и о разных диковинных предметах, которые рассказывал, вызывая у слушателей «громкий смех», русский посол и толмач Дмитрий Герасинов [Новиков 1971. С. 8-11], в устном виде существовали по меньшей мере с XVI в. От XVII в. сохранилось уже немалое число письменных текстов, построенных по принципу небылицы. Это, с одной стороны, оригинальные перевертыши деловых жанров, например, «Роспись о приданой», «Лечебник, как лечить иноземцев», «Калязинская челобитная» (ср. [Сиех 1984. С. 7-25]), с другой, своеобразные «небыличные турниры». Так, например, автор компилятивной «Повести о португальском посольстве» один из фрагментов прения мудрецов строит по принципу состязаний во лжи. Аргументами в споре мудрецов становятся небылицы. Среди них есть рассказы о необычной величине обыкновенных предметов: о сыре,

восьмую долю которого дали 50 работникам на обед, когда же «во время обеда разломиша его, обретоша в нем два жеребенка, да двугодовалого теленка» [ПЛДР. XVII (1). С. 476], попавших туда во время приготовления сыра; о быке, на одной лопатке которого было селение в «сорок пять дворов жильцов»; о дыне совершенно невероятных размеров; о капусте, один лист которой служил крышей пятисаженной избе. Состязание во лжи - это как бы удвоение и одновременно обнажение веселой игры алогизмами. Так, например, в рассказе «О пересмешнике и лжеце» из сборника немецких новелл, переведенных на русский язык в 30-40-х гг. XVIII в. (ср. [Адрианова-Перетц 1966 (2)], лгун рассказал о якобы виденной им капусте, под одним листом которой «можно бес труда поставить 150 человек конных вооруженных <...> и можно делать военную эскортицию» [ГБЛ, собр. Тихонравова, № 562, л. 131], а пересмешник, подхватывая его конвенцию, говорит, что он близ японской границы увидел «такой вышины и ширины котел, что в нем можно положить и сварить в один раз триста быков и столько же баранов и телят с надлежащею потравой». Лгун, пораженный явной абсурдностью этой информации, ставит вполне резонный вопрос: «На что и к чему такой великой котел сделать?», пересмешник же, опять играя предложенной лгуном конвенцией рассказа, отвечает: «Ни к чему иному, токио для варения в нем той твоей капусты» [Там же, л. 131 об.]. Ту же схему состязания находим в жарте «О лгуне» [Кокорев 1941. С. 280] и в некоторых текстах, попавших в печатные сборники второй половины XVIII в. (ср., например, рассказы «Дедушка и внучек» из «Бабушкиных сказок» (1781) и «Два приятеля» из «Забавного рассказчика» (1791) Е. Хомякова).

Поскольку небылица любит, как уже говорилось, словесную игру, она очень естественно тяготеет к ритму и игре созвучиями, превращаясь в стихотворную прибаутку. Такую именно небылицу, якобы написанную Совест-Дралом перед его инициальной кончиной, включил анонимный автор в третью часть «Похождений нового увеселительного шута» (см. Приложение), такие и подобные тексты передавались, несомненно, и изустными путями. Косвенным подтверждением этой мысли может быть способ включения смехотворных курантов в текст русского перевода тех же «Похождений». Совест-Драл рассказывает их в доме дворянина, чтобы развеселить начавших было скучать гостей. О реакции гостей анонимный редактор ничего не сообщает, зато пишет, что хозяину столь эти «ведомости <...> понравились, что он внес их в записную свою книжку и во всех местах издавал за величайшую редкость» [Похождения Б. г. Ч. II. С. 29]. Художественное

произведение - это, разумеется, не именуары, но современный быт (нередко вопреки намерениям самого автора) столь сильно проступает сквозь ткань художественного рассказа, что им имеет право видеть в нем отражение реальной действительности.

Рядом с небылицами следует поставить рукописные и печатные анекдоты о пошехонцах. В них тоже много небыличных ситуаций, но они, в отличие от статичных, описательных небылиц, как правило, сюжетны. Анекдоты о пошехонцах бытовали в устной форме не только в демократической среде. Их хорошо знали и в дворянских и мелкопоместных усадьбах и в аристократических дворцах. В дневнике личного секретаря Екатерины II, А. В. Храповицкого, сохранилась краткая запись одного из анекдотов, циркулировавших при дворе императрицы. В нем рассказывалось следующее: «Мужик, вошед в избу, повесил на стену топор; вдруг жена его заплакала. Он спрашивает ее, и она говорит: когда я буду брюхата и рожу ребенка, то может случиться, что поставлю тут колыбель, а топор упадет и разрубит младенца» [Храповицкий 1874. С. 10]]. Сюжеты анекдотов о пошехонцах, которые совершают абсурдные, нарушающие элементарные законы логики действия, нередко используются в рукописных стихотворных жаргах. Так, например, в жарте «О глупом крестьянине» (БАН, собр. Тимофеева, № 2) рассказывается о мужике, который влез в овин и стал там сбивать борону, но не смог ее оттуда вынести, так как окошко оказалось слишком узким. В результате ему пришлось борону разобрать и собрать заново во дворе. В жарте «О двух братьях-простаках, которые собрались ехать в Москву, но в пути у них повернули оглобли в противоположную сторону и они приехали обратно в свой городишко. Приняв его за столицу, удивлялись, что Москва так похожа на их родной город (см. Приложение). К этой же группе следует отнести анекдот о глупой старушке, которая принимает колокольный звон за удар кнута (ср. [Друковцов 1778. С. 38]), обработку сказочного сюжета «Муж ищет людей глупее жены» из «Забавного рассказчика» [Хомяков 1791. С. 78-87], «Сказку о старушке и ее сыне» из «Старой погудки на новый лад» (1795), жарту «О неразумном судье» (БАН, собр. Тимофеева, № 2), в которой рассказывается о судье, решавшем спор, кто ожеребился: кобыла или воз, и многие другие.

Опубликованные в 1798 г. «Анекдоты древних пошехонцев» В. Березайского открывают целую серию печатных сборников, в центре которых стоит образ простака-пошехонца. В стилизованном под переписку некоего Любоведа и Словохота вступлении Березайский

указывает на интерес к анекдотам подобного типа, как причину, побудившую его предать тиснению устные рассказы. «Нет, кажется, человека, — пишет Любевед, — кто бы не знал об них какой-нибудь историйки и не любопытствовал знать более. <...> К тебе, любезный Словохот, склоняю я речь свою. Ты часто увеселял беседы наши повествованием своим о Пошехонцах. Теперь я стал от тебя далеко — не откажи мне в моей просьбе: не можешь ли ты мне сообщать предания об оных хотя поменьше? Сказать ли тебе, что мне пришло в голову? Я хочу, собрав несколько сего рода повестей, выдать оные в свет сперва небольшою книжкою для увеселения читателей, а после, если увижу, что начало сие будет принято благосклонно, постараюсь издать и продолжение» [Анекдоты 1798. С. 4-5]. Такое продолжение действительно было напечатано в 1821 г.

Интерес к рассказам о заведомо неправдоподобных событиях и предметах удовлетворялся также переводами. Настольной книгой любителей «лживых историй» во второй половине XVIII в. становится вольная немецкая обработка «Удивительных приключений барона Мюнхгаузена» Г. А. Бюргера, выполненная Р. Распе. Ее сокращенный русский перевод, получивший название «Не любо не слушай, а лгать не мешай», был опубликован не раньше 1791 г. в Санкт-Петербурге и вторично в 1797 г. Почти одновременно с выходом в свет книги Распе на страницах журнала «Сатирический вестник» Страхова печатаются рассказы «о фантастических приключениях дворянина Залыгалкина. Невероятные происшествия, которые с ним происходят, напоминают, — как пишет Ю. В. Стенник, — приключения знаменитого барона Мюнхгаузена <...> Не исключено, что корреспонденции о г. Залыгалкине и сменившем его в частях VI и VII Небылицыне являлись прямыми заимствованиями из немецких и других переводных источников» [Стенник 1985. С. 269].

Весьма знаменательно, что увлечение «лживыми рассказами» немецкого пересмешника порождает со временем попытки моделировать свою биографию по образцу биографии барона Мюнхгаузена. Самым наглядным примером сознательного выстраивания фантастической автобиографии путем прикрепления расхожих (письменных и устных) небыличных сюжетов к собственной особе может быть анекдотическая биография князя Д. Е. Цицианова (ср. [Курганов 1988. С. 7-11]), который, подобно своему немецкому «кузену», сам сочинял и «пускал в ход» рассказы о своих необычных приключениях. Многие из них «остроумных вымыслов» Цицианова пережили самого автора и «легко и органично проецировались в литературные тексты с письменной сферой

[Таи же. С. 8]. Некоторые из созданных им рассказов «получили отражение в «Евгении Онегине» и «Домике в Коломне» А. С. Пушкина, а также в комедии А. А. Шаховского «Не любо – не слушай, а лгать не мешай» [Таи же].

Но можно также указать и на русских природных лгунов и пере-смешников, репертуар которых строился преимущественно на фольклорном материале. М. А. Дмитриев упоминает о весьма любопытной фигуре помещика Ивашева из деревни Ивашевка Сызранского уезда, который охотно рассказывал о своих необычных приключениях, приводя в трепет слушателей. Рассказ «драгунского витязя Браибераса» (так именовал Ивашева поэт) о том, как некая ведьма оборотила его в коня и гуляла на нем до полуночи, запечатлен в стихотворении «Причудница» И. И. Дмитриева:

Какими ты ужасом разил тогда меня!
С какой, бывало, ты рассказывал разиашкой,
В колете вохряном и длинных сапогах,
За круглыми столиком, дражащим с чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылал в твоих глазах!

С какими безмолвием ты был внимаем мною!
В подобной твоему я страхе был и сам!
Стоял, как вкопанный, тебя глазами иерил,
И что уж ты не конь... еще тому не верил!

[Дмитриев 1869. С. 126]

Приведенные выше факты достаточно наглядно, как нам кажется, показывают, что всевозможные «лживые истории» пользовались неизменным вниманием читательской аудитории XVII-XVIII вв.

Несмотря на то, что одной из самых важных областей нормальной человеческой экзистенции является любовь, изображение этой греховной и губительной (как утверждали христианские идеологи) страсти в произведениях древнерусской литературы строго-настрого запрещалось. В связи с этим в ряду «неполезных» оказались также произведения, в центре которых стоят любовные отношения героев.

Выше мы говорили о плутовской «любовной» повести, которая изображала, как правило, адюльтерные отношения, показывала героев «сиакующих» плотскую любовь и не задумывающихся о моральных аспектах своих поступков. Средневековая официальная культура,

названная не без основания культурой «вин и стыда», на такое изображение любовной страсти согласиться не могла. Но в разряд «неполезных» попали также рыцарские и любовно-приключенческие романы, которые рисуют любовь как чувство чистое и непорочное, любовь, которой не страшны никакие препятствия, никакие преграды, любовь, ради которой стоит жить, и даже умереть.

Первые образцы рыцарского романа появились на Руси уже в XVII в. и удерживались в репертуаре «неполезного чтения» на протяжении всего XVIII, а нередко и следующего столетия. Лучшими примерами произведений подобного рода может быть «Повесть о Петре Златых Ключей» (см. [Кузьмина 1964. С. 187-234 и 275-331]), благодаря которой русский читатель впервые познакомился с западноевропейским культом прекрасной дамы, с новым для себя пониманием любовной страсти.

Сюжет романа основан на взаимоотношениях королевы Магилены и таинственного рыцаря Златых Ключей. Герои влюбляются друг в друга с первого взгляда, но их связь осложняется тем, что Петр, победивший во время рыцарского турнира всех соперников, скрывает свое настоящее происхождение и имя, и королева Магилена, опасаясь, что родители могут не согласиться на неравный брак, убегает со своим возлюбленным из дома; в пути герои случайно разлучаются, терпят массу приключений, чтобы столь же неожиданно встретиться и не узнать друг друга, а потом в результате необычного стечения обстоятельств все-таки соединиться и вступить в брак.

В романе прославляется нравственная красота героев, сочетающаяся с замечательной телесной красотой Магилены и учтивостью и любезностью Петра. Герои, закалившие свои добродетели в горниле тяжелых испытаний, получают надежное воздаяние. Их молодая, попирающая нормы феодального этикета любовь, оказывается на редкость чистой и стойкой. Это она, победив пространство и время, дарует героям радость гармонии чувств.

Несколько позже русский читатель познакомился с «ближайшим предшественником романа о Петре и Магелоне» [Кузьмина 1964. С. 142], т. е. с любовно-авантурным романом «Париж и Вена», рукописный перевод которого появился к началу XVIII в. Вслед за переводами не замедлили появиться и русские произведения, созданные в подражание западноевропейским романам. Так, например, в двадцатые годы XVIII в. возникает «Повесть о Францеле Венециане», опирающаяся непосредственно на «Историю о Париже и Вене» и «Повесть о Петре Златых Ключей» [Апсит 1979. С. 68-87]. Содержание «Повести» вкратце таково. Венециан — сын князя Флоридора, родившийся с короной из

волос и знаками копья и меча на руке, получает хорошее «кавалерское» образование и кавалерское имя Францель, а потом, как подобает рыцарю, участвует во многих турнирах. В награду за победу в поединке получает именное кольцо испанской королевы – Ренцвены и, увидев ее портрет, воспаляется к ней любовью. Через некоторое время молодые люди встречаются на балу и Францель очаровывает королеву игрой на арфе. Потом герой отправляется в Германское государство и в течение полугода не дает знать о себе. Родители Францеля надевают траур, а Ренцвена посещает спальню возлюбленного и, заснув на его кровати, видит пророческий сон: Францель цел и невредим и любит Ренцвену. Сон, в самом деле, оказывается пророческим, герои снова встречаются на балу, а потом Францель, переодевшись в женское платье, проникает в спальню возлюбленной и проводит с ней всю ночь. К несчастью, отец Ренцвены не соглашается отдать свою дочь за сына вассала. Не получив согласия родителей, возлюбленные пытаются бежать за границу, но их настигает погоня. Ренцвену приводят домой, а Францель плывет в Германию, но вследствие кораблекрушения попадает в руки турецких разбойников, а потом становится рабом Султана Паши. Во время службы прославляется храбростью (побеждает персидскую воительницу Лютру, воина Зиулана и громадное количество неприятельских войск) и становится любимцем турецкого султана. В конце концов освобождает из плена отца Ренцвены короля Брабеуса и женится на возлюбленной, которая, храня память о Францеле, хитростью отпугивала всех претендентов на свою руку.

«Повесть о Францеле Венециане», скроенная по образцу рыцарского авантюрно-любовного романа, пользовалась неизменными успехами у читателей; ее рукописная версия подвергалась постоянным переделкам (Т. Н. Алсит выделяет 7 редакций повести), а в 1787 г. была обработана для печати Андреем Филипповым и выдержала до конца столетия 4 издания (1787, 1789, 1793 и 1799), а позже перешла в лубок [Алсит 1990. С. 93–99]. Не уступают ей по популярности полупереводные-полуоригинальные «История о Полиционе Египетском» и «Повесть о Евдоне и Берфе», а также переводной роман «Повесть об английском милорде Гереоне», переделанный в 1782 г. М. Комаровым в «Повесть о приключениях английского милорда Георга» [Шкловский 1929. С. 77–131]. Жанровая структура рыцарского любовно-приключенческого романа «тиражируется, – как пишет О. Л. Калашникова, – в творчестве Ф. А. Эмина» [Калашникова 1991. С. 52]. Его романы – «Любвиный вертоград», «Награжденная постоянность», «Горестная

любовь маркиза де Толедо» без сомнения рассчитаны на благосклонное внимание ценителей любовных историй со счастливым исходом.

Почему же рыцарский любовно-авантюрный роман так охотно читался? Прежде всего потому, что он пленял досужего читателя необычностью и удивительностью того мира, в котором помещались герои, а также обилием выпавших на их долю невероятных приключений. Герои шли навстречу приключениям, искали подвигов и совершали эти подвиги, не страшась ни чудовищ вроде Полкана, ни несметных вражеских войск, шли навстречу победе и успеху. Наградой за все их подвиги была любовь красавиц-королевиц и царевен, любовь поистине сказочная, верная, чистая, любовь до гроба.

Но наряду с рыцарскими авантюрно-любовными романами, герои которых, пройдя сквозь огонь, воду и медные трубы, все-таки соединятся и вступают в счастливый брачный союз, большую популярность приобретают «гистории», рассказывающие о трагическом исходе любовных походов героев. Сюжетная схема таких произведений строится, как правило, на соотношении трех действующих лиц: пары возлюбленных и антагониста, которым может быть ревнивый муж, отвергнутый любовник или любовница, отец одного из любовников, и даже сенаторы и министры, стоящие на страже государственных интересов. Узнав о любовной связи героев, которая долго скрывается от посторонних глаз, антагонист предпринимает попытки разлучить их. Действия антагониста приводят к трагической развязке: умерщвление или изгнание одного из героев влечет за собой самоубийство или многолетние страдания другого, доказывающего своим поведением искреннюю преданность и верность любовным клятвам. Т. Н. Алсит относит к этой группе произведений «Повесть о шляхетском сыне», «Повесть о российском купце Иоанне» и «Историю Александра и Елеоноры». «Насильственное вмешательство в судьбу героев приводит к трагическим для них последствиям: умирает не в силах исполнить волю цесаревны и убить ее мужа («За что пролию кровь неповинную?») — шляхетский сын, над его гробом кончает с собой цесаревна. Не пережив измены «российского ковалера», умирает Елеонора, тоскует по ней Александр. Печаль сопутствует разлученному с избранницей Иоанну: вернувшись к отцу, он «всегда имел в мысли возлюбленную свою Елеонору, которая никогда из мысли его не выходила» [Алсит 1985. С. 120].

Подобную сюжетную схему наблюдаем в весьма популярной «Истории об Арсасе и Разири», рифмованный «экстракт» которой, помогающий читателю лучше запомнить основные звенья сюжета и ведущие черты

характера героев, приведем по рукописи 1741 г. (ГБЛ, ф. 152, № 41, л. 115 об.)

А сочинено было тако	
Арсас служил верно и з малолетства жил честно. В салдатство пошел и честь свою нашел. Шпагою воевал много и неприятеля побивал, за что от короля милость получал и добрым ковалером прославал. Постоянная любовь погубила и во гроб ево вселила; Верность в свете знал, ту и Размире показал. Смерть со охотою принял, а постоянство содержал. Друга Артабака любил, а тот ево изменил.	Размира дватцать лет жила, все в щастьи была. Любителя своего Арсаса лишилась, от того и во гроб вселилась. Радости в свете не знала, безпрестанно в печалех бывала. Сама себя умертвила и тем покой получила. Сеи свет пренебрегла, в вечное жилище пошла.

Поскольку ни барокко, ни классицизм не признавали жанра романа (М. В. Ломоносов, к примеру, считал, что романы – это «пустошь, вымышленная от людей, вреяя свое тщетно препровождающих, и служат только к развращению нравов человеческих и к вящему закоснению в роскоши и плотских страстях» [Ломоносов 1952. С. 223], а А. П. Сумароков утверждал, что чтение «романов не может называться препровождением времени: оно погубление времени» [Трудолуб. пчела. 1759. Генварь. С. 373]), он продолжал развиваться на периферии «официальной» жанровой системы. До 60-х гг. интерес к роману удовлетворялся, главным образом, за счет переводов, распространенных в рукописной форме. Со второй половины XVIII в. романы (в том числе и интересующие нас авантюрно-любовные и просто любовные романы) попадают в печать. Издатели, правильно оценив вкусы читающей публики, предлагают ей новые версии или даже новые переводы известных рукописных романов. Так, например, постоянный интерес к истории Петра Златых Ключей и Магилены вызывает к жизни появление перевода «Истории о Петре Прованском и прекрасной Магелоне» Ж. де Кастилона, смоленское издание (1796) которого «от-

крьвалось фронтисписом с изображением Петра Златых Ключей и следующей рифмованной надписью:

Любовь все побеждает,
Препятствий ни в чем ей нет,
Герой весь завоюет свет,
Когда любовь ему в том помогает.

[Кузьмина 1964. С. 221]

Те же соображения руководят издателями «Повести о Францеле Венециане» в обработке А. Филиппова, «Повести о приключении аглинского милорда Георга и брандебургской маркграфине Фридерике Луизе» в обработке М. Комарова и т. д. Рыцарские авантюрно-любовные и волшебнорыцарские романы читали не одни купцы и подьячие, но также дворяне, особенно провинциальные. Сумароков, в комедиях и баснях которого есть немало метких бытовых наблюдений, не случайно вкладывает в уста героини, пытавшейся доказать мужу («рогоносцу по воображению») свою любовь и верность, следующее признание: «Я тебя и на Бову-королевича не поменяю». Читатели и читательницы романов, жившие бок о бок с их героями, не позволили лишиться себя удовольствия проливать слезы над горькой судьбой несчастных любовников и радоваться счастью тех, кому удалось, вопреки всем превратностям судьбы, отстоять свою любовь.

Устная фольклорная сказка (как волшебная, так и бытовая) пользовалась в Древней Руси огромной популярностью, а искусство рассказывать сказки ценилось высоко еще в XIX в. Ее притягательная сила состояла прежде всего в том, что сказка давала волю воображению, фантазии, что она прежде всего забавляла слушателя рассказом о диковинных местах, предметах и необычных героях. Многие древнерусские авторы, желая придать своим произведениям большую занимательность, прибегали к сказочному материалу. Можно указать на целый ряд произведений разных жанров, в которых использовались сказочные сюжеты, мотивы и образы. Среди них найдем жития святых (ср. хотя бы «Повесть о Петре и Февронии»), духовные повести (ср. «Повесть о старце, просившем руки царской дочери», в которой использован сюжет новеллистической сказки о женитьбе на царевне (СУС, № 862) и волшебной сказки о духе в бутылке (СУС, № 331) или «Слово о судьбах божиих», построенное на основе сказок о судьбе [Рождановская 1982. С. 237-239]), но также чисто занимательные,

«неполезные» повести. Число этих последних значительно возрастает к концу древнерусской эпохи. От XVII - начала XVIII в. сохранилось уже несколько десятков оригинальных русских произведений, авторы которых используют законы сказочного сюжетосложения с целью создать литературное произведение, предназначенное для развлекательного чтения. Сказочной фантастике возвращается ее исконное звучание и значение в «Повести о португальском посольстве», в «Повесть чудной како жена избавила мужа от смерти», в «Повести о Василии Златовласой», «Повести о Василии Кариотской», «Повести о Архилабоне» и во многих других.

Сказочным колоритом наполнены также некоторые переводные рыцарские романы (например, «История о Мелюзине» - сказочной полуженщине-полурыбе, «Повесть о Бове» - богатыре, напоминающем героев русской богатырской сказки, «Повесть об острове всегдашнего веселия»).

В XVIII в. появляются первые более или менее точные записи русских фольклорных сказок, которые начинают выполнять роль занимательного чтения (ср. сборники: «Лекарство от задумчивости» (1786), «Сказки русские» П. Тимофеева (1787), «Повествователь русских сказок» (1787), «Продолжение повествователя русских сказок» (1787), «Старая погудка на новый лад» (1794-1795) и др., в которых помещены, главным образом, волшебные сказки), а также идет процесс создания русской литературной сказки.

Интерес к сказочному эпосу поддерживается и усиливается благодаря появлению переводов сборников экзотических сказок: в 1763-1774 гг. русский читатель получает перевод восхитившего всю Европу сборника «Тысяча и одна ночь, арабские сказки» в обработке А. Галлана, в 1766-1768 гг. - перевод сборника «Тысяча и один час, сказки перуанские» Т. Геллета, в 1778-1779 гг. - перевод сборника Пети де ла Круа «Тысяча и один день, персидские сказки», в 1768-1769 гг. - перевод сборника «Гузартские султанши, или сто неснящих людей, монгольские сказки» и т. д. Если к этому перечню добавим «Сказки о волшебницах» Ш. Перро (первое издание - М., 1768), сказки о феях мадам д'Онуа, то увидим, что интерес к фольклорной и литературной сказке был повальным, а нарекания издателей серьезных журналов, ставивших ее в один ряд со «зловонными» Совесть-Дралом (ср. статью, помещенную в журнале «Свободные часы» 1763. № 1. С. 6) и негодующих, что они продаются лучше, чем сочинения русских авторов (Н. И. Новиков, например, на страницах своего «Живописца» писал: «Прежде жаловались, что на

русском языке не было почти никаких полезных и ко украшению разума служащих книг, а печатались одни только романы и сказки, но, однако ж, их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на русском, но их и в десятую долю против романов не покупают... «Тысячи и одной ночи» продано гораздо более сочинений г. Сумарокова» (цит. по: [Сперанский 1963. С. 66]), никоим образом не повлияли на вкусы читательской публики. Все названные выше обширные сборники сказок переиздавались по несколько раз и оставили заметный след в русской письменной культуре XVIII в., ускоряя процесс создания русской литературной сказки.

«Век «Энциклопедии» и энциклопедистов, — как пишет Калашникова, — нуждался в более изощренных формах фантастического, необычного, чем те, которые могла предложить безыскусная фольклорная сказка. Взаимодействие с европейской традицией литературной сказки позволило русским сказочникам придать форму прекрасного, достойного века Просвещения альяса национальным фольклорным мотивам» [Калашникова 1991. С. 143]. И этот «запрос времени» был реализован усилиями М. И. Попова, создателя замечательных «Славянских древностей» (1770–1771), А. Левшина, автора «Русских сказок» (1780–1783), и М. Д. Чулкова, насытившего атмосферу сказочного волшебства большую часть «Пересмешника».

В разряд произведений, которые несомненно воспринимались как «неполезные», входят также произведения, отмеченные печатью фривольности и скабриозности. Фривольные и скабриозные сюжеты издавна были составной частью карнавальных зрелищ, оттуда они перешли в народный театр и лубок. Особой популярностью пользовались веселые рассказы о Фарносе, драматические сценки о Гаере (см. [Кузьмина 1958. С. 79–92]) и стихотворные жарты о «вольной» любви (ср., например, весьма непристойные жарты «О войне и бляди», «О бляди», «О жиде з женою», «О сердитом муже», «О золотарном мастере» из рукописного сборника ГЛБ, собр. Титова, № 1627).

В целом ряду рукописных фацетий и жарт рассказывается о женщинах, которые больше всего ценят в мужчине его половую потенцию, но не всегда умеют ее правильно оценить. Так, например, в одной из новелл Погодинского сборника № 1777 «О девице» рассказывается о девке, которая выбирает в мужья кандидата с большим носом, надеясь на хорошую «забаву» (нос издавна считался заменителем фаллоса), но жестоко обманывается (ср. также жарту «О прелестной девице» из

Титовского сборника № 1627), в другой («О завистливой жене» из того же сборника) с циничной откровенностью повествуется о молодой крестьянке, которая, узнав, что один из мужиков славится величиной своего стыдливого члена, делает все, чтобы с ним сойтись. Сюда следует отнести некоторые повести из сборника Ивана Новикова, например, повесть «О несчастных приключениях купеческой дочери Аннушки», героиня которой, не стесняясь, рассказывает о своих эротических похождениях, повесть «О золотарной мастере» (см. Приложение), весьма близкую рукописной жарте из Титовского сборника, а также сотканную из расхожих анекдотических сюжетов стихотворную повесть «О некоторых двух товарищах, которые между собою дружески жили» (ГПБ, Q. XIV. 27, л. 68-77).

Циничность в изображении половых отношений соседит с любованием этой сферой человеческой жизни. Соитие партнеров в жартах и в других памятниках рукописной литературы XVIII в. – это «забава», «забавное время», любовная страсть не только не осуждается, но, напротив, признается весьма ценной. В выдержанной в юмористическом тоне «Инструкции от мужа жене данной» муж увещевает любимую супругу не гулять с другими и предлагает ей взамен следующий способ провести время:

Всю нашу утеху тебе вручаю
и охоту мою с тобой получаю.
И станем с тобой на постеле валадца
и всею совестью забавляцца.

7.

И как ляжем на кровати с тобой спать,
надобно кувшин с водою в печ поставляти.
И поутру белые рубахи приуготовляти,
да встав ранее, тело обмывати.

8.

Потом я, бутто какой рукоделник,
начну сперва в понедельник
свою охоту исполняти
и обще с тобой себя забавляти.

9.

А уже я с тобой в том не спорник,
за то же примуса и во вторник.

10.

Только как будет среда,
опасно, чтоб не зделала вреда.
Знать, что есть не наша среда,
когда хочеш пробыть без вреда.

11.

А с среды на четверток
можно прибратца и без порток.

12.

Суинителная в неделе пятница,
чуть от нея нам не попятитца.
А по закону можно веселитца,
когда время случитца.

13.

А лутче субботы дожидатца,
тогда можно забавлятца.
А как дождемся в субботу,
исполнии мы с тобой всю охоту.

14.

А для поспешение
не грешно и в воскресение,
разве к ночи,
так спать лутче кроче.
Для того, что в другие дни недосужно,
а случилось быть дело нужно.

15.

И наша охота збывается,
в субботу баня затопляется.
А жена к иужу приуготовляетца,
а иуж к жене прибираетца.
И тут в бане с великии паревои,
оба соединилися нагишом.
В то время надену рубашку белую,
а тебя увижу пред собою смелую.
И по сему жить тебе со иной благополучно,
под сиии пунктаии подписадца должно своеручно.

[ГБЛ, ф. 218, № 900, л. 101 об.-102 об.]

Жена, как и следовало ожидать, под такой инструкцией подписывается,
обязуясь исполнять волю своего мужа по всем пунктам «Инструкции».

Фривольная и скабриозная тематика смешала не только низового читателя. «Множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты» [Новиков 1772. С. 15], написанных славившимися веселым нравом и беспечностью поэтом второй половины XVIII в. Барковым, распространялось в виде рукописей в дворянской и аристократической среде, а поэт еще при жизни становится легендарной личностью. Во второй половине XVIII в. возникают анекдоты о Баркове – барде кабацкой поэзии, антиподе высокого поэта-гражданина [Лотман 1973. С. 33].

В. П. Степанов считает, что Чулков тоже сочинял фривольные стихи, которые входили в состав так называемых барковских сборников. Исследователь относит к их числу «Оду Турову дню» и ответ тому, кто ответил на эту оду [Степанов 1972. С. 151].

Устные рассказы, героем которых был известный своим бесшабашным юмором князь Потемкин, передавались еще в XIX в. Один из них, записанный князем П. Вяземским, приведем полностью:

«В Таврическом дворце в прошлом столетии князь Потемкин в сопровождении Левашева и князя Долгорукова проходит через уборную комнату мимо великолепной ванны из серебра.

Левашев: Какая прекрасная ванна!

Князь Потемкин: Если берешься ее **н а п о л н и т ь** (это в письменном переводе, а в устной тексте значитс^я другое слово), я тебе ее подарю» [Вяземский 1929. С. 194].

Наш перечень ведущих жанров и тем «неполезного чтения» XVII-XVIII вв., несмотря на некоторую неполноту, довольно наглядно показывает, что репертуар чтения русских подвергался в этот период существенным изменениям. Динамика этого процесса в начале и конце изучаемого периода была разной (подробнее пишем об этом в главе второй и третьей), но основная тенденция, основное направление его, приведшее в конечном счете к появлению целой группы писателей, вполне сознательно писавших не ради пользы, но ради развлечения досужего читателя, стало фактом литературной жизни России. И не учитывать этот факт мы не имеем права.

II. СУДЬБЫ «НЕПОЛЕЗНОЙ КНИГИ» В XVII - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

В предыдущей главе мы говорили о том, что с XVII в. в репертуаре письменной литературы значительно возросло количество произведений, не предназначенных для «полезного чтения», т. е. таких, единственной целью которых была «потеха», развлечение, вызвание улыбки у читателя или доставление ему удовольствия посредством изображения сложной и запутанной интриги.

Но наше представление о литературной культуре XVII-XVIII вв. было бы неполным, если бы мы ограничились перечнем (даже самым исчерпывающим) новых жанров и указанием на лучшие (или характернейшие) тексты романов, новелл, анекдотов, небылиц и т. п. Дело в том, что читательская аудитория любого времени, а тем более читательская аудитория Древней Руси, довольно традиционна и не сразу принимает и понимает литературные новинки, тем более новинки, разрушающие вековые представления о литературе и ее предназначении. Поняв об этом, нетрудно себе представить реакцию древнерусских читателей, привыкших к серьезному, полезному чтению, видевших в текстах письменной литературы прежде всего «духовный оброк», (а в XVII в. такое понимание процесса усвоения «полезных» текстов читателями все еще сохранялось, о чем свидетельствуют между прочим заглавия книг, указывающие на содержащуюся в них духовную пищу: «Книга о янне хлеба животного», «Обед душевный», «Брашно духовное»), на произведения, созданные с целью развлечения, веселого препровождения праздного времени. Не один из них «шарахнулся» в сторону от этого иерзкого новшества, подрывавшего всякие устои, но нашлись и такие, которые стали с любопытством разглядывать это новое и со временем именно ему отдали предпочтение.

Полная реконструкция читательских вкусов и интересов, к сожалению, невозможна, так как современный исследователь не может опереться ни на высказывания литературных критиков, ни на мемуарные свидетельства реальных читателей, ни, тем более, на анкетные

данные. Единственными материальными документами, проливающими свет на культурные компетенции и пристрастия читателей, являются рукописные и печатные тексты того времени, их количество, состав, а также (правда, не очень многочисленные) пометы и записи на книгах, часть из которых дает нам некоторое представление о восприятии владельцем (а в случае рукописных списков также переписчиком) прочитанного им текста, на его отношение к содержанию и форме данного произведения. Огромную ценность представляют также старинные инвентарные описи библиотек, позволяющие хоть частично проследить эволюцию книжных собраний, а тем самым и литературных интересов древнерусских читателей.

Данные доступных нам в настоящее время архивных материалов показывают, что подавляющее большинство читателей XVII - первой трети XVIII в. не проявляло ни малейшего интереса к произведениям светской «неполезной литературы», довольствуясь чтением традиционного типа: большинство рукописных сборников того времени по своему характеру и составу напоминает четьи сборники более раннего времени, изученные Р. П. Дмитриевой [Дмитриева 1972. С. 150-180]. В них мы найдем, в первую очередь, произведения церковно-богословского и церковно-poleмического содержания (причем некоторые из них могут иметь беллетризованную форму), произведения исторические, географические, статьи по естествознанию, космографии и т. п. Занимательное чтение представлено в них главным образом апокрифами и агиографией, реже «неполезными» повестями.

Общее представление о вкусах читательской аудитории дает также сопоставление количества списков «полезных» и «неполезных» произведений. Даже беглое знакомство с рукописными собраниями показывает, что подавляющее большинство светских повестей (за исключением фацеций) сохранилось в уникальных рукописных копиях, в то время как созданные примерно в то же время или переведенные с других языков «душеполезные» повести переписывались десятки и сотни раз. Итак, «Повесть о царице и львице» дошла до нас в ок. 250 списках [Чалкова 1985. С. 98], «Повесть преславна и душеполезна о царе Агее» сохранилась в 198 списках [Ромадановская 1985. С. 245-279], «Повесть о Иуде-предателе» - в 80, а «Повесть об Андрее Критском» - в 50 [Климова 1985. С. 42]; еще большей популярностью пользовались обширные переводные сборники назидательных религиозных легенд - «Великое Зерцало» и «Звезда пресветлая», которые копировались охотно в полном виде и в извлечениях [Державина 1965]. И дело тут, разумеется, не только и не столько в притеснениях

цензурного характера (хотя вмешательства духовной цензуры, активно борющейся с новыми веяниями в литературе, совсем сбрасывать со счетов не следует), и не в художественных недостатках светской «неполезной литературы», так как в единичных экземплярах сохранились как несомненные шедевры древнерусской беллетристики того времени («Повесть о Карпе Сутолове» известна в одном списке, «Повесть о Фроле Скобееве» - в девяти, «Повесть о Василии Златовласом» - в восьми, «Повесть о Шемякином суде» - в десяти), так и довольно беспомощные компиляции типа «Повести об Александре и Евграфе» (три списка).

Причину такого положения вещей следует - на наш взгляд - искать в другом. Литературная судьба произведений светской «неполезной» литературы XVII - первой трети XVIII в. была теснейшим образом связана с культурными компетенциями читателей, проявляющимися в умении понимать нестандартные литературные тексты, со вкусами читающей публики, выражавшимися прежде всего в отборе текстов для индивидуального чтения, в предпочтении произведений одного жанра произведениям, реализующим требования иного жанрового и идеологического канона.

Произведения светской беллетристики (как переводной, так и оригинальной) разрушали господствующие в литературе Древней Руси представления о типе литературного героя и способах его изображения, а также о функции письменной литературы в обществе. В самом деле, такие персонажи, как одуроченный судья, незадачливый любовник, хитрая и «упорно глаголющая» жена, изображенные рассказчиком, который любит ловкость плутов и смеется (порой добродушно, порой с явной иронией) над неповоротливостью обманутых простаков, ничем не напоминают героев житий, поучений, летописей и назидательных повестей. Никакого душеполезного совета, никакого морального или политического наставления, высказанного автором открыто (в виде поучительной сентенции) или посредством телеологического сюжета, в них не было. Необычными и далекими от традиционных были также герои рыцарских романов, авантюрно-любовных или просто любовных «гисторий», открыто признающиеся друг другу в плотской любви и т. д. Понятно, что к такому чтению древнерусский читатель мог привыкнуть далеко не сразу. Можно предположить, что некоторые из читателей допускали существование устных произведений смехового типа, но никак не могли понять, что подобная установка могла бы господствовать в письменном тексте.

К тому же нельзя упускать из виду печатную литературу, монополию на которую вплоть до петровских реформ имела церковь. Достаточно просмотреть списки книг кирилловской печати, чтобы убедиться в том, что церковные власти хорошо охраняли свои интересы, доставляя на рынок не только книги богослужебные, но и *четьи*, включающие огромное количество произведений назидательного характера. Напомним, что в 1641-1718 гг. вышло в свет 10 изданий обширного сборника литературных сочинений под заглавием «Пролог», что многократно издавались не менее обширные «Минеи четьи», а также отдельные пространные жития (например, житие Николая Чудотворца, житие Сергия Радонежского), «История о Варлааме и Иоасафе» и многие другие. «Московские издатели, - как пишет А. С. Деин, - обращались «скоротечными типою» ко всею «мирови», ко всею «православному народу» <...>; к тому, кто знатен, и к тому, «аще и в хуе доме кто родится»; к тому, кто учен, и к тому, «аще же и не учился»; к тем, которые любят читать, и к тем, которые на чтение «ити отрицаются, мирскими упражняющиеся деянии или паче безделии». <...> «Всею вам обще и комуждо особу» предлагалась печатная книга, и именно к «домашней потребе», «не дабы тако в церкви чтенней быти, но еже в домох часто ю читати» [Деин 1985. С. 159-160].

Ситуация «неполезной», развлекательной литературы не изменилась и в петровское время. Гражданский шрифтом печатались прежде всего книги научного, учебного и «полезно-прикладного» характера, литература, не укладывавшаяся в эти рамки распространялась исключительно в виде рукописей, что, разумеется, ограничивало сферу ее воздействия.

Борьба противников «неполезного чтения» с литературными новинками принимала и более изощренные формы. Кроме увещаний не читать «суесловия, зверинцы и басни, паче же и писания человеков плотских мирских или еретиков развращенных», книжники старого закала нашли также более действенный способ обезвреживания уже имеющихся на книжном рынке мирских текстов. Путем более или менее искусного редактирования занимательных повестей, они старались усилить религиозные акценты повествования и придать их сюжетам телеологическое звучание. И если редактор хорошо справлялся с поставленной задачей, то благочестивая версия могла вытеснить из читательского репертуара текст, положенный в ее основу; так случилось, например, с «Повестью о кесаре Оттоне», которую превзошла по популярности созданная на ее основе «Повесть о царице и львице». Если же переделка не была столь умелой, то «подиены»

текстов не происходило. Так случилось с неудачной попыткой превратить «Повесть о Петре Златых Ключей» в агиографическое произведение. В последнем случае не помогло даже предпосланное новой версии романа о Магелоне обширное «Предисловие к читателю», излагающее авторские намерения и призывающее «не просто прочитати сию книгу, а со усердием, зане глаголется дверь до способного жития, ни на чем токмо, но на спасительных словах живот чтущаго ю подвергает: еже в бозе надеяться и искати царствия его и правды, - по той вся приложатся имущему» [Покровская 1940. С. 186].

У светской развлекательной литературы не было ни меценатов, ни покровителей. Авторы и переводчики произведений, предназначенных для занимательного «неполезного чтения», не могли, как им уже говорили, рассчитывать на печатный станок, поэтому единственным способом распространения текстов подобного рода вплоть до половины XVIII в. оставалось их ручное копирование, а также устный пересказ.

Восприятие текстов, предназначенных для развлекательного чтения, осложнялось и тем, что их читатели вынуждены были самостоятельно, без помощи со стороны авторов или поэтик, опознавать жанровую природу и постигать имплицитную поэтику рыцарских романов, сиехотворных повестей, анекдотов и т. п., в то время как литературные новинки вроде стихотворных сочинений барочных поэтов снабжались многочисленными обращениями к читателю, дедикациями и посвящениями, а пьесы для придворного и школьного театров сопровождались пространными прологами или програциями, которые «предназначались для раздачи их зрителям перед спектаклем с тем, чтобы облегчить понимание представления, познакомить с сюжетом и основной идеей произведения, вызвать соответственное к нему отношение и установить, таким образом, со зрителями непродолжительные контакты в пределах одного спектакля: програция сохраняла память о театральной представлении, что было очень важно в период, когда еще не существовало практики многократного показа («проката») спектаклей; она сохраняла память и о самом тексте пьесы» [Сафонова 1979. С. 132]. Со временем теоретической и практической подготовкой потенциального адресата барочного стихотворства и театра стали заниматься школы. Светская бесполезная литература (главным образом, беллетристика), не укладывавшаяся в рамки барочной поэтики, автоматически исключалась из поля зрения теоретиков и отодвигалась за пределы (в лучшем случае на периферии) «правильной» жанровой системы, а тем самым и за пределы художе-

ственной литературы. (Забегая вперед, скажем, что подобное отношение к «неполезной» литературе наблюдаем и у теоретиков русского классицизма).

Несмотря на столь неблагоприятные условия, «неполезное чтение» все же привлекает внимание русских читателей XVII - первой трети XVIII в. И если в начале изучаемого периода оно просачивается довольно узкой струйкой, то к его концу можно говорить о заметном сдвиге читательских интересов в сторону литературы, которая не является больше примером к назиданию, а веселым или просто занимательным рассказом о вымышленном необычном явлении. Выразительным сигналом нового отношения к литературному тексту, в котором читатель все чаще начинает ценить оригинальный вымысел, хорошо разработанный сюжет, являются, между прочим, новые редакции более ранних произведений, в которых наблюдается постепенное усиление комического начала, введение рифмованной, балагурной речи и шуточных концовок. Весьма показательна в этом отношении литературная история таких памятников, как «Повесть о Ерше», «Повесть о Куре и Лисице», «Повесть о бражнике», сиеховые редакции которых появляются лишь в конце XVII - начале XVIII в., а также целого ряда переводных назидательных повестей. Так, например, «Повесть о бражнике» из традиционно-дидактического произведения, направленного против питья хмельного (в списках XVII в. она заканчивалась сентенцией: «А вы, братия моя, сынове русии, православныя христиана, богу молитеся <...> не упивайтесь без памяти, не будете без ума, и вы наследники будете царствию небесному и райския обители») превратилась к началу XVIII в. [Фокина 1988. С. 8-18] в новеллу с непредсказуемым исходом. В Буслаевской редакции этот «обязательный для жанра новеллы непредсказуемый сюжетный поворот был найден: бражник не удовлетворился тем, что его пустили в рай, он там «сель в лутчеи мьесте», снова озадачив, - как остроумно заметил А. М. Панченко, - и «святых отцов», и читателя. Эта модификация сюжета свидетельствует о радикальных переменах в художественном сознании общества. И авторы, и читатели поняли, что похождения героя в плутовской новелле не дают материала для дидактики, для апологетики или критики, что новелла не поучает, а развлекает» [ПЛДР. XVII (2). С. 610].

Другим примером нового отношения к литературному тексту является работа анонимного редактора «Книги, нарицаемой жарты», созданной в конце петровской эпохи (ср. [Малэк 1987. С. 295-304]), который, интуитивно постигнув поэтику жанра фации, сумел узреть и выявить сиеховое начало в текстах поучительного характера. Хорошей иллю-

страцией его работы с текстом назидательной новеллы может быть переделка рассказа «Жестокий некий и любожитный человек не восхоте николиже исправитися, но по сиерти уповая иноческим образом спастися» из русского перевода «Великого Зерцала». В его редакции легенда выглядела следующим образом:

О уповании по сиерти иноческим образом спастися

Лантграф некий ииенем Людвиг, злотворец и мучитель, сей занурися в злобе своей и не восхоте исправитися, но точию ко советующим о спасении его сей показа и завет положи: «Дондеже дыхание в теле будет, не пострижайте мя, но егда уже душа ис тела исходити будет, тогда на мя одежду монашескую возложите». И тако сотвориша ему, яко же повеле: при исходе души иноческими одеждями тело уиершее облекоша. Сие видев служай ему воин ко клевертои своим, улыбаяся рече: «Зрите, братие, воистинну несть равнаго князю нашему ни в коей добродетели, ибо егда бе во здравии, не иие себе подобна в мучительстве, егда же сотворися монахом, всем образом учинися добродетелен. Зрите и внимайте, яко стрежет молчанием, ибо отнюдь ни единого слова проглаголет». И начаша вси смеяться.

В[иршик]

[Н]е позна по сиерти прияти монашескую ризу,

[Н]о смех людям предстоящий ту близу.

[ИРЛИ, собр. Перетца, № 213, л. 51-52]

Перед нами типичная фацция, пуантом которой является остроумное изречение воина. Смеховое восприятие описанных в произведении событий подкрепляется виршиком, скроенным по образцу заключительных стихотворных сентенций из сборника «Фацций польских». Если сравним приведенный выше текст с текстом 117-ой главы «Великого Зерцала», то сможем по достоинству оценить всю смелость анонимного редактора, который отказался видеть в правдоподобном рассказе из жизни ландграфа иллюстрацию некоего богословского тезиса. Напомним, что в «Великом Зерцале» действие происходит в двух плоскостях, в двух мирах: земном и потустороннем, поэтому история ландграфа имеет свое продолжение, полностью снимающее смехотворный заряд его первой части. Там тоже говорится, что все, кто слышал изречение воина, начали смеяться, но тут же добавляется, что «поглумление се покрыв страх неизреченный» и подробно описывается причина ужаса, охватившего

всех свидетелей смерти ландграфа. «Виде бо некий добродетельный клирик, — читаем в легенде, — егда душа его со всякою нестерпимою нуждею привлечена пред князя тмх диавола, иже <...> сицевыми словесы ландграфа поздравил: «Радуйся со мною, приятелю мой, во веки!» И рече: «Примите его неповредно и учтиво под руки и покажите жилища, погребы же и прочая, и лаки сего приведите» [Державина 1965. С. 288]. Бесы показывают ландграфу места мучения, а потом приводят его опять пред «начальника тмх и смерти вечныя», который заставляет его выпить из своего кубка, а потом кидает в «студенец адский». И тогда «явился страшный и сирадный великий зловонный дым и искры великия, яко главни горящия. Видевый же сие клирик оный со многими страхом и непрестанными слезами всем возвещая, оставил мирское житие, бысть монах искусный» [Там же]. В таком контексте первая часть легенды могла показаться смешной только несведущим, только тем, от очей которых скрыта истина, в то время как те, которые Бог позволил увидеть больше, должны плакать. Для легенды «Великого Зерцала» вторая ее часть, т. е. видение клирика, наинного важнее первой части, так как именно в ней сосредоточена идейная нагрузка всего произведения. Сопоставляя два типа реакции (смех и плач), вызванной одним и тем же событием, читатели легенды должны были склониться ко второму.

Анонимный редактор сопротивляется такому прочтению и предлагает своему читателю более естественную реакцию, т. е. смех. В его варианте — как и в любой другой новелле — действие проецируется только на экране посюсторонней жизни, трансцендентное ничтожество земной жизни, столь выпукло показанное в легенде «Великого Зерцала», и связанное с таким видением мира нравоучение полностью выпадает. (Стоит при этом заметить, что попытки пострига на смертном одре на Руси издавна строго осуждались. Проблема этой посвящено, например, Слово 35-ое из «Киево-Печерского патерика». В его заключительной части говорится между прочим о брате, поведение и посмертная судьба которого аналогичны поведению ландграфа. Ср.: «Другаго же брата, его же в скии положисте, взята бысть от него, понеже в животе не възхоте ея, но умираа, рече: «Аще видите мя уже отходяща, и тако постригите мя». И сего ради отъяться от него благодать, и не разуме бо рекшаго: «Не мертвии възхвалят тя, господи, но мы живии благословиим господа». «В аде бо, рече, кто исповесть ти ся». Таковыи бо пострижение скииное ничтоже пользует, аще сего дела добраа от иуки не избавят» [ПлИДР. XII. С. 604-606].)

Иными словами говоря, правильное прочтение анекдотического или новеллистического сюжета древнерусскими читателями было связано с переходом от аллегорического к имитическому стилю восприятия литературного текста [Гловиньски 1977. С. 116-137], который не налагает на читателя обязанности искать второе, скрытое под поверхностью изображенных в произведении событий, более глубокое их значение.

Постепенный отход от установки на «полезное чтение» в сторону «чтения неполезного» можно показать также на примере состава некоторых сборников и конволютов рубежа XVII и XVIII в., предназначенных для домашнего индивидуального чтения. Сборники эти (например, сборники из коллекции ГЛБ: Q. XVII.27 и ОЛДП, Q.18, а также из собрания БАН: 1.4.1) складывались постепенно в течение многих лет и поэтому хорошо иллюстрируют эволюцию литературных вкусов составителей и владельцев. Самый древний пласт занимают в них произведения старой традиции или произведения, созданные в XVII в., но выдержанные в традиционном стиле (т. е., жития, поучения отцов церкви, произведения исторические), далее следуют переводные, главным образом «неполезные» романы и повести, как то: «Повесть о Бове королевиче», «Повесть о семи мудрецах», «История о Апполоне Тирской» (в сборнике Q. XVII.27), «История о Мелюзине», «Фацеции польские», «Повесть о семи мудрецах» (в сборнике ОЛДП), «Повесть о семи мудрецах» (в сборнике БАН).

К этой же группе следует отнести большой сборник, расплетенный позже на несколько рукописей, получивших в коллекции Ундольского (хранящейся в настоящее время в ГБЛ) номера 620, 705, 736, 915, 919, 923, 930, 942, 943 и 947, который принадлежал во второй половине XVII в. известному поэту-силлабику, монаху Чудова монастыря в Москве, Кариону Истоину. В нем были объединены тексты древней традиции («Сказание о посольстве Ищеина в Царьград», «Послание к цесарю Максимилиану», «Лаодикийское послание») и многие повествовательные произведения, среди которых видное место занимают литературные новинки («Повесть о Бове королевиче», «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о семи мудрецах»), объединенные с беллетристикой более раннего времени (здесь читается «Александрия», «Повесть о Басарге», Троянская «притча»).

Сдвиг читательских интересов в сторону светской «неполезной» литературы становится более заметным лишь с начала XVIII в. Именно тогда, наряду с подборками переводных романов, читавшихся, как правило, в среде знатных дворян и работников московских приказов (ср. сборник ГИМ, собр. Забелина, № 325/226 конца XVII в., включающий

романы о кесаре Оттоне и о Петре Златых Ключей; сборник ЦГАДА, ф. 181, № 431(865) конца XVII - начала XVIII в., содержащий те же романы и «Историю о Мелюзине»; сборник БАН, 34.6.52 (Осн. 617) конца XVII в., в котором находим романы о кесаре Оттоне и о Мелюзине) стали появляться сборники, в которых светская художественная проза представлена не только переводами, но и русскими оригинальными произведениями конца XVII - начала XVIII в. Но и здесь соотношение произведений, созданных для «пользы», и произведений, написанных прежде всего для «удовольствия» читателей, говорит о все еще сильном давлении традиции: «полезных» повестей в них значительно больше, чем «неполезных», хотя одновременно следует отметить, что душеполезные идеи, иллюстрирующие определенные тезисы христианской морали (например, наказание за гордость, тщеславие, за отсутствие веры в беспредельное божье милосердие и справедливость) стали облекаться в форму занимательных, изобилующих неожиданными сюжетными поворотами рассказов (ср. хотя бы повести о гордом Аггее, «Повесть о царице и львице», «Повесть об Андрее Критском»).

Изменение «общего подбора статей» в рукописных сборниках происходит, - как было отмечено М. Н. Сперанским, - лишь к середине XVIII в., особенно во второй его половине [Сперанский 1963] и - добавим - в значительной мере совпадает с изменениями в области репертуара печатной литературы. И если в конце XVII - первой трети XVIII в. трудно или попросту невозможно найти в России хоть небольшую группу читателей, для которых светское «неполезное чтение» было бы единственной формой удовлетворения литературных интересов, то во второй половине XVIII столетия таких читателей можно без большого труда отыскать.

Несмотря на заметное расширение репертуара и круга читателей «неполезной книги» до половины XVIII в. никто не отважился теоретически обосновать целесообразность существования этой разновидности литературы или хотя бы упомянуть о теориях полезно-забавного чтения, получивших к тому времени распространение в других странах. Показательно, что ни один из переводчиков «Апофегиат» Б. Будного (а они переводились в конце XVII - начале XVIII в. трижды) не перевел предисловия, открывающего сборник польского автора, в котором он излагал свое писательское кредо. Если вспомним, что в то же самое время переводчики «Великого Зеркала» не пожалели времени и сил, чтобы познакомить своих соотечественников с обширным введением к этому сборнику, то отсутствие перевода предисловия к «Апофегиатам» нельзя объяснить непониманием его функции и значения. Скорее всего,

причина состояла в том, что в тексте предисловия Будного содержались некоторые «несвоевременные» мысли, прямое изложение которых в России того времени могло бы отрицательно сказаться на судьбе всего перевода. Странное на первый взгляд поведение трех разных переводчиков «Апофегиат», сходно, но независимо друг от друга решивших применить автоцензуру, станет более понятным, если скажем, что Будный, рекомендуя свое сочинение польскому читателю конца XVI в., пишет, что оно должно не только учить, но и развлекать читателя: «...trzymając się podania mądrego poety Horatiusa, który napisał: Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci, podając tu książki takie, które małemi będąc, siła w sobie zamykają. Bo tu krótko wszystko a węzłowato. Które i z uciechą i z pożytkiem czytać będziesz» [Будный Б. г. С. 1 об.]. А такое понимание задач литературы получит полное признание в России только в половине XVIII в. И это нисколько не противоречит тому, о чем мы говорили выше. Просто-напросто читательская и писательская практика, как это часто бывает, намного опередила ее теоретическое осмысление.

III. НА ПУТЯХ К АПОЛОГИИ «НЕПОЛЕЗНОГО ЧТЕНИЯ»

Сильное ограничение роли православной церкви в государстве, какое наблюдаем в петровскую эпоху (в 1721 г. Петр упразднил патриаршество и подчинил церковь светской юрисдикции), повлекшее за собой дальнейшую заметную секуляризацию русской культуры и дававшее, казалось бы, больший простор литературе, которая до сих пор не получала культурно-идеологической санкции духовной власти, духовных авторитетов, т. е. литературе, служившей не наставлению, а развлечению читателей, не принесло, однако, существенных сдвигов в понимании функции и задач художественной литературы. Расхожей стала мысль А. М. Панченко о снятии запрета на смех в петровскую эпоху, а записанный Нартовым исторический анекдот о ночном визите Петра к Феофану Прокоповичу, который, в отличие от Стефана Яворского, не стоял на правиле и не читал священных книг, но пил вино и забавлялся веселой беседой с друзьями, толкуется как весьма выразительный пример нового, поощряемого царем, стиля бытового поведения россиян. Но почему-то забывается, что напечатанное «повелением Царского Величества» «Юности честное зерцало» очень настойчиво рекомендует дворянским недорослям прилежание к наукам и трудолюбию (ср., например: «Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен <...>, для того что бодрый господин ободряет и слуг» [Зерцало 1717. С. 9-10]; «Всегда время пробавляй в делах благочестивых, а празден и без дела отнюдь не бывай» [Там же. С. 9]) и столь же резко осуждает всякую праздность и веселость (ср. наставление 25-ое: «Младый отрок да не будет пересмешлив или дурацкии шутками заобычен» [Там же. С. 17] и помещенные в качестве приложения к этой книге нравоучительные сентенции, среди которых оказалась и столь популярная в Древней Руси притча библейского царя и мудреца: «Буй в смеху вознесет глас свой, муж же иудр едва иало осклабится»). В той же приложении помещается еще одна, не неприятная, как

можно догадаться, российскому монарху, мысль: «Бойся Бога и царя, и ни единому не противися» [Там же. С. 13]. Царь мог быть снисходителен к шалостям лучшего своего идеолога, но отнюдь не к слабостям всех дворян, которых он решил превратить в лиц, служащих государству.

Петровские реформы предусматривали полный отказ от старой древнерусской культуры, но одновременно требовали полного подчинения правилам новой. «Принятие петровских культурных новшеств имело, — как пишет В. Живов, — характер вступления в новую веру и обязывало к положительной рецепции всего комплекса петровских преобразований — от культа самого Петра до переустройства государственного аппарата. Принятие петровской культуры оказывается, таким образом, гарантией преданности всем петровским преобразованиям» [Живов 1986. С. 55]. А такая «культурная политика» подчиняла писателя и писательский труд задаче преобразования общества и пропаганды новых государственных идеалов. Писатель, преданный петровским преобразованиям, настоящий «сын отечества» должен был прежде всего заботиться о благе всего отечества, всего иерархически упорядоченного государства, мелкой частицей которого он являлся. Поэтому столь видное место в литературе петровской эпохи принадлежит публицистическим и сатирическим жанрам. Мысль о гражданских повинностях писателя хорошо выразил А. Д. Кантемир, который в предисловии к первой редакции II сатиры сказал: «пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданин моим вредно быть может» [Кантемир 1867. С. 204].

Программа обновления страны, задуманная Петром и в том или ином виде перенятая его наследниками, не давала слишком большого простора литературе «неполезной». Именно поэтому весь поток «неполезных» повестей, который появился на читательском рынке еще в предыдущем столетии, не мог попасть в печать, даже гражданскую, так как Петр предоставил печатный станок в первую очередь авторам книг (учебников, уставов, книг научного и научно-популярного характера), способствующих распространению среди его подданных всяких полезных знаний. Из книг, напечатанных гражданским шрифтом, только три-четыре можно отнести к разряду художественной литературы и лишь одну-две (и то с оговорками) к «неполезному чтению» [Луппов 1975. С. 184].

Увеличение числа грамотных и рост спроса на письменную литературу во второй половине XVIII в., совпавший с распространением в обществе идей Просвещения, приводит к возрождению споров о месте литературы в общественной жизни России, о призвании писателя и его

роли в обществе. На этот раз в дискуссию включаются журналы и другие повременные издания, озабоченные состоянием читательской культуры современников, которые читать-то научились, но далеко не всегда читают то, что могло бы служить «до образования сердца и разума».

Поэтому авторы «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих» пекутся в первую очередь о воспитании читателей, о привитии им хорошего вкуса. В майской книжке журнала за 1755 г. помещена статья Г. Н. Теплова «О качествах стихотворца рассуждение», в которой автор обосновывает между прочим необходимость существования литературной критики. Литературные критики («особливые писатели» по определению Теплова), которые «различать станут добрых Авторов от худых и покажут путь к забвению одних, а к припамятованию других» [Ежемес. соч. 1755. Май. С. 371-372], нужны необразованному читателю, так как именно они помогут отличить хорошую литературу от плохой и предупредят плохой выбор. Уже в первом номере журнала редакция обещает объявлять читателям «о иностранных и здешней печати новых и полезных книгах» [Там же. Январь. С. 10].

Переводы и оригинальные сочинения оцениваются согласно наличию или отсутствию в них полезного начала. Поэтому, например, академический журнал «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» рекомендует, чтобы переводчики «...прежде, нежели б какую книгу переводить начали, помыслили и с другими посоветовали, нет ли чего к переводу нужнее и для общества полезнее?.. Если трудящиеся в переводах от похощений и от протчих сего роду любовного содержания книг удержаны быть не могут, то советуем им, чтоб по крайней мере труды свои употребили лучше на английские, или с английского переведенные, нежели на французские, потому что в оных по большей части честность и добродетель, а в сих больше страсти господствуют» [Ежемес. соч. и изв. 1763. Октябрь. С. 372-373]. Следуя такой установке, журнал положительно оценивает перевод «Похощений Керее и Каллирои», выполненный И. Акиевым. Рецензент с облегчением замечает, что в этой книге «при всей приятности происхождения и штиля ничего соблазненного <...> не примечается; чего ради молодые люди для препровождения праздного времени без опасения читать ее могут» [Там же]. Подобную задачу «Дать русскому читателю представление о выходящих в свет изданиях, направить его к «полезному» чтению и позволить избежать бесполезной траты времени и средств» [Очерки 1987. С. 321] ставили перед собой «Санктпетербургские ученые ведомости» и другие «ученые» журналы второй половины XVIII в.

Воспитанию и образованию читателей, для которых литература не была бы пустым развлечением, но прежде всего источником хороших мыслей, средством воспитания гражданских добродетелей, много внимания уделяли ведущие учебные заведения России. В стенах Московского университета, например, широко развернулась издательская деятельность. Университетская типография выпускала, кроме научных и учебных книг, сочинения лучших русских и зарубежных писателей, а также журнал «Полезное увеселение» (1760-1762), в котором печатались произведения М. М. Хераскова, И. Ф. Богдановича, С. Г. Домашнева, М. В. Ломоносова, В. И. Майкова, Д. И. и П. И. Фонвизинных и многих др. В одном из первых номеров журнала была помещена статья Хераскова «О чтении книг», в которой излагались взгляды издателя на роль литературы в обществе. Автор выступает здесь против необдуманного и неразборчивого чтения любых книг (главным образом, романов), которое, по его мнению, прилично лишь несмысленным подьячим, извозчикам, пирожникам и купцам, и призывает дворянскую молодежь к чтению обдуманному, разборчивому. Настоящий читатель должен - пишет Херасков - искать книг «хорошего содержания», уметь «вникнуть в содержание», «чтоб пользу получить от выбранной <...> книги». Уверенность в том, что читатель готов претворить в поступок прочитанный текст (ср. там же: «Романы для того читают, чтоб искуснее любиться и часто отиечают красными знаками нежные самые речи») [Полезное увес. 1760. Январь. С. 3]], является одной из причин столь суровой критики книг, «которые писаны без мыслей», т. е. книг развлекательного содержания. Им противопоставляются книги, из которых читатель может почерпнуть хорошие примеры для подражания. Если добавим, что Херасков, исполнявший в одно и то же время обязанности директора и куратора университета, а также редактора журнала, охотно привлекал к сотрудничеству в «Полезном увеселении» студентов университета, многие из которых стали со временем известными писателями, то наше представление о роли журнала в формировании «хорошего вкуса» читателей будет более полным. В том же Московском университете при активном участии Хераскова и группировавшихся вокруг него молодых литераторов издавался журнал «Свободные часы» (1763), по своей идейной направленности близкий «Полезному увеселению», а в 1764 г. бывший студент Московского университета В. Д. Санковский, сотрудничавший раньше со «Свободными часами», издает журнал «Доброе намерение».

При Императорском сухопутном шляхетском корпусе издавались журналы «Праздное время в пользу употребленное» (1759-1760) и

«Полезное с приятным» (1769). Первый номер журнала «Полезное с приятным» открывался предуведомлением, в котором так обосновывалась целесообразность существования «полезно-приятных» журналов: «Видя, с какой жадностью приемлет общество издаваемые еженедельные сочинения, для увеселения и наставления оного, не можно не восчувствовать истинной радости. С какими бы намерением кто не желал иметь оные; однако то не оспорию, что там найдет и такое, которое напоследок и порочное сердце устыдит и к некоторому исправлению побудить может: а сие самое и есть предметом трудящихся в таковых изданиях» [Полезное. № 1. С. 3]. Авторы «Полезного с приятным» постарались раздвигая о «важных материях» сочетать с сочинениями и переводами, дающими «отдохновение разуму» (ср., например, пространную статью «О воспитании» [№ 1. С. 5-27], в которой отвлеченные педагогические идеи иллюстрируются умело подобранными историческими анекдотами).

Те учебные заведения, которые - по разным причинам - не могли издавать своих журналов, тоже старались приобщить воспитанников к хорошему (в просветительском понимании этого слова) чтению и литературным занятиям. Итак, напр., Московский благородный пансион выпустил несколько сборников сочинений и переводов своих учеников: «Распускающийся цветок» (1787), «Полезное упражнение юношества» (1789), «Утренняя заря» (1800). Издания эти, близкие по своему характеру литературным альманахам, включали небольшие прозаические сочинения или их фрагменты, а также стихи таких авторов, как А. В. Арсеньев, Д. И. Вельяшев-Волынцев, И. Раевский и др. В стенах того же Московского благородного пансиона был также выполнен сборник (в двух частях) переводов с немецкого языка «И весело и полезно, или Собрание кратких и нравоучительных повестей» и «Собрание кратких, веселых и нравоучительных басен и других сочинений» (1789). Автор этого сборника - Андрей Выдоров попытался выбрать из доступных источников такие тексты, которые учили, забавляя.

Примерно в то же время в народном училище Санкт-Петербурга выходил журнал «Растущий виноград» (1785-1787), а в Тобольском народном училище издавался ежемесячник «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», в котором, наряду с переводами, помещались и оригинальные произведения учителей и воспитанников школы.

Писатели и издатели второй половины XVIII в. понимали, что читательская аудитория неоднородна, что наряду с любителями и знатоками хорошей, т.е. «полезной» (в просветительском понимании этого слова) литературы, существует немалая группа читателей,

предпочитающих легкое, забавное, развлекательное чтение. Строгие просветители, на все лады браня тех, кто читал романы, сказки и тому подобную бессмыслицу, критикуя писателей-неучей, пытались, как мы уже говорили, образовать и воспитать достойную своего времени читательскую аудиторию.

Но чтобы привлечь рядового читателя к литературе, содержащей высокие мысли, необходимо было сделать некоторую уступку тем, кто не принимал поучения в открытом виде, кто ценил в письменном тексте занимательность, интересную интригу, забавный слог и т. п. «украшения», кому не под силу были тяжеловесные философские, нравоучительные или политические рассуждения. И тут на помощь русским просветителям пришел приобретший именно тогда большую популярность в России Гораций (а точнее его понимание поэзии и шире - художественной литературы), который рекомендовал писателю сочетать в своих произведениях полезное с приятным. Стих «*Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci*» из «Послания к Лизонам» появляется в предисловиях (в «Предуведомлении» к «Ежемесячным сочинениям к пользе и увеселению служащим» редакция обещает «писать не токио для пользы, но и для увеселения читателей») и надеется, что помещаемые в журнале «переводы всяких полезных и приятных материй, взятых из иностранных книг, не неприятны будут читателям» [Ежемес. соч. 1755. Январь. С. 8-9], в «Товарище разумном и заимствованном» (1764), рядом с латинской цитатой из Горация читается следующий ее перевод: «Тот всякому угождает, кто вдруг и полезное и приятное предлагает»; «Письмовник» открывается эпиграфом, основная мысль которого тоже заимствована из Горация:

Духовной ли, мирской ли ты? прилежно се читай;
Все найдешь здесь тот и другой, но разуметь смекай;

автор литературного и исторического журнала «Старина и новизна» (1772-1773), парафразируя ту же мысль Горация, пишет, что его цель состояла в «наполнении сей книги различием вещей, не меньше приятных, как и полезных, дабы тем лучше на вкус каждого угодить было можно») и в названиях журналов и сборников разного содержания (ср. хотя бы упомянутые выше «Полезное с приятным», «Полезное увеселение», а также «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащим»).

Некоторые из авторов пытаются теоретически обосновать свою уступку читателю. Уже Кантемир, готовя к изданию свои сатиры,

написал к ним специальное предисловие, в котором изложил свои взгляды на жанр стихотворной сатиры, ее художественные особенности и общественные функции. Итак, сатира призвана, по мнению поэта, «исправлять нравы человеческие», т.е. выполнять учительную функцию. Но желая привлечь к чтению сатир как можно большее количество людей, Кантемир считал необходимым сочетание «учительного» содержания с «забавной», «веселой простотой слога», так как понимал, что произведение, написанное простым и веселым слогом «читается охотнее». (Для нас в данном случае безразлично, сумел ли сам автор сатиры «К уму своему» реализовать постулат сочетания полезного с забавным или нет).

Иван Виноградский, автор сборника «Картина нравов, или Собрание разных нравоучительных повестей и анекдотов, служащих к образованию сердца и нравов юношества» (1789) так объясняет необходимость преподать наставление в занимательной форме:

Сухая нас мораль, как уиственный предмет
Прельщает, но не так сердца к себе влечет:
А добродетели в приирах оживленны,
Ко нравам, качествам, стране прииноровленны
Сильнее трогают, жарчае и разят,
И добродетельных обильнее родят.

[Виноградский 1789. С. <4>]

Иной формой реализации постулата сочетания приятного с полезным и угождения всякому было составление сборников, в которых, наряду с текстами, преследующими открыто дидактические и даже учебные цели, помещались произведения смехового, развлекательного типа. Целую серию таких изданий открывает «Российская универсальная грамматика» (1769) Н. Курганова, в которую вошли, кроме краткого курса грамматики русского языка, несколько «присовокуплений» литературного характера. Это была довольно пестрая по составу хрестоматия «малых» литературных и фольклорных жанров: от апофегмы, пословицы и поговорки к разного типа анекдотам (бытовым, историческим), загадкам, песням, эпиграммам, басням, одам и небольшим повестям. Смелая шутка (ср., к примеру, анекдоты о разного типа простаках и шутах) сменяется в ней нравоучительной сентенцией, веселая эпиграмма – торжественной одой. Охотник до песен мог найти в ней целую подборку популярных песенных текстов, любитель «заимсловатых повестей» тоже не был обойден вниманием, а

желающий познакомиться с русской историей мог обратиться к той части книги, в которой помещались известия о родословной русских царей, о победах русских над врагами и т. п. Сборник Н. Курганова (со второго издания под заглавием «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многими присовокуплением разного учебного и полезного забавного вещесловия») печатался и охотно читался еще в первой половине XIX в. Подобный состав литературного материала найдем в упоминаемой выше «Старине и новизне», в сборнике А. Данилова «Разные анекдоты, содержащие в себе мудрые деяния, великодушные и добродетельные поступки, остроумные ответы, любопытные, приятные и плачевные происшествия <...>, служащие к пользе, забаве, удовольствию и образованию всякого состояния людей» (1792), в «Разных письменных материях, собранных для удовольствия любопытных читателей» (1791) М. Кошарова, в «Похождениях Ивана гостинного сына» (1785-1786) И. Новикова и многих других.

Подключились к этому течению печатной литературы и рукописные сборники, в которых сочетание полезного с приятным по меньшей мере с прошлого столетия было чем-то вполне привычным, но которые сейчас постарались его «теоретически» обосновать. Весьма показателен в этом отношении интереснейший сборник 1780-1790 гг., составитель которого - священник Сретенской церкви из Переяславля Залесского, включивший, кстати, в рукопись некоторые выписки из «Письмовника» и «Товарища разумного и замысловатого», перенимает также эпиграф «Письмовника», пополняя обращение Н. Курганова к читателю своими собственными мыслями. Ср.:

Духовной ли, мирской ли ты, прилежно се читай:
Все найдешь здесь, тот и другой, но разуметь смейся.
Читай, да не осуждай, сам себе разсуждай.
Хотя что написано в ней и не ладно,
Да читай, будет складно.
Читать ея у безделья кому,
Только приятна быть может не всякому.
Други и слушать не станут,
А чтец тогда и читать перестанет.
Охочей читать хочет,
А неохочей и в руки взять не хочет.
Есть тут и песенки хороши,
Только хозяину будут малы барышны.

Будут их петь, восхваливать,
 А хозяйскую вотьку испивать.
 [ГБЛ, ф. 218, № 900, л. 2]

Уступка читателю иногда бывает мнимой. Случается (и весьма нередко), что автор¹ обещает (в заглавии или предисловии) чтение полезное и увеселительное, на самом же деле никаких забавных текстов в своей книге не помещает. Примером изданий такого типа может послужить сборник «Забавный философ, или собрание разных остроумных и вымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов» (1766) Луки Сичкарева, включающий произведения сугубо нравоучительного характера: аллегории, сны, притчи и т. п.

Еще одним способом привлечь внимание читателя, предпочитающего развлекательную литературу, была трансформация заведомо «неполезных», сиеховых жанров в жанры полезно-забавные. Так, например, поступают просвещенные журналисты (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Н. И. Страхов) с жанром курантов (новин), сиеховых лечебников, рецептов и т. п. Под их пером чисто сиеховые пародии газет превращаются в остро сатирические памфлеты против всех общественных зол России (ср.: [Стенник 1985. С. 247 и сл.]). Этой же цели служит использование фацециальных тем и сюжетов в нравоучительной басне.

Но вместе с тем стали появляться писатели, которые выбрали другой путь к читателю, которые не ставили себя выше читателя и не пытались его ни учить, ни воспитывать, но старались потенциальному читателю угодить. А угождение публике всегда требовало снисхождения к ее вкусам, пристрастиям и интеллектуальным возможностям. Не иначе было и в России.

Галерею русских писателей, которые не разделяют мнения ведущих теоретиков и практиков «полезного» и даже «полезно-забавного» чтения, открывает М. Д. Чулков. В предуведомлении к «Пересмешнику, или Славенским сказкам» (1766) он провокационно заявляет: «В сей книге важности и нравоучения очень мало или совсем нет. Она неудобна, как мне кажется, исправить грубые нравы; опять же нет в ней и того, чем оные умножить; и так, оставив сие обое, будет она полезным препровождением скучного времени, ежели примут труд ее прочитать» [Чулков 1766. Ч. I. С. 644]. Е. Н. Лебедев справедливо замечает в чулковской формуле ироническую перелицовку просветительской установки на полезное увеселение и полезное

использование праздного времени, столь хорошо отраженное в названиях тогдашних журналов: «Праздное время в пользу употребленное» и «Полезное увеселение» [Русский 1982. С. 213.]. В самом деле, тот тип чтения, который предлагает читателю Чулков, и по своей форме (здесь имеется в виду прежде всего манера повествования, создающая впечатление непосредственной беседы с читателем, обнажение конструкции книги, ее «сделанности») и по содержанию (здесь мы найдем и рассказы о столь любимых читателями ловких и изворотливых плутах, и баснословные и романические истории о любовных похождениях древних славянских рыцарей) не имеет ничего общего с произведениями русских писателей, бичующих пороки и недостатки общества, или рисующих образы идеальных героев.

Полемика с авторами, берущими на себя право и обязанность служить пером отечеству, звучит также в издаваемом Чулковым с конца января 1769 по январь 1770 г. журнале «И то и сьо». Чулков так объяснял читателю причины, побудившие его заняться писательским трудом: «Я пишу единственно только для одного увеселения и другого намерения не имею, ибо сил моих к тому не станет, не требую похвалы и за славой не гоняюсь для того, что я их недостоин, а желаю, чтоб получил их тот, который мыслит о себе, что он приносит сочинениями великую пользу отечеству» [И то и сьо. Нед. 9]. Обратим внимание, сколько иронии содержится в словах признания за теми, кто «мыслит о себе» хорошо, права на славу и похвалу. В годы своей молодости Чулков был совершенно беспощаден по отношению к писателям, объявляющимся «народными учителями». В 3-ей книжке журнала есть слова, направленные, как полагает А. Западов, против В. Тугова, который намеревался с помощью своего журнала «Поденщина» учить народ. «Чулков, - пишет исследователь, - не отваживается принять на себя «титул народного учителя» - «потому что я недостоин и сверх же того учить людей не умею, для той причины, что я и сам середка на половинке» (3 неделя)» [Западов 1940. С. 102].

Стоит обратить внимание и на то, что Чулков, защищая право писателя доставлять читателю развлекательное чтение, ставит себя в один ряд со столь поносимыми его почтенными современниками создателями и переписчиками рукописных романов, составляющих единственное чтение довольно большого числа не очень грамотных любителей занимательной книги. Создавая оригинальную переделку «Золотого осла» Апулея, он намеренно заявляет, что эту «сверхъестественную притчу» слышал от отставного подьячего, который «корит <...> голову свою переписыванием разных историй, которые

продаются на рынке, как то например: Бову Королевича, Петра Златых ключей, Еруслана Лазаревича, о Франце Венецианине, о Гереоне, о Евдоне и Берфе, о Арсасе и Разиере, о российском дворянине Александре, о Фроле Скобееве, о Барбосе-разбойнике, и прочие весьма полезные истории. <...> И из оных научаяся, сказал он мне, и сие приключение, а от кого он его слышал, о том я не известен, и из какого она автора, и того не знаю» [Лекарство 1989. С. 130-131]. А в другом месте, приступая к описанию святок, описанию, которое он составляет, «угождая <...> прекрасному полу», пишет: «Таким образом, приступая ко столь важному делу, должен я иметь непременно важные мысли, того ради приниимался я читать весьма славные сочинения, под которыми Господа Авторы для вечной и бессмертной себе славы не ставили своих имен, - следующие сочинения: *О побеге из пушкарских улиц белого петуха от куриц, о Фроле Скобееве, Азиатскую Бенизу*. Из оных набрался я разума, чистого слога, изрядных замыслов и удивительного истории расположения и теперь чувствую уже себя довольно способным к понесению предпринятого мною труда». [Там же. С. 173-174]. Снисхождение ко вкусам читателей и читательниц вызвано трезвой оценкой ситуации писателя в обществе. «Нескромные любовники, - говорит Чулков, - теряют своих любовниц, а нескромные писатели теряют своих почитателей» [Там же. С. 173], ему же не хочется терять свою читательскую аудиторию. Он то и дело осведомляется, «не наскучил ли» он ей своим «бесполезным изданием» и выражает надежду, что его сочинение принесет читателю «некоторую забаву».

Несмотря на очень неблагоприятные условия (на журнал Чулкова, что весьма показательно для понимания литературной жизни 60-х гг., ополчились все виднейшие писатели просветительского лагеря, в том числе Н. И. Новиков, который, иетя прямо в чулковский журнал, писал: «Мне <...> несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором» [Лекарство 1989. С. 49], и сама Екатерина II) писатель до конца существования журнала ни на йоту не изменил своих убеждений. В «Заключении к журналу», подводя итог своей деятельности, он не без гордости перечислял все то, что успел для своего читателя сделать: «В прозе я тебя повеселил, а над другими посмеялся, в притчах позабавил, в эпиграммах замысловато посмеялся, загадками укоротал скучное для тебя время, в элегиях перед тобою поплакал и во всяких повестях готов был делать тебе увеселение» [И то и сьо. Нед. 51-52].

Величие писательского подвига Чулкова мы сможем по достоинству оценить лишь тогда, когда отдадим себе отчет в том, что подобного рода заявлений никто из российских писателей до него не делал, что понадобилось еще лет двадцать-тридцать, чтобы нашлись сочинители, отважившиеся публично высказать такое же мнение о писательском труде и функции литературы в обществе. (Справедливости ради, следовало бы, однако, сказать, что установка на развлечение еще раньше появилась в рукописной демократической литературе. Однако большинство авторов рукописных «неполезных» сочинений вовсе не думало теоретически обосновывать свою позицию. Веселость, царящая в этих произведениях, прямая наследница спонтанной площадной веселости. Но ~~несколько~~ списков рукописных жарт, созданных анонимными «подканцеляристом» в 40-50-х гг. открывается небольшим стихком, играющим роль заглавия и предисловия одновременно, из которого потенциальный читатель мог узнать, что жарты созданы «не для исторического чтения, токио для одного увеселения». Другой из редакторов подчеркивал, что «Фигурные жарты оченно смешны», что они «нарошно зделаны так потешны», а третий добавлял: «Довольно ими увеселишь себя, никто за то не обидит тебя».)

Так, например, анонимный автор «Зубоскала, или нового Пересмешника» (1791) в предуведомлении к этому «российскому сочинению» писал: «Сия книжка писана иною и выпущена <...> не для поправления умов и нравов человеческих, потому что в ней нравоучения совсем не имеется, а только для того, естли кто возьмет труд ее прочесть, то она ижеет служить забавою, веселым препровождением свободного времени» (цит. по: [Сиповский 1903. С. 226]). Сходство эстетической установки и ее словесного выражения с позицией автора старого «Пересмешника» здесь более, чем очевидно.

Не менее близок Чулкову в вопросе понимания задач литературы В. Березайский, предложивший читателю книжку забавных рассказов о пошехонцах. Заранее предотвращая упреки потенциальных противников своего сочинения, он пишет: «А буде кто скажет наи, что оставшееся от должности, т. е. праздное время, можно употребить на что-нибудь лучшее, то мы на сие дадим такую отповедь, что можно и на худшее. И в сем случае наше дело не будет ли то, что называется середка на половине?» [Анекдоты 1798. С. 6].

К числу писателей, которые сознательно адресуют свои сочинения любителям бесполезной книги, принадлежит также П. Тимофеев. В первом

издании своих «Сказок русских» (1787) он поместил обращение к читателям, объясняющее его понимание роли книги в обществе. Констатируя наличие

.....читателей таких,
 Которы бегают совсем полезных книг.
 И' удовольствие в том только полагают,
 Когда от скуки вздор какой-нибудь читают,
 Или ложася спать, тож сказывать велят
 Теи, кои басни ии нелелы говорят,

он решается ииенно ии, а не читателю, который «к пышным авторам однии расположен», предложить свою книгу сказок русских. Он чистосердечно признается:

С такую книгою я выступил на свет,
 В которой истинны и правды вовсе нет.

 Я не философов здесь жизни представляю,
 Но иножу вздором вздор, ложь ложью унижаю.

 Хотя книга не важна, но в ней есть иного сиеха,
 Она же веселит такого человека,
 Которой по трудах желает отдохнуть,
 Чтоб с чистой иислию спокойнее заснуть.

[Тимофеев 1787. С. <3-4>]

Если вспомнии, что еще в шестидесятые годы журнал «Свободные часы», а вслед за нии и другие повременные издания, утверждал, что настоящий писатель должен прежде всего защищать истину и заботиться об уничтожении пороков (ср. статью «О свойствах писателя» [Свободные часы. 1763]), а сборники, содержащие жизнеописания и изречения мудрых философов (например, «Апофегиаты» Б. Будного, «Апофегмы царей и полководцев» Плутарха) печатались с петровских вреиен, то заявление Тимофеева следует понимать как открыто полемическое по отношению к просветительскому толкованию назначения писателя. Здесь истине противопоставляется ложь, вздор и выдуика, которые, естественно, не могут служить обличению и искоренению человеческих пороков (на роль учителя и проповедника истины Тимофеев тоже не претендует), а лишь помогают развеселить человека, который в свободное от служебных и иных занятий часы, решиться

взять в руки его книгу. И чтобы ни у кого не осталось ни малейшего сомнения в истинных намерениях автора, он повторно (на этот раз прозой) обращается к «любезному читателю»: «За излишне почитаю напаивать читателю, чтобы таковые рассказывания, мною издаваемые, были хотя мало правдоподобны; но они основаны на лже и выдуманы для препровождения скучного и праздного времени; по пословице: *сказка ложь, а песня быль*» [Там же].

Подобную осведомленность в запросах читательской аудитории проявляют многие авторы и издатели второй половины XVIII века. Так, например, издатель сборника «Старая погудка на новый лад» (1794-1795), включающего пересказы русских волшебных сказок и старинных рукописных повестей, показывает хорошую ориентацию во вкусах «своих» читателей. В «Предуведомлении» к сборнику он пишет: «Зная много людей, кои большую имеют охоту до старых погудок, из них некоторые желательны были, чтоб иметь несколько забавных и шутивых повестей, собранных в одно место, которые б и были изданы в свет: и так во удовлетворение их желанию (выделено мною - Э. М.) столько, сколько мог заимствовать от разных рассказчиков, снабдивших меня сей материею, собрал и читателя мои сообщаю» (Цит. по: [Новиков 1971. С. 279]).

Евграф Хомяков, выпуская в свет своего «Забавного рассказчика, повествующего разные истории, сказки и веселые повести» (1791) заявлял: «При издании сей книжки не имел я никакого другого намерения, как только чтобы сделать удовольствие (выделено мною - Э. М.) тем, кои охотно читают сказки» [Хомяков 1791. С. <4>]

Важно отметить, что все издатели и авторы, пишущие «в угоду» читателю бесполезной книги, настоящую ценность своих трудов видят в том, что их книги веселят человека, который хочет отдохнуть после работы, службы. Их задача - чисто рекреативная, а не учительная. Но у них, как видишь, нет чувства ущербности и недостаточности. Они убеждены в том, что их труд не хуже труда тех, кто решился взять на себя роль учителя и наставника, кто объявлял себя счастливым обладателем истины, правды. Среди них, как и среди представителей просветительской литературы, есть истинные таланты, мастера своего дела (например, Чулков), есть величины второго ряда и немалое число очень посредственных, и даже бездарных сочинителей. Но дело ведь не в том, кто лучше: Чулков или, к примеру, Ломоносов. Для истории литературы и литературной культуры России важно то, что только со второй половины XVIII в. играющий человек (*homo ludens*) объявляется не менее ценным, чем человек думающий, чем человек, занятый

полезным трудом. А может просто-напросто заново открывается и теоретически осмысливается двойственная природа человека, одна сторона которого направлена к пользе, к труду, к высоким философским помыслам, другая же к чему-то совершенно противоположному?

Точно такую же констатацию, хотя и выраженную несколько иными языком, находим в предисловии к рукописному сборнику пословиц и поговорок, составленному в 70-х гг. XVIII в. Анонимный автор, помня старинную пословицу *Делу время и потехе час*, отстаивает всеобщее право на «благоутешное время», в течение которого неприлично было бы говорить о серьезных делах.

«Во благоутешное время тщися утешно и вещати,
еже бы ко всякому слову утешно и слово представляти.
Дабы слушателей каковы[и] тя[го]стныи и иудрми словом от
беседы не отразити,
Но паче утешныи словеси к беседе их привратити» .
[ГПБ, собр. Тиханова, № 466, л. 1 об.]

Эта незамысловатая правда, как ни странно, постигалась далеко не всеми. Сблaзн стать «народным учителем», «пророком», «наставником царей» тяготел не только над русскими писателями XVIII в., ему поддавались также писатели следующих столетий.

IV. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ КАК ЭЛЕМЕНТ ИГРОВОЙ СИТУАЦИИ

То, что словесный текст может включаться в различные игровые ситуации, в принципе не вызывает сомнений. Но обычно в таких случаях имеется в виду текст фольклорный, а Ю. М. Лотман, изучавший активную игровую реакцию со стороны аудитории на балаганно-театральные представления и лубок (ср. [Лотман 1976. С. 249-255]), склонялся к мысли, что «В рамках письменной культуры аудитория «потребляет» текст (слушает или читает, смотрит)», в то время как «В атмосфере фольклорности аудитория играет с текстом и в текст» [Там же. С. 247-248].

Исследования западноевропейских и польских ученых показывают, однако, что «игра» с текстом и в текст может иметь место также за пределами чисто «фольклорной аудитории», что литературный текст также может стать важным элементом игровой ситуации (ср. [Дзехчиньска 1981]).

Включение литературного текста в процесс создания игровой ситуации совершенно справедливо связывается с типом литературной культуры, господствующей в определенной аудитории. А она, в свою очередь, теснейшим образом связана с пониманием задач писателя и литературного творчества. Если писатели и читатели/слушатели соглашались, что литературный текст (а точнее, некоторые литературные тексты) может участвовать, наравне, например, с игрой в карты или фанты, в создании некоторой игровой ситуации, то первые постараются такие тексты создавать, а другие будут ими в нужный момент пользоваться. (Разумеется, мы не исключаем из поля зрения и таких случаев, когда автор и читатель сливаются в одно лицо.)

В предыдущих главах мы старались показать, как русский читатель постепенно привыкал к мысли, что литература не обязательно должна быть полезной, что она может также выполнять развлекательные, рекреационные функции. Сейчас же попытаемся проследить, как вместе с

отходом от обязательной установки на полезность (в конфессиональном или просветительском смысле этого слова) литературы, растёт количество примеров использования литературного текста в игровых ситуациях.

Включение литературного текста в игровую ситуацию предполагает, как мы уже говорили, согласие всех участников акта коммуникации, т. е. в данном случае адресата и адресанта. Она могла возникнуть лишь в обстановке полной свободы личности, когда каждый отдельный член общества или хотя бы некоторая его часть получила (или завоевала) право распоряжаться без стеснения своим праздным временем и организовать досуг по своему собственному усмотрению. (Рекреационные игры, связанные с традиционными народными праздниками, нас в данный момент интересовать не будут, так как наша задача состоит в том, чтобы показать связь письменной литературы с игрой и игровыми ситуациями).

На вопрос, когда на Руси появляются предпосылки подобной ситуации, ответить нелегко. Как известно, литературные произведения в виде литургических чтений из «Священного писания», проповедей и т. п. включались в церковные обряды, но здесь они полностью подчинялись церковному этикету и церковному действию, направленному на установление сильной эмоциональной связи его участников с трансцендентным миром.

Литературные произведения в виде панегирических проповедей, ораций, од, эмблематических стихов и т. п. были органической частью публичных зрелищ петровского времени (маскарадов, фейерверков, триумфальных въездов в столицу и т. п.), но зрелища эти также «несли, — как справедливо отмечает Семенова, — большую смысловую нагрузку», а император «придавал им серьезное значение» [Семенова 1982. С. 208]. Здесь полностью отсутствовал экспроит, все совершалось по заранее обдуманному сценарию. И если даже Петр организовал своим подданным увеселения, то все же это были увеселения принудительного типа, лишённые настоящего, приносящего свободу смеха, во всяком случае они как таковые воспринимались многими невольными участниками петровских потех. Показательно в этом отношении горькое признание представителя старого боярского рода кн. И. И. Хованского, который свое вступление во всешутейший собор воспринимал как своего рода светопреставление. «Имали меня в Преображенское, — пишет князь, — и на генеральном дворе Никита Зотов ставил меня в митрополиты, и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, а во отречении спрашивали виесто «веруешь-ли», «пьешь-ли», и

теи своим отречением я себя и плуце бороды погубил, что не спорил, и лучше мне было мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить» [Живов 1986. С. 55].

В системе литературных жанров Древней Руси не было, как им уже говорили, места для произведений «неполезных», а природная тяга человека к развлечению удовлетворялась за счет фольклорных жанров. Но по мере приближения к Новому времени меняется отношение к литературному тексту, который все чаще может лишаться учительной функции. А это уже открывает путь к его использованию в игровой контексте.

Одно из первых свидетельств включения литературного текста в игровую ситуацию было найдено и прокомментировано С. И. Николаевым. Исследователь обратил внимание на интересную запись в дневнике австрийского посланника И. Корба, посетившего Московию в конце XVII в. «На сих днях, - читаем в записке, - некоторые приказные писаря пировали с своими женами у какого-то писца. Хозяину особенно понравилась одна из гостей; задумав удовлетворить свою страсть, он стал спаивать всех вином, в особенности же женщин. Гости проникли лукавый умысел хозяина и, с своей стороны, тоже с умыслом, стали подчивать щедро вином хозяйку. Все перепились до того, что падали на пол; тогда хозяин, заметив, где лежала его красавица, под предлогом, чтобы женщины спали спокойнее, погасил огонь. За тем вызвал он мужей в другую комнату для нового состязания, кто кого перепьет. После того все, совершенно пьяные, воротились в покой, где спали женщины. Хозяин пробирается к тому месту, где расположилась его красавица, которая, по тому ли, что уже прежде заметила из глаз его любовь, стало быть, легко угадывала замыслы его, или по тому, что была нравственнее, пожалуй, плутоватее, положила на свое место жену хозяина. Хозяин в темноте не мог открыть обмана женщины и, полный прежних помыслов и ничего не зная, осыпает жену свою поцелуями, обнимает, встречает взаимность, наконец, удовлетворив свою страсть и не ведая еще, что это была его жена, приглашает прочих гостей к тому же. Пьяные сотоварищи охотно принимают его предложение. Когда обман был выдан и совершенно обнаружился, хозяин первый же покати́лся со смеху от того, как он, не только предложил гостям кушанья и питья, но еще пригласил их в объятья своей жены» [Корб 1867. С. 84-85].

Исследователь совершенно справедливо указал на развлекательный характер рассказанной истории и на ее литературное, а не бытовое происхождение. «Поразительна доверчивость и недогадливость педантичного Корба! - пишет Николаев. - Европейский дипломат не почув-

ствовал рекреативного характера рассказа и стал жертвой подшутивших над ним подъячих Посольского приказа, которые описали ему «по Декамерону» якобы бывшую пирушку. Его искреннее негодование, кстати, говорит о том, что эту «смехотворную московскую издевку» <...> он не выдумал, а действительно услышал» [Николаев 1984. С. 244]. Добавим, что они, т. е. подъячие, в самом деле могли не любить педантичного иностранца. Не исключено, что шутка эта какими-то образом связана с довольно серьезной ссорой между Корбом и Семеном Лаврецким. В апреле месяце Корб (ср. его запись в дневнике под датой 30. 04. 1696 г.) решительно отказался от услуг Лаврецкого, а описанный выше «розыгрыш» подъячих имел место в конце лета (в дневнике запись датируется 28 и 29 августа).

Итак, если предположение Николаева верно, а нам кажется, что оно весьма и весьма правдоподобно, то мы можем считать, что на Руси в XVII веке не только читали (многочисленные экземпляры польских изданий смеховой, так наз. совизжальской литературы, а также списки переводов этих произведений имелись в библиотеках московской знати и духовенства [Николаев 1983]), но и рассказывали фацеции. Любителями такого рода литературы были на первых порах люди, знавшие иностранные языки и западную культуру – т. е. именно работники Посольского приказа и, возможно, некоторые дипломаты. В первой половине XVIII в. забавные анекдоты литературного происхождения становятся достоянием более широкой и в то же время более демократичной аудитории. Об этом свидетельствует между прочим изустное распространение некоторых сюжетов плутовского романа о Совизжале, враждавшихся как в дворянской, так и в демократической среде.

Другим литературным жанром, игровое использование которого в мужской компании, можно считать установленным, является эротическая загадка. На ее бытование в монашеской среде в XV в. (на примере сборников Ефросина) указывал Я. С. Лурье, им же хотели бы обратить внимание на еще одно свидетельство существования этой разновидности загадки в репертуаре «балагуров и пустословов» рубежа XVII–XVIII столетий. В компилятивной «Повести о португальском посольстве» находим весьма интересный фрагмент, содержание которого составляет испытание героя загадками. Среди загадок, поставленных послу, есть загадка, которая пришла на ум португальскому мудрецу, когда он увидел одну из служанок:

«Португальской, видеv от домовых своих рабынь некую, рече ему: «О кои кощуники и суесловцы (выделено ином – Э. М.) говорят: совещаvшася пятеро, взяша единого и ведоша его в теиницу. Ведомый же в

теиницу, радуясь идяше; оттуду же исходя, плача и дряхлая идет не-иощен?»

Брандебурской: «Аз о сем зде ответа не глаголю, но егда возвращаюся во своя, то сотворю то дело – ииам бо у себя супругу. Зде же о сем не отвечаю, и не взираю на ню, ибо наизание очес убивает душу. Добро всякому человеку доволну быти своим оброки и чужих кладезей не касатися, да свои не пролиются!» [ПЛДР. XVII (1). С. 480-481]

Здесь интересно как указание на аудиторию, в которой загадка распространяется, так и содержащаяся в самом определении этой аудитории ее оценка (добавим, что другие литературные загадки, включенные в текст «Повести», такие оценочные высказывания персонажей не сопровождают). Весьма ценно и то, что загадка и сопутствующая ей отгадка вписываются в определенный контекст; оба мудреца (как, впрочем, и автор повести) остроумно «играют» с текстом загадки и только притворяются противниками такого типа произведений, на самом же деле весьма хорошо в них разбираются и умеют по-настоящему оценить их смеховой характер.

Итак, мы можем считать установленным, что в Древней Руси звучащий, произнесенный (или прочитанный вслух) одним из участников (или несколькими участниками) мужского собрания литературный текст становился в определенных условиях важным элементом создания игровой ситуации. Не располагая в настоящее время большим количеством примеров, мы не в состоянии определить масштабы данного явления, но констатировать реализацию потенции, которая получит свое активное развитие в более позднее время, мы все-таки можем.

В своих работах о смеховой культуре М. М. Бахтин высказал весьма верную, как нам кажется, мысль о том, что смех дает человеку (правда, на очень короткое, ограниченное рамками праздников, время) свободу, делает человека свободным от мира средневековой церковно-феодалной культуры. Смеющийся человек обретает свободу [Бахтин 1975. С. 57-70]. Но если смех, смеховая карнавалльно-площадная культура дает свободу, то и свобода должна порождать тягу к смеху и забаве.

Получение русскими дворянами личной свободы и права распоряжаться своим временем без вмешательства со стороны государственного аппарата повлекло за собой естественное тяготение к расширению сферы игры, забавы и смеха. И это был, наконец, не смех по приказу, по прихоти императора (как хотя бы ассамблеи, а также всешутейший и всепьянейший собор, – которые были прежде всего «службой» [Панченко 1984. С. 136]), а смех непринужденный, забава, участники которой

сами вырабатывали и устанавливали ее законы. Веселая игра с текстами и в текст.

«Указ о вольности дворянской», изданный 18 февраля 1762 г. Петром III и подтвержденный Екатериной II, имел большие последствия для развития дворянской культуры. С этого времени русский дворянин мог пойти на государственную службу, но он же был волен и не служить. Иными словами говоря, он из человека служащего превратился в частного человека, самостоятельно решавшего, что и когда ему делать. И хотя в заключительной части «Указа» и говорилось, что «все благородное российское дворянство, чувствуя толикие наши к ним и потомкам их щедроты, по своей к нам верноподданнической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностию и желанием в оную вступать и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать, неменьше и детей своих с прилежностию и рачением обучат благопристойными науками, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели, но только как сами в лени и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употребят, тех мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отчества повелеваем, и ниже ко двору нашему приезд или в публичных собраниях и торжествах терпеть будут» [Столетие 1986. С. 288], то со временем дворянская молодежь все чаще будет стараться как можно раньше выйти в отставку или вообще нигде не служить.

«Дворяне, — как пишет Чечулин, — широко воспользовались предоставленною им свободою; тотчас все дороги из Петербурга и Москвы покрылись дворянами, которые оставили службу и спешили по своим делам» [Чечулин 1889. С. 57]. Чтобы уволиться от службы придумываются разные причины. Некоторые из них были осмеяны в «Сатирическом вестнике». Ср.: «Все те, которые хотели брать увольнение от службы, будь даже и здоровые, получали от докторов за приличную изду необходимость для них удостоверения» [Сатирич. вест. 1790. Ч. I. С. 98].

Поскольку, однако, появление праздного времени стало фактом, с которыми трудно было бы не считаться, противники пустой праздности принялись давать молодежи советы, как и чем следует заполнять свободное от службы время. В печати стали появляться разные «отеческие наставления», предостерегающие перед жизнью «в праздности и бездельи» (ср. «Отеческое наставление к сыну», помещенное в июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1756), сатирические рецепты, статьи и очерки (ср., например, очерк «О праздности», в котором

утверждается, что «составляющее жизнь нашу время не должно изиеряеио быть годами, но пользою произведенных в нем дел» [Сичкарев 1766. С. 375-384], или другой очерк, само заглавие которого «Неприятна та жизнь богу, которая бесполезна обществу» говорит о необходимости социальной активности каждого из членов общества и отрицании такой модели поведения, которая «трудолюбия» предпочитает «праздность и выгоду» [Там же. С. 24-40]], бичующие пороки и рисующие образы идеального гражданина.

Дворяне, которые предпочитали проводить свое время вне службы и других общественно-полезных занятий, уже в шестидесятые годы стали предметом острых нападков как со стороны правящих кругов, так и со стороны писателей просветительского толка, которые апеллировали к чувству долга по отношению к отечеству и сурово высмеивали уклоняющихся от служебных повинностей. Так, например, в одной из басен Федора Энина, напоминающей по своей форме нравоописательный очерк, изображены модные вертопрахи (или щеголи, как стали называть «золотую молодежь» XVIII в.). Они составляют часть свиты Притворства, которая характеризуется им следующим образом: «Те, которые бегают по саду и повсюду вертятся, суть благородные твари; они говорят, что трудиться только подлому человеку прилично, ибо таковой, не трудясь, пропитаться не может. Но они, будучи достаточны, ни о чем ином не думают, как только чтоб весь день гулять, играть в карты, хорошо наряжаться и делать посещения знатным господам и господам». Мужество, разоблачая Притворство, надевшее на себя маску добродетели, и его свиту, раскрывает также настоящую природу «благородных вертопрахов», умеющих лишь «одеваться и распудривать свои волосы» и не знающих, «что благородному человеку необходимо надобно иметь попечение о пользе общественной (выделено ином - Э. М.), если он хочет, чтоб благородие его было у народа в почтении» [Энин 1764. С. 258-259].

Несмотря на все усилия литераторов и властей, отход дворян от службы государству был повальным. И когда императором Павлом, который своей жизненной целью поставил отменить все нововведения и указы матери, было издано повеление, «чтобы президенты всех присутственных мест непременно заседали там, где состоят на службе», то многие из щеголей оказались в такой же ситуации, как известный шпиль и балагур Екатеринского времени - Лев Александрович Нарышкин. Д.Л. Мордовцев так описывает это событие: «Пришлось и «Левушке» первый раз в жизни явиться в то место, где он был президентом около

сорока лет - в придворную конюшенную контору по должности обер-шталийейстера.

- Где мое место? - спрашивает он членов.

- Здесь, ваше высокопревосходительство, - отвечают они с низким поклоном, указывая на огромное готическое кресло.

- Но к этим креслам нельзя подойти, - замечает Нарышкин, - они покрыты пылью.

- Уже несколько десятков лет, - отвечают члены, - никто в них не сидел, кроме кота, который всегда тут покоится.

- Так мне нечего здесь делать - место мое занято.....

И с этими словами Левушка вышел из присутствия» [Мордовцев. 1901. С. 33].

Интересующие нас в данный момент аспекты светского быта дворян второй половины XVIII в. известны, главным образом, по резко критическим высказываниям представителей просветительского лагеря. Все они с негодованием отзывались о тех представителях дворянской, прежде всего столичной, но также находящейся под ее влиянием - провинциальной молодежи (а с шестидесятых годов провинциальные дворяне стали регулярно посещать столицу, чтобы там по-настоящему повеселиться; особенно много народу съезжалось на Рождество и масленицу, а любимыми развлечениями приезжих стали маскарады и театральные представления), которые не желают тратить времени на «науку» и общественно-полезную деятельность, но стараются иметь как можно больше свободного времени.

Стремление к праздности, понимаемой как отрицание служебных обязанностей «регулярного государства», и к праздничности, как противопоставлению будничному, повседневному образу жизни, приводит неуклонно к выработке альтернативного по отношению к насаждаемому с петровского времени типу «правильного» поведения. Праздность и праздничность, в свою очередь, очень естественно тяготеют ко всякого типа игре и забаве, предполагающей участие большего количества людей.

Щеголи вырабатывают своеобразную светскую культуру, ориентированную на французские, хотя, по-видимому, через немецкое посредство, образцы (ср. наблюдения Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского над «щегольским наречием» [Н. М. Карамзин 1984. С. 590-591]). Они усваивают правила поведения в обществе по вышедшему в 1778 г. в Санкт-Петербурге «Наставлению знатному молодому господину, или воображению о светском человеке» Шетарди [Штедтке 1987. С. 92].

То, что щеголи ориентировались на иностранные (прежде всего французские) образцы, стало по-видимому одной из причин неприятия щегольской культуры не только просветителями, но и представителями низовой, демократической части общества. Щеголь стал предметом насмешек многочисленных журналов, а также мишенью сатирических выпадов авторов рукописных жарт и лубка. На одной из картинок, например, изображен франт с модной высокой прической, в уста которого вложена следующая автохарактеристика: «По моде убираюсь, по моде наряжаюсь, прутиком подпираюсь, в прекрасных садиках гуляю, аиурные песенки попеваю, никогда не работаю, веселюсь и гуляю» [Ровинский 1881. Т. 1. № 234]. Упреки анонимного автора лубочной картинки в адрес петиметров социально маркированы. Они связаны с отрицанием недворянского автором абсолютной праздности и повседневной праздничности. Народные увеселения были, как известно, сезонными (театральные представления демократического городского театра давались лишь во время зимних святок, на масленице, на пасху и т. п. [Кузьмина 1958. С. 162-187], еще сильнее связь народных развлечений с годичным циклом праздников в деревне), все остальное время было временем труда, без которого жизнь человеческая не мыслилась. (Ср. также картинку «Ограбленный петиметр» [Ровинский 1881. Т. I. № 272], стихотворную жарту «О шуте и щоголе» и многие другие).

Отличительной чертой щегольской культуры была, как мы уже говорили, установка на праздничность, на веселое препровождение времени в обществе себе подобных дам и кавалеров. Именно, дам и кавалеров, потому что щегольская культура без участия (и весьма активного) женщин не могла бы существовать. Непременное присутствие и участие женщин в щегольских собраниях (в салонах, редутах, на концертах, маскарадах) само по себе налагало на ее участников некоторые «правила игры». Желание понравиться становится основной пружиной действий щеголей и щеголих. Утрированная картина щегольского поведения, нарисованная авторами сатирических журналов, изображает их в постоянном движении: они бегают, прыгают, им не сидится на одном месте, они ездят в ряды, в клуб, редут, скачут в театр, на концерт или на бал (ср. также иронический совет начинающей щеголихе: «Блистайте своими платьями, пленяйте красотой и прельщайте друг друга беспрестанным прыганьем. Не сидите ни минуты на одном месте; но беспрерывно бегайте туда и сюда и ходите из комнаты в комнату» [Покровский 1903. С. 49]).

Но чтобы понравиться, надлежало не только модно одеваться, ступать, танцевать, улыбаться, но и непременно уметь вести веселый,

остроумный разговор. На эту черту настоящего щеголя тоже указывают сатирические журналы. И тут огромную роль играла ориентация щеголей на устную изящную речь. Язык щеголя должен отличаться изяществом, «приятностью», специальными «выговорами» и «сильной инфламацией». Можно, по-видимому, говорить о своеобразной речевой и поведенческой «маске» щеголей, маске, которая получила свое окончательное оформление в 70-80-х гг. XVIII в.

Нет сомнения, что поведение щеголей в обществе театрализовано, рассчитано на эффект. Стараясь понравиться женщинам, которые охотно обращают свои взоры в сторону тех, у кого, как пишет один из современников, «нрав шутливый» и «обхождение расторопное», они стремятся быть веселыми и забавными. А женщины, в свою очередь, стараются не уступать им в остроумии. Подспорьем таких бесед стали многочисленные сборники анекдотов, среди которых видное место принадлежит «Товарищу разумному и замысловатому» П. Семенова, первые две части которого появились в 1764 г.

Как мы уже говорили, переводчики рубежа XVII-XVIII вв. довольно часто обращались к таким малым жанрам, как апофега, анекдот, фация. Знакомия русского читателя с довольно обширными сборниками этих произведений, созданных, как правило, в Западной Европе, они не обращали, однако, ни малейшего внимания на теорию жанра. Тем больший интерес представляет для нас «Введение наподобие предисловия, касающегося до превосходства, свойства и употребления мнений, скорых ответов, замысловатых речей и увеселительных сказок», помещенное в «Товарище разумном и замысловатом». Семенов — вслед за Абедем Буае, автором хрестоматии для изучающих английский язык, которая была основным источником текстов «Товарища», — напоминает русскому читателю, что «Мнения, скорые ответы и замысловатые речи были всегда у всех политических народов в почтении», называет имена виднейших античных авторов, собирающих «замысловатые речи, сказанные знатными людьми» — Плутарха и Диогена Лаэртского, а из писателей нового времени — Ф. Бэкона и Гюстава, и этим именно объясняет свое желание познакомить своих соотечественников с лучшими образцами таких произведений. Одновременно Семенов пытается уточнить содержание некоторых жанровых определений. Напомнив, что античные авторы пользовались термином апофега, под которым понимали «то, что мы называем мнениями, благородными замыслами, замысловатыми речами и разумными ответами» [Семенов 1764. С. 4], он все же считает необходимыми различать собственно апофеги («должные мнения» на языке Семенова), т. е. изречения мудрых философов и государственных деятелей,

носящие назидательный, нормативный характер, и «заимсловатые речи» или «скорые ответы» (т. е. факции, анекдоты, пуантом которых является неожиданная и остроумная реплика героя), которые «наставляют и увеселяют в одно время» и которые «иногда также бывают <...> совсем увеселительные, а иногда язвительные и сатирические» [Семенов 1764. С. 4]. «Первое и известнейшее правило для отличения заимсловатой речи от должного мнения, — продолжает Семенов, — состоит в том, чтоб оно могло быть переведено на другой язык без потери точного своего свойства и своей приятности, потому что оно состоит на самом выражении мысли, а не на слове, которое значит двойное значение» [Там же. С. 5]. Автор «Товарища разума и заимсловатого» справедливо отмечает устный характер «заимсловатых речей», которые по его мнению «служат к нашему увеселению и к ободрению в задумчивость пришедшей компании», но в то же время «изобилуют хорошими наставлениями» на всякие житейские случаи. Предлагая читателю большой выбор небольших произведений для рассказывания в свете, он одновременно дает потенциальным рассказчикам «заимсловатых речей» полезный совет, «чтоб тот, кто найдет благопристойное время рассказывать оные, не смеялся сам первый, если он хочет в смех привести компанию», и чтобы он не рассказывал «одной заимсловатой речи несколько раз одним людям», так как этим разрушается эффект новизны, эффект неожиданности и удивления. А именно «удивление, — как пишет Семенов, — причиняет веселость, которую они (т. е. рассказчики — Э. М.) возбуждают в слушателях» [Там же. С. 9].

Другим весьма важным залогом успеха рассказчика «заимсловатых речей», на который указывает Семенов, является их своевременность. Он, т. е. рассказчик, не должен рассказывать, не считаясь с местом и временем, а лишь тогда, когда «они придут к стате и к слову, при том и при таких людях, которые охоту имеют их слушать и ими веселиться» [С. 8]. Последнее замечание Семенова очень важно, так как очень правильно характеризует коммуникационную ситуацию, определяющую благоприятные условия функционирования анекдота. И хотя теоретические рассуждения русского автора являются лишь удачным переводом, то их значение для истории русской генологии трудно переоценить (его роль можно сравнить с ролью, какую в польской культуре сыграл перевод «Придворного» Б. Кастильоне, выполненный Л. Гурницким).

Нет сомнения, что сборники анекдотов действительно использовались как своеобразные «заготовки» для светских бесед и игр. Судя по данным некоторых журналов (а также по свидетельствам имену-

ров), более или менее удачно подобранные и рассказанные анекдоты литературного происхождения стали одним из обязательных элементов щегольских собраний. «Сатирический вестник», например, высмеивает «ухищрения щеголих, желающих создать себе репутацию интересных собеседниц» путем заучивания печатных текстов анекдотов. «Многие из них, — читаем в журнале, — не будучи с природы одарены остротой разума, стараются заменить свое начитанностью и для сего не выпускают из рук с утра до вечера Спутника и Собеседника веселых людей, Разумного и Заимсловатого Товарища и Dictionnaire des bon mots» (цит. по: [Маслова 1928. С. 272-273]). Авторам журнала настолько ненавистна щегольская культура в целом, что они даже не принимают во внимание заявления переводчика и издателя «Товарища разумного и заимсловатого» о том, что книга эта издана для того, чтобы изгнать из употребления многочисленные рукописные сборники, содержащие непристойные анекдоты, и привить читателям «хороший вкус». (Стоит в связи с этим напомнить, что не только русские щеголи и щеголихи подкрепляли свое остроумие заученными текстами анекдотов, фацеций и шуток. Искусству блеснуть в разговоре заимсловатым речением и остротой словом учились по сборникам апофеги и фацеций и французы. В. Д. Рак указывает на очень интересный для нашей темы факт появления сатирического портрета «незадачливого светского остроумца», который, не обладая природным даром создавать и рассказывать остроты, заучивал наизусть готовые тексты и выдавал их за свои собственные или рассказывал не очень удачно [Рак 1976. С. 226]. Совпадения, как видишь, касаются не только моды на использование «заимсловатых речей» в светской беседе, но и оценки этой моды писателями просветительского лагеря).

В щегольских забавах и играх важное место принадлежит также умело подобранным или сочиненным стихам (любовным, эпиграмматическим). М. Д. Чулков, характеризуя на страницах журнала «И то и сьо» занятия петиметров, обращает внимание на то, что «Петиметрское упражнение состоит в том, чтобы беспрестанно хвалить кокеток, вытверживать из романов некоторые места и восхищаться любовными враками, которые в Париже продаются по копейке, то есть Идилли, Стансы, Сонеты, Мадригалы и билеты, презирать великих авторов, для того, что они разумными своими сочинениями у петиметров похищают честь в стихотворстве» (цит. по: [Покровский 1903. С. 31]. Другой из журналов дает следующий совет молодому человеку, который хотел бы попасть в большой свет и получить признание модных щеголей:

Все знания и все науки отиетай,
 Одне лишь басенки и пустоши читай.
 Люби лишь оперы, комедии, романы,
 Стихами наполняй любовными карианы;

 Хоть ты и азбуки еще не разумеешь,
 Однако ж делай так, как будто все умеешь.
 [Утренние часы. 1788. I. С. 156-157]

Как видим, критики щеголей или говорят, что петиметры ничего не читают, или, «не зная правил доброго вкуса и не приобретши во всю свою жизнь основательных познаний» [Переписка. 1792. I. С. 33], читают и сочиняют один вздор. Отрицание щегольской культуры – это одновременно протест просветителей против нарушения дворянской молодежью идеальной нормы поведения человека эпохи Разума, норм, предусматривающей постоянное расширение знаний («наука») и активное участие в общественной деятельности («служба», «польза»).

К сожалению, щеголи, ориентируясь на живое, устное, а не печатное слово, цenia экспромт и импровизацию, не оставили письменных свидетельств своего существования (у них, по-видимому, не возникла необходимость теоретически осмыслить свое поведение, вследствие чего нет оригинальных русских метатекстов, описывающих и нормирующих поведение щеголя), и мы вынуждены реконструировать щегольскую культуру по тем карикатурным и одновременно шаблонным зарисовкам, которые оставили их идейные и эстетические противники.

В кругу жанров, «обслуживающих» веселые собрания молодых людей, находилась также песенная поэзия. Напомним, что первые, еще рукописные сборники песен и кантов, предназначенных для исполнения в светской аудитории, появились на рубеже XVII-XVIII вв. (ср. [Позднеев 1958. С. 5-112]), а со второй половины XVIII в. печатные издания разных песен поставлялись на книжный рынок систематически. К тому же игра на каком-нибудь инструменте и пение («щегольские науки» по определению В. Н. Татищева) входили в состав предметов обязательного обучения дворянской молодежи. По мнению Т. Н. Ливановой нередко были случаи, когда в салоне не только воспроизводились готовые песни, но и создавались новые. «Известно, – пишет исследовательница, – что в молодости Нелединский-Мелецкий часто посещал петербургский дом сестер Головиных, где слагал свои стихи, к которым тут же подбиралась музыка (Н. И. Головина была хорошей музыкантшей и отлично пела)» [Ливанова 1952. Т. 1. С. 14].

Разумеется, не во всех салонах можно было встретить столь хороших поэтов и искусных музыкантов. По большей части бывали в них поэты-дилетанты и такие же композиторы и исполнители, но тип культурной ситуации оставался одним и тем же. Более или менее удачно подобранная или сочиненная песня помогала изъясниться в любви, выразить затаенные, сокровенные чувства, словом, становилась одним из элементов салонной игры, наградой, выигрышем в которой была чья-то благосклонность. Случались, однако, и курioзные ситуации, как хотя бы та, участниками которой были молодые повесы из свиты «малого двора» Екатерины Алексеевны (будущей Екатерины II) — С. Салтыков, Л. А. Нарышкин и попечитель «малого двора» Чоглоков. «Салтыков и Нарышкин умели, — как пишет, ссылаясь на иеиуары императрицы, Мордовцев, — усыпить бдительность сурового аргуса следующим образом: чтобы отвлечь Чоглокова, Салтыков успел возбудить в нем страсть к стихотворству, и хотя стихи его, по свидетельству самой императрицы, «лишены были всякого человеческого смысла», однако молодежь показывала вид, что восхищается ими, а Нарышкин клал эту поэзию на музыку и распевал создаваемые Чогловыми песни вместе с самими их авторами» [Мордовцев 1901. С. 5]. Неудрено догадаться, как смеялись после такого розыгрыша его главные режиссеры и зрители с Екатериной во главе.

Огромной популярностью пользуются в связи с этим сборники кантов и песен (нередко простонародных). Писатели наперебой издают песенники с нотами или только с указанием голоса. Целую серию подобных изданий открывает сборник Г. Н. Теплова «Между делом безделье» (1759). За ним последовали «Песни, сочиненные Михайлом Поповым» (1765), «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова (1770-1774), «Собрание русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутовского (1778-1795), «Собрание народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова и Прача (1790), «Российская Эрата» М. Попова (1792), «Карианный песенник» И. И. Дмитриева (1796) и многие другие авторские и анонимные сборники. По свидетельству известного иеиуариста А. Т. Болотова в середине XVIII в. распространилась мода на любовные песенки, которые «молодые барыни и девушки с языка были не спускаемы» [Болотов 1871. Т. 1. Стлб. 179] Среди них было много текстов А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского (без указания имени авторов они включались во многие песенники), которые распространялись как музыкально-поэтическое, т. е. звучащее, «с голосом», произведения. Для значительного числа русских лирическая поэзия существовала только в этом полуфольклорном виде.

Мы уже упоминали о том, сколько внимания литературным занятиям уделяли учебные заведения. Уроки словесности и поэтики помогали реализовать заветную мысль Тредиаковского, который еще в 30-е годы мечтал, «чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу» [Тредиаковский 1735. С. 36]. Но они привели и к тому, что «любовь к литературным упражнениям дошла до смешной страсти, до смешного увлечения стихотворством, так что чуть не всякий считал себя обязанным писать стихи» [Чечулин 1889. С. 77]. «Полумесячное упражнение на 1769 год», издаваемое при императорской Сухопутной шляхетной кадетской корпусе, — «Полезное с приятным» негодовало, что Геликон «безграмотных пленяет», что «Подьячий и солдат, купец и пономарь / И всяка тварь/ Стихи иарает» [С. 29].

Теоретикам и критикам пришлось сейчас защищать поэзию от дилетантов, которые принимались за перо, не обладая ни глубокой эрудицией, ни талантом, ни вдохновением. Один из ведущих законодателей русского классицизма — А. П. Сумароков в «Наставлении хотящим быти писателями» настойчиво подчеркивает, что стихотворческая наука дело не простое:

Стихи писать не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно все, когда искусства нет,
Хотя творец, пища, струяны поты льет.
Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
Когда искусства нет, иль ты не тем рожден,
Не строен будет глас и слаб и принужден.

[Русская 1978. С. 114]

А в статье «К несмысленным стихотворцам» приходит к выводу, что «Лучше не иметь никаких писателей, нежели иметь дурных», так как плохие писатели, «а паче всего стихотворцы» [Там же. С. 120], портят русский язык. Не менее отрицательное отношение к поэтам-дилетантам проявляют и другие теоретики. Т. Н. Теплов, например, в статье «О качествах стихотворца рассуждение» нарисовал карикатурный образ «мнимого автора», который «старается в людях себя казать неумытым лицом и нечесанною головою, дая чрез то знать, что всегда дома сидит над горшком чернил и столом бумаги. <...> Ходит часто задумчив, правила вежливости вовсе презирает, кстати или некстати

вчера прочитанную фабулу стихотворческую рассказывает» [Еженес. соч. 1755. Май. С. 392]. Многочисленные свидетельства меценаристов показывают, что памфлет Теплова небеспристрастен, что в России действительно появились стихотворцы, которые «сами себя хвалят и чтут за великих, не уважая, что публика о них говорит» [Там же. С. 374], которые разыгрывают перед знакомыми роль поэта. Такую «игру в поэта» затеял Н. Е. Струйский — великий почитатель Сушарокова, который «был известен необычайными странностями. У него в деревне на самом вершине дома был воздвигнут Парнас, на котором стоял столик; он всходил туда и писал стихи, и не иначе писал их, как на Парнасе. Туда не пускал он никого; но в случае надобности по деревенскому хозяйству туда являлся к нему староста; он, с высоты Парнаса, выслушивал его донесения, отдавал приказания по хозяйству <...> Иногда profanum vulgus оказывался виновным и в том, что помешал вдохновенью! — В той же деревне была у него типография, «на которую, — говорит кн. Ив. Мих. Долгорукой в своих Записках, — он употребил большое издвигание». — В ней напечатал он без всякой цензуры свои безвредные сочинения. <...> Он не пускал в продажу своих сочинений, а дарил их только своим сыновьям и знакомым» [Дмитриев 1869. С. 85-86]. Князь Долгорукий посетил Струйского в 1794 г. и записал, что все обращение его «было <...> дико; одевание странно <...>. Письма <...> и сочинения его рассылались бы мертвого, потешнее, после Телемахиды, ничего нет на свете» [Там же. С. 87].

Образ дилетанта, сочиняющего ради увеселения общества стихи и песенки, донесла до нас и художественная литература. Так, например, герой анонимного романа «Несчастный Никанор, или Приключение жизни русского дворянина Н*****» (1775) ухаживая за благородными дамами, играл с ними в для препровождения времени в кадрили и ломбер, пел и сочинял песни и всякие увеселительные стишки, сказывал им сказки и истории, а во время святок устраивал им всякие игры и гадания.

Включались в игровые ситуации и литературные загадки, активизирующие интеллектуальный потенциал и остроумие читателей (и слушателей). В Древней Руси загадки нередко встречались в рукописных сборниках и, по-видимому, загадывались в более или менее обширном кругу читателей и слушателей (о смеховой и игровой функции древнерусской эротической загадки мы упоминали выше). В XVIII в. мода на загадывание загадок в обществе быстро росла. Коль скоро спрос на них уже не мог быть удовлетворен все еще копировавшимися древнерусскими текстами, возникла необходимость расширить и осовременить

репертуар любителей этого типа произведений. Навстречу читательской аудитории выходят авторы многочисленных сборников смешанного состава: раздел «Загадки» имеется в «Письмовнике» Н. Г. Курганова, в «Разных письменных материях» М. Коиарова, в календарях; загадки печатаются в журналах (например, в чулковском «И то и сь») и т. д. Наконец, появляются специальные подборки литературных загадок. В 1773 г. В. Левшин выпускает книжку «Загадки, служашие для невинного разделения праздного времени», которая предназначалась для чтения и разгадывания в салоне. Одну из них приведем полностью: «Любовь»: «Меня на свете нет сладчае и горчае, приятнее и мучительнее. Чрез мое побуждение смертные населяют землю, а без меня не могут они быть. Я должна жить между двоих; больше ни товарищей, ни свидетелей сносить не могу. При всем том изостряю разум и могу оный отнять». (Цит. по: [Западов 1941. С. 134]). «Еще более салонный развлекательный характер носит, — по мнению Западова, — анонимный сборник «Увеселительные загадки со нравоучительными ответами, состоящие в стихах» (1781 г.)» [Там же], а также сборник «Сто и одна загадка, Г. Б.» (1790).

В самом деле, загадка, наряду с анекдотом, была тем жанром, который легко мог оживить оборвавшуюся на полуслове беседу. Мемуаристы вспоминают, что не только разгадывание, но и сочинение стихотворных загадок, стало очень распространенной формой проведения праздного времени. На экземплярах книг, содержащих загадки без отгадок или с зашифрованными ответами, сохранились пометы читателей, записывающих правильные ответы.

Одним из популярнейших способов развеять скуку были также гадания. Издатели второй половины XVIII в. выпустили целую серию популярных наставлений, какими образом гадать на картах. Примером может послужить «Забава в скуке, или Новый увеселительный способ гадать на картах» (М., 1788). Но рекреативную функцию выполняли также гадательные книги в стихах и прозе. Первой русской развлекательной гадательной книгой подобного типа была, как установил С. И. Николаев, «Фортуна, или гадательная книга на виршах», переведенная с польского языка в начале XVIII в. [Николаев 1989. С. 76-79]. Гадание по этой книге проводится в два приема: первый этап составляет метание костей на поле с выбранной надписью, следующий — поиски (соответственно числу выпавших очков) указания, отсылающего к следующему кругу. «Указание состоит из названия зверя и города. На кругу с изображением нужного зверя находим город и уже там отсылку к собственно предсказанию <...>. И уже потом во второй

части книги читаем само пророчество» [Там же. С. 76]. Предсказания - в противовес «прежнему всегда серьезному гаданию по Священному писанию, прежде всего Псалтыри, а также пророческим книгам» [Там же. С. 79] - носили открыто шуточный характер.

Подобную функцию выполняли «Любопытный, загадчивый, участливый и предсказчивый месяцеслов для молодых красавиц на 1796 год» и «Календарь на 1799 год старого цыгана, ворожеи, угадчика», переведенные с немецкого языка. Первую часть книги составляли святцы и календарь, вторую - гадания, «разделенные по надписям на четыре четверти года. В Святцах против каждого дни стоит одно, - как поясняется во вступлении, - а инде и два числа; по оным ищите в гаданиях принадлежащие им статьи» [Календарь 1799. С. <2>]. Нужно предсказание на определенный день года можно было найти под указанными номерами (или номерами). Иногда гадание имеет форму совета, иногда - иронического замечания в адрес любопытной девушки. Авторы охотно прибегают к русским пословицам и кратким стихотворным формам. Так, например, в календаре на 1796 г. читаются пословицы: *Не спрося броду, не суйся в воду, Ласковой теленок две матки сосет, Славны бубны за горами, а к нам придут как лукошки, В чужой руке всегда ломоть велик* и т. д. Здесь же находим несколько более или менее остроумных эпиграмм. Одну из них приведем полностью:

Пригожий стройный стан, красивую походку,
Румянец, белизну и Ангельско лице
В девицах женихи считают за находку;
Но часто промозглое вонючее яйцо
Находят скрытое под нежной скорлупою.
Смотри, чтобы сего не сбылось над тобою.

[Месяцеслов 1796. С. 155]

Включение литературных текстов в игровую ситуацию было характерной чертой времяпрепровождения так называемого «малого двора» Екатерины Алексеевны (будущей императрицы Екатерины II). В составе «малого двора» оказались весьма остроумные и литературно одаренные люди, как, например, Л. А. Нарышкин, о котором Екатерина в своих воспоминаниях написала: «Никто не заставлял меня так смеяться, как он. Это был шут до мозга костей, и если бы он не родился богатым, то мог бы жить и наживать деньги своим необыкновенным комическим талантом» (цит. по: [Мордовцев 1901. С. 4]). Литературные забавы Екатерины в Эрмитаже принимали разные формы. После

остроумных, насыщенных анекдотами и литературными аллюзиями бесед, «Екатерина подходила к письменному столу, которых было по несколько в каждой комнате, и, взяв лоскуток бумаги, чертила несколько строк или подавала его кому-нибудь из собеседников для предложения вопроса или текста. После сего всякий из присутствовавших обязан был, не приготавливая и прочитав только последние слова предыдущей фразы, продолжать ее или опровергать. Можно посудить, какая остроумная галлиманья рождалась от того, сколько высоких, гениальных мыслей перемешивалось с обыкновенными, сколько нравов с колкостями и личностями!» [Мордовцев 1901. С. 24]. Само собой разумеется, что литературные забавы в Эрмитаже не могли быть массовыми. Круг участников подобных встреч был весьма узок, но для истории русской литературной культуры элитарные мероприятия и начинания, тем более мероприятия, которые находят подражателей, не менее значимы, чем массовые.

Со второй половины XVIII в. можно также говорить о зачатках будущих литературных и литературно-художественных «дружеских обществ» и кружков, собрания которых проходили в атмосфере веселых шуток и самоиронии. Одним из первых творческих содружеств подобного рода был кружок Н. А. Львова. Он тоже не был общедоступным, но его элитарность была не столько сословная, сколько артистическая.

Сохранилось немало произведений Н. А. Львова и его приятелей-литераторов (В. В. Капниста, И. И. Хемницера, А. С. Хвостова), писанных ими «на случай». Но случаи были иными, чем те, которые вызвали к жизни всевозможные панегирические произведения. Львов и его друзья «на скорую руку» и с присущей себе легкостью сочиняли шуточные послания, любовные песни, автоэпиграммы, надписи к портрету и тому подобные «безделки», которые тут же произносились или записывались в заветные тетради и альбомы. Примером могут послужить экспромты Львова, созданные им 10 февраля 1779 г. Один из них, памятка о которой сохранилась и в устной традиции, адресован А. С. Хвостову и является ответом на его послание «Три портрета», в котором были остроумно выписаны изображения Капниста, Хемницера и Львова. Приведем его полностью:

Краской каждого своею
ты, Хвостов, нас трех списал,
а чрез то ты нам сказал:
«Вот как кистью я владею,
я за трех за вас умею

означать и свет и тень,
это видите вы сами,
и иогу треия быть ваии,
да лень.

[Лалло-Данилевский 1989. С. 260]

Несмотря на то, что наш реестр литературных игр и забав XVII-XVIII вв. трудно назвать исчерпывающим, он все-таки дает, как нам кажется, некоторое представление о масштабах, формах и динамике этого культурного феномена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы старались показать, движение от установки на «полезность», понимаемую то как «душеполезность», то как государственная или общенародная польза, неизменно противопоставляемую пустой забаве, развлечению, рекреации, вызревавшее еще в недрах древней русской письменности, лишь во второй половине XVIII в. получило теоретическое обоснование. Путь к признанию за писателем права на создание произведений художественной литературы, не несущих важной идеологической и дидактической нагрузки, был долгим и извилистым. В борьбе этой писатели не смогли бы одержать победы без той поддержки, какую постоянно оказывали им читатели.

Можно, по-видимому, говорить о своеобразном контрапунктном движении литературы от пользы к забаве и утехе. Разделение читательской аудитории на любителей и знатоков «полезной» и «неполезной» литературы неоднократно вызывает большие затруднения. Есть, разумеется, случаи, так сказать, клинические, чистые, но чаще всего встречаем читателей, которые чередуют чтение занимательного, авантюрного или авантюрно-любовного романа с одами или поэмами Ломоносова, чтение и рассказывание веселых анекдотов с чтением философско-политических романов воспитания, обличительных сатир или житийной литературы. То же самое можем сказать и о писателях. Немалое число солидных поэтов XVIII в. начинало свою литературную деятельность с любовных песенок, флигельных стихов, которые распространялись без имени автора в рукописных копиях или даже изустным путем и не включались в прижизненные сборники их сочинений. А. Д. Кантемир, например, в примечаниях к IV сатире отрекся от песенок, написанных им в двадцатые годы [Ливанова 1952. Т. 1. С. 44].

Обмирщение литературы, происшедшее в изучаемый период, не равнозначно, как могло бы казаться, с отходом от установки на

полезность, оно не приводит к доминированию литературы развлекательного типа. «Играющий человек», как человек не подчиняющийся жестким правилам, всегда воспринимался как угроза серьезному, «правильному» устройству мира и государства. Поэтому главными врагами «человека играющего» были всякие обладатели истины (религиозной, историсоборской, политической, эстетической), законодатели, строго нормирующие как политические и этические нормы «хорошего поведения», так и литературные нормы «хорошего вкуса». В Древней Руси такими непререкаемыми авторитетами, дающими санкцию на темы и формы произведений, составлявшими индексы запрещенных книг, были деятели церкви, с петровского времени авторитарность церковная заменяется светской, однако ситуация писателей, не соблюдающих новых правил, установленных государством и нормативными поэтиками, была тоже незавидной.

Но есть и существенные отличия. Рост самосознания писателей и читателей во второй половине XVIII в. приводит к появлению целого штата авторов, трудившихся «в угоду» желающему весело провести праздное время читателю, а также к первым попыткам теоретически обосновать право писателей на создание произведений с целью развеселить, забавить читательскую публику. И эту новую тенденцию вынуждены признать даже самые отъявленные враги «неполезного чтения», жалующиеся на столь большой успех романов, сказок, анекдотов и т. п. В борьбе за читательские уми и сердца, а также за свои кошельки, они все чаще делают уступку пристрастию русского читателя к занимательной интриге, веселой болтовне рассказчика и пытаются облекать серьезные мысли в более легкую и понятную форму. Сочетание или чередование приятного с полезным возводится в принцип, отступления от которого не очень многочисленны.

С отходом от обязательной установки на полезность связано также все возрастающее количество примеров использования литературных текстов в качестве катализатора игровой ситуации. Знаменательно, однако, что большинство включаемых в забаву словесных текстов передается изустными путями. Причины и последствия такого положения вещей, несомненно, заслуживают дальнейшего изучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О короле, иже жену свою своими руками выдал замуж

Король некий иже у себя жену велии прекрасну лицем, такожде и возрастом, и того ради краль оный кравеу свою храняще в високом тереме, иже бе сотворен близ некоея улицы, и замыкающе ю и печатию запечатывал оный терем, ключи же с собою носяще.

В неких же странах был воин поволел и силен, виде во сне некую кравевскую жену, красну и лепу надо всеи женами, и пробудися, мысляще в себе, како бы мог очима своими наяве видети. И того ради воин оный не восхоте быти в своей земли, хотяще обрести такоу королеву в високом тереме и, вседши на конь, нача ездити по градом и по кравевствам. Потом же приехав до оного кравевства, идеже сядяще кравевна в високом тереме, а того не ведаша, яко она кравева, которая ему снилась, суть во оном кравевстве. Кравева же обыче сидети во окне и ис терема смотрети на происходящих, да тем хотя малую утеху восприимет от своей печали.

Егда же оному воину по граду ходящу, зрячи стройныи красоты града того, и тако, воздевши очи свои, узре ея воин сядящу и позна, яко сама она королева есть, юже видел он во сне, и тако прилежно смотряще на ню, сладчайшия воспевающе песни. Кравева же она, слышав воспевание, онаго прекраснаго воина виде, уязвися нань любовию. Воин же нача на всякой день, приходя, прилежно смотрети на кравеву, желающе в сердце своем, како бы доити до нея и молвити с нею. Она же, уязвляючися нань любовию, написав лист, кинула ему ис терема. Воин же лист приим, уразуме волю оной кравевы и нача веселитися о сем, сотвори пиршество о сем, и битву и витяжество.

И прославися слава его по всему граду, доиде же даже до короля. Король же возва его, рече ему: «Милый мой, слышах аз про тебя, яко

добрыи еси воин. Повеждь ми, кто еси ты и коея земли и что твое дело zde?» Он же рече, яко «слышах твою королевскую благодать к людям и жалованье неоскудно, из своея далняя страны приидох сеио, да еще угоден явлюся в рабы лицу твоему». Король же о сеи радостен бысть, повеле ему у себя быти первеишии рабой, воин же рече ему: «Повели ми, господине мой кралю, устроить дом близ твоего королевского двора, да еще ношю воззвешу мя к себе, дабы мне скорее приити». Рече же ему король: «Даю тебе, яко хочеши, твори». Воин же шед, нача строити дом свой, и тако велии хитро устроил: единою страню к градской стране, другою же на море. Потом же призва единого мастера хитра велии и заповедав ему тайну хранити, он же уверяв правдою, иже не поведати ему тайны никою. Тогда воин рече ему: «Друже милый, буди ми не наймит, но брат, моги мне хитростию под оными терем, идеже королева, сотворити ход, да мог бы навестити королевну». Он же обещаеся тако сотворити. И не по инозе времении сотвори тако. Воин же того мастера напоих вином, вверже в море, дабы не поведал кому оныя тайны.

Потом же оными тайными ходом прииде к королеве и ласковыми словесы поздрави еи. Королева же виде его у себя, удивися о сеи и возрадовася душею. И сотвориша между собою любовь, воин пак отиде. И тако почасту к ней оными тайными путем хождаше, волю же королевскую всегда исполняше.

И некогда же кралевна даровала ему перстень, которой король даде еи на обручении. Воин же той над всеми витязи мужествен баше и того ради у краля бысть любии добре паче всех человек краlestва того, и воззван некогда к королю, и нача с королем шахматы играти, перстень же оными королевский, иже даровала ему королева, на палце забы, краль же перстень свой на руке воина узре, сиутися велии и нача презирати игру. Воин же ошутився, яко перстень королевски на руке его, а краль видел естъ, прикинул себе в великую немощ и рече: «Милостивый кралю, немощь моя изнела, хочу ехать до своего дому». И рече ему краль: «Иди во здравии». Он же седши на конь и приехав в дом свой, и тайно к королеве прииде, рече ей: «Прими перстень твой, яже дала еси мне, ибо король его увидел на руке моей и ныне веи, яко известно будет на тебе перстня сего спрашивать». И тако, отдав перстень, отиде в дом свой.

Король же скоро за ним прииде к терему, нача смотрети заики и печати и, пришед к королеве, рече ей: «Повеждь, иная моя жено, где естъ тот перстень, которой я тебе дал на обручении, покажи ми его борзо». Она же откры ларчик и нача искати долго перстня, краль же

нача поносити ю. И потом кралева все перстни высыпала из ларца и показала ему тот перстень. Король же, видев, рече, яко «подобен есть сей перстень воину перстню, которой аз видел на руке его и чаял, яко тот перстень твой, и злое мыслил на тя. Ныне же аз винен тебе». Кралева же рече ему: «Великий королю, не дивись тому, иже перстень подобен другому, ибо и человек человеку подобен бывает». И тако король остави ю и, терем заикнув и запечатав, отиде.

Воин же оный скоро восхоте сотворити пир великий и рече королю: «Милостивый кралу, жена моя из земли моей приехала ко мне, и тако сотворю веселие о своем здоровье и прошу тя, чтоб ты еси ко мне, рабу своему, шел в дом и жене моей дал очи свои видеть и все бы люди видели тебя, государя, в дому моем, и мне бы то по твоему жалованью великая честь». Рече ему король: «Любимый мой, рад тебе сотворити волю твою и таковую честь и милость не тебе покажу». Воин же слышав ласковое слово от короля своего и поклонися до земли, с великим веселием иде в дом свой. И шед до кралевы, рече ей: «Нарядись в драгое одеяние, ибо ныне за моими столами станешь обедати со своими кралеи». Кралева же рече: «Буди воля твоя».

Егда же приспе время обеда того, и вшед король в дом одного воина и сяде обедати, потом же королева оным тайным ходом приде к воину и королю поздравствовала, король же спроси воина: «Чия суть жена такова чюдна красотою?» Воин же рече: «Великий королю, сея жена моя есть, приехала ко мне из моей земли». Король же смотря на нее прилежно и помышляше в себе: «Подобна жена сия кралеве, жене моей, во всем: во облачении и в слове и во иных вещах. Или оная заповедь преступила и воина возлюбила?» И тако помышляючи, стыда ради не сиея молвити, что жена его.

И тако скоро отобедав, отиде кралева в дом свой, кралева же тайным ходом взыде на терем и оную свою одежду снем, и во ину облечется и положится на одре, яко бы спяща. Король же к терему пришедши, видя печати и заики целы и крепки и удивися о сем, и вшед в терем и видя свою кралеву спящую, и объея ее, рече: «Милая моя жена, уже ты другое согреших». Она же рече: «Повеждь ми о сем». И рече ей король: «Обедал есмь у своего воина с его женою, а нигде таких прекрасных жен не видал. Подобна тебе в речах и во облачении, и о том велики опечалихся и того восхотел, ижебы тебе осмотреть». Она же рече: «Великий королю, много еси согрешил. Или не веши, яко сам терем тверд и высок сотворил еси, ибо никто не может вникнуть в него и видети мя, разве тебя, токию ты единный двери, и ключи и печати всегда ты сам с собою носиши. О сем

известный разум показывает, яко человек много живет во всеи подобен другому, якоже оны перстень видел еси подобен нашему перстню». Король же рече: «Правда есть твоя, отселе бо аз тебе во всеи верю».

По иале же времени воин той х королю пришед и рече: «Милостивый королю, хочу аз ехати во свою землю, ты же, великий королю, не возбрани о сем, но исполни прошение мое и буди милостив». Король же рече: «Повеждь ми, что есть прошение твое». Рече же воин: «Невесту мою, юже еси ты видел, до сех мест в земли своей имел у себя и жил с нею без венца, здесь же не хочу ея покинути, но взяти с нею венец в костеле у тебя, и молю тя, дабы ми учинил, что бы невесту мою предо всеии людьми властными своими руками отдал мне, чтоб великая честь и похвала была мне, иже бы рекли вси, яко король за воина невесту дал своего двора королевского». Рече же ему король: «Милый мой воин, волю твою всю исполню». Воин же устави день свадьбы.

По иале же времени приспе день той, в он же сотворити пир великия свадьбы, сая же шед на терем и повеле краве оны тайным ходом соитти во свой двор. Королева же, слыша сие, и собра одеяние свое драгоценное и всю казну королевскую изнесе в дом к воину. Король же прииде в костел и ждав воина и жены его благословити и отдати невесту своим руками. Поп же, убравшись в ризы своя, по чину сведуще воина с невестой, да возложат на их венец. Егда же приспе час, воин с невестой вниде в костел, слугаи же своим повеле казну свою и королевскую изнести в корабль. Рече же ему король: «Здрав буди, милый мой воин и с невестой своею». И к попом рече: «Сия есть невеста моего двора». И взят ея за руку, рече ей: «Милая невеста, ты подобна моей краве, и для того тебя добре люблю». И даде руки ея в руки тому воину. Потом же поп возложиша на них венец и венчаша их в костеле.

По венчании же идоша в дом королевский, ядоша и пиша с веселием. И по столновании дароваша дары великия. По дарех же рече воин королю: «Милостивый король, корабль уже готов есть, в котором ииам ехати до своей страны, прошу тя, дабы еси вшел в корабль со мною и тамо пред всеми людьми научил жену мою, како бы имела мя надо всеии любить». Король же шед с ними в корабль, за ними же идоша множество людей, провождающе воина, понеже всеи мил и отчаявся велии о его отшествии. Егда же приближися х кораблю, рече король краве: «О милая невесто, есть муж твой, его же надо всеии подобает любить, и да будеши ему во всеи послушна и верна». И рекши то и даде ея воину. И рече им: «Идите оба со благословением моим во здравии». Воин же с королевою поклонися ему и внидоша в

корабль, и парус подняша, и поеха скоро, бе же ветер велии по них. Король же тако стояще долго на брезе, пока даже не мог корабля видети, занеже добре любляше воина.

Потом же король возвратися в дои свои, нача пити и ясти и веселитися, поминающе воина, кравеу же свою в тереме чая сядяшу. По великом веселии, иже приспе вечер, король взем ключи, иде до кравеы в терем и не обрете ея, и опечалися велии. И наиде в углу терема тои тайный ход, кторои зделал воин, иже кравеа вышла. Король же, видя то, плакася велии, глаголя: «Беда ныне прииде ко мне: тот воин, в кторои аз имел надежду, взял жену мою. Или аз был шален, или пьян, како мя оболстил есть» И тако собрав войско и наполни корабли, и гнашась вослед их. И не обретоша, ибо не ведуща, камо бежати и в кую землю и страну. И во оную ночь блудивше по морю и егда паки вспять возвратишася.

Виршик

Злая жены никто не устремет,

Аще сама себе не збережет.

[ГПБ, собр. Титова, № 4182, л. 29 об. - 33]

О писаре, женившемся обманом на хозяйской дочери

В одной деревне стояла пехотного полку рота, в которой был писарь, малый проворный и собою хорош, вздумал поволочиться за хозяйскою дочерью, кторой по праздникаи нашивал орешки и прянички, а иногда и наряды: ленточки в косу на перевязки и кумачи на подзатыльник; но прямой любви, чего ему хотелось, чрез долгое время не получил; а как его служивые очень любили, то и вздумали пользу изыскать ему другиим манером: сговорили на нем женить товарища его, вместе стоявшего на той же квартире солдата, к чему все в коротком времени и припасено было, то есть женское платье, дружка и сваха и поп, якобы привезенный из полку, с причетом, в рясе и с бородою. В воскресный день последовала и свадьба в той же квартире, и хозяин был хотя и дураковат, то есть не узнал своего постояльца в женском наряде, однако спросил попу, что он еще с роду не видывал, чтоб венчанье происходило кроме церквей, но ему ответствовано, что «у нас по-салдацки не только в избах, но и в клевах таковыи свадьбы бывають, и на всяком месте милость Божия».

По обвенчании поп благословил кушанье и вино, коего также на стол поставить не позабыто. Посади венчаных и всех гостей полюбовных, поели и попили, что было припасено. По выходе из-за стола, ко-

торый продолжался почти до ночи, вдруг с ротного двора прибежал вестовой, чтоб новобрачный шол в штаб-квартиру на трои сутки. Женишок хотя и представлял законную нужду, однако ничто не принято, принужден отправиться, прося хозяина, чтоб его дочка с молодою от скуки ночевала в клетке, где постель была приготовлена, что и позволено. И как солдатский пир не весьма продолжителен, то гости и разошлись. Невеста пошла в клетку, куда и хозяйская дочь поплелась.

Обыкновенно ли по-девичьи они спали, никто знать не может, только хозяйская дочь на другую ночь и сама у отца проситься стала, чтоб с невестой для поговорки ночевать. Отец ее на рассвете вздумал посетить двух девушек. Подошед к клетке, нашол ее заперту, а девушки, запыхавши, насили слово промолвили: вместо невесты увидел своего постояльца в одной рубашке. Тут то крестьянин и догадался, что он обманут. Не вытерпя своего позору, взявши пять рублей денег, кадушку меду, две четверти овса и воз сена, пошел к ротному командиру, который не оставил сам сие важное дело рассматривать. По спросу нашли попа, дружек, жениха и сваху. Вначале благословителя, а потом и всех, поваля наземь, взваря порядочно дробником, отпустил по квартирам, а крестьянину сказал, что пролитое не бывает полно, так не хочет ли отдать дочь свою за невесту, с которою две ночи была подругою. Крестьянин, подумавши, сказал, что воля его теперь и с нии, разбитую посудину не можно починить, да и купить ее как прежде была не многие согласятся. «А ты, друг мой, дорогая невеста, - оборотясь к писарю, - не хочешь ли порядочно обвенчаться и быть женихом?» Филат чему и рад, иать уиирает, а он блины утирает, поваляся капитану в ноги: «И аз многогрешный не отрекаюсь, мужик богат, так и дочь не отдаст с голыми руками». Веселым пирком и за свадебку.

[Новиков 1786. С. 76-79]

Сказка о хитрой жене

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый купец довольно престарелых лет, который, желая по смерти своей все-му своему именю оставить наследника, к несчастью своему вздумал жениться на молодой девушке. По окончании свадьбы неусыпнее стал собирать свое богатство и ни одного дня не опускал, чтобы не ходить в свою лавку. Между тем купеческая жена, которая более польстилась на богатство, нежели по согласию вышла замуж, приметилла в доме своем молодого детину, собою неглупого, который отправлял должность

прикашика, такую вспылала к нему сильною страстию, что все употре-
бляла к тому, как бы его склонить в свою любовь.

В некоторое время прикашик, исполняя свою должность в своем покое, сидя, разбирал книги и был в великом углублении и размышле-
нии; в тот самый час вошла в его покои хозяйская жена и начала шу-
тить с прикашиком, которому препятствовала в исполнении его дела. Между прочим спросила она его: «В чем ты упражняешься и какие разбираешь бумаги?» «Милостивая государыня, - с гневом отвечал при-
кашик, - я разбираю бабьи увертки». «Очень хорошо, друг мой, - ска-
зала ему купеческая жена и, не говоря более ни слова, возвратилась в свои покои, в которые пришел, рассудила, как бы отсмеять сию насмешку и показать ему на своем опыте бабьи увертки, о которых он не имел совершенного понятия. Потом вскоре приказала его позвать к себе для записывания домашнего расхода, он не мог от сего отказаться, и как пришел в покои к ней, то она с ним начала разговаривать о любовных делах. В сие самое время уведомили ее, что муж ее приехал. Купчиха представила себя отчаянною и притворилась, что будто весьма испугалась своего мужа, говорила прикашику своему, как им поступить в сем случае, чтобы мужа своего не привести на гнев и вывести себя из подозрения, советовала прикашику, чтобы он схоронился за карти-
ну. Прикашик, пришел в великий страх, не знал, что делать, напоследок согласился на предложение своей хозяйки. Между тем купец вошел в покои к своей жене и, разговаривая о разных материях, объявил ей, что он нечаянно с своими приятелями гулял на охоте и забавлялся стрельянием птиц. «Как не стыдно тебе это говорить? - подхватила жена. - Можно ли тому поверить, что ты стрелял птиц, не довольно убить на лету птицу, но ты и в сию картину не попадешь». Купец несколько на сие осердился и, схватя с стены ружье, зарядя оное, начал прицеливаться. В сие время хитрая купчиха, подбегав, отшибла ему, и он, миновав картины, попал прямо в один угол из своих поко-
ев. Прикашик же, сидя за картиною, рассуждал сам с собою, что уже пришла его кончина; много досадовал на самого себя, для чего купчи-
хе сказал, что разбирает бабьи увертки. Но в какое пришел удивлени-
е, услыша, что купец выстрелил мимо картины; хотя сие его и весели-
ло, однако не знал он, как ему вытти из-за картины и неоднократно покушался признаться пред своим хозяином, опасаясь, дабы о сем не открыла ему жена его, наконец решился помедлить. После чего вскоре купец съехал со двора, а купчиха, проводя своего мужа, кликнула из-за картины прикашика и спрашивала: «Каковы, друг мой, кажутся тебе бабьи увертки? И так вперед опасайся о сем говорить, чрез что

самое можешь приводить женщин в великий гнев. И для яснейшего доказательства, что всякая жена может водить мужа своего за нос, естьли не имеет к нему искренней любви».

Много шуток сыграла над своим прикащиком, которого, однако, сделала полным обладателем своего сердца. И как уже муж ее был очень стар, то от нечаянно приключившейся ему болезни сделался крайне слаб, от чего вскоре лишился жизни. Жена, сделав приличное погребение, в один день предложила прикащику, не согласится ли он на ней жениться. Сей нимало от сего не отговаривался и сии был чрезвычайно доволен. Недолго медлили в торжествовании брака, по окончании коего начали жить благополучно, и прикащик весьма доволен был своею супругою.

[Старая погудка 1795. Ч. III. С. 3-7]

О непостоянной жене

Знатной купец слухом известился,
Такова купца на жену прелестился,
Что она весьма краснолична,
А поступками зело политична.
Он при доме их служить учинился
И мужу ее верно прислужился.
Желанное он время получил,
Купцову одну жену излучил.
В горнице сидит, поет, веселитца,
Купец, яко слуга, стоя, мучитца
Лице свое держа рукою, вздыхает,
Сам на нее прилежно взирает.
Она то увидя, ево спросила:
«О чем ты, друг, печален?» - спросила.
И приятно ево при том улещает,
В тайне печаль ево звать [желает].
Купец верно на то положился,
Во всем чисто пред нею извинился.
Она сердечно ево о том сожалела,
В такой печали крушитца не велела.
Хотя великова была постоянства,
Только с мужем сделала обманства.
Сказала: «Изволь ночью ко мне приходить
И меня тихонько побудить.

Не опасайся, что с иужем сплю,
Он не услышит, тебя полюблю».
А сама думает показать увертки,
Чтоб он знал впредь бабьи уметки.
Купец по тому ее привету
Пришел смело к постели без свету.
Она руку ево к сердцу прижала,
Нарошно вздыхая, крепко держала.
Потом иужа своего разбуджает:
«Встань, мой свет! – сама пужает. –
Так то верной твой поступил,
Уже и к постели нашей приступил».
Купец стоя, от страху обиирает:
«Теперь то судьбина покарает.
Всеконечная пришла напасть,
Что во веки иожно пропасть».
Муж очень торопно проснулся,
О таком злодействе весьма ужаснулся.
Спрашивает: «Где же он девался,
Как ине смирен сперва сказался?»
Жена: «Да вот ево и рука», а свою дала,
Купцову же проч скоро отвела.
Муж за ее руку крепко взялся
И что [не] купцова скоро дознался.
Говорит: «Да эта не купцова рука, твоя.
Не во сне ли тебе кажется, утеха моя?»
Она разсмеялась, ему объявляет:
«Тебя и вправду совесть озлобляет,
Не сумневайся, свет мой, ни о ком,
Не будет желания моего ни в ком.
Я нарошно тем тебе посмеялась,
Что из тебя будет, уверялась».
Муж на то верно положился,
По-прежнему с нею спать ложился.
Несколько тово время миновала,
Жена другой обман делать стала.
Велела купцу хорошу палку взять
И ночью в вертограде их стать.
«Я, де, иужа моего виесто себя
В женском уборе пришло до тебя.

Ты поучи, чтоб о нас не мыслил,
Но за верных бы всегда числил».
Купец весма от того отрекается,
Думает, она ему насмехается.
«Боюсь, судароня, первых напастей,
Чтоб не пропасть мне от них сластей.
Она ему с клятвой объявляет:
«Не опасайся, пусть муж узнает.
Я нарочно ево теи уверяю,
А твою любовь никак не утеряю.
После неопасно станем любитца,
Он о нас не будет и сумнитца».
Купец верно в той надежде оставался,
Пришел в вертоград, мужа дождался.
Потом мужа она увеселяет,
Другую весть ему объявляет.
«Заподлинно, верной твой здурился,
Без всякаго стыда ко мне трудился.
Я не хотела безпокойно жить
И велела ему в вертоград наш быть.
Пожалуй, ты в мое платье уберися
И поучить ево плетью потщися,
Чтоб он знал, как в честной доие жить,
А безчестное бы не думал творить».
Муж по лестным словам жены
Зделался сам простым без вины.
Пришел в вертоград, женски привечал:
«Где ты, мой свет?» - купцу кричал.
Купец отвечал: «Здесь, моя драгая»,
Сам мыслит сделать де и злая
И, подпустя ево ближе, показал провор,
Збил з головы весь женской убор.
Потом за волосы стал таскать,
А по спине палкою изрядно плескать.
«Вот я досмотрюсь твою кожу,
Забудешь осквернять мужнюю ложу.
Разве ты, бестия, совсем збесилась,
Что от мужа на меня польстилась.
Я нарочно тебя, каналия, требовал,
А теперь худую твою совесть узнал».

Муж не смел за стыдом сказатца,
 Стал за ево ноги хвататца,
 Просил: «Помилуй, я виновата,
 Что зделала так проклята».
 И едва вырвался, доиой прибежал,
 Жене своей со слезаии все сказал.
 «О душенька! щастие твое послужило,
 Что саиа ты ему не услужила.
 До полусиерти, каналаия, меня прибил,
 А тебя бы он и до сиерти убил.
 Ты бы таких побой не стерпела,
 Затеи, что деликатное твое тело».
 Жена нарошно будто тужить стала:
 «Ахти, какая беда пристала!
 Что он, каналаия, зделал с тобою,
 Лутче бы уже не ругался иною».
 Муж сказал: «Я вижу, не токова он роду,
 Чтоб любил женску породу.
 Конечно, он пробовал и тебя,
 Спасибо, что ты не опростовала себя».
 Жена весьяа тому рада стала,
 Что уверила своего винограда.
 Саиа почасту с купцом забавлялась,
 Нииало в том иужа не боялась.

Мало таких на свете,

Кто б не сел в женском навете.

[БАН, собр. Тимофеева, № 2, л. 14 об. - 16 об.]

<Смехотворные куранты>

Алпийские горы от великого жара растаяли, и мы вкусили того из них соку, толко был зело кисел, паче укьсусу аннивалова.

Ходя, оноинясь, около Трои, видели есим дми из некой печи розваленной, х которой как пришли есим, нашли три каплуна взоткнуты на рожон уже испекшиеся, спрашали есим, какие то каплуны, и один нам сказал, что нас еще до разорения сего города хотел изнечь господин буриистр троянской сыну своему на свадьбу.

Гуляя около Афин, нашел есим бумашку, на которой напечатаны были конклюдии, и спрашал, какая то бумашка, и ине сказали, что те

конклясии, написав Зенон, поднес господину Нерону. И как шли далее, и там увидели шляпу господина Платона над просом, и один некто от слепых, увидев ее, прозрел.

Стали есим в полдень на предместии, и се хазяин дал капусты, которой вкусив, по латине почал говорить; и спрашал я, какая то капуста; сказали мне, что та капуста квашена в бочке диогенесевой.

[ЦГАДА, Архив Мин. юстиции. Стлб. Приказного стола, № 2039, л. 193-195]

Недалече от Калиша той велик лист на древе родился, что из одного листа верхнее платье драгунское на целую роту поделали.

В Варшаве некакой пророк явился, а проповедает: «Кого на сей войне убьют, тот умрет, а три часа словечка не молвит».

Пишут оттуду, не ведаю, правда ли, что там видели комету, се есть звезду с хвостом березовую.

Под Ярославлем толь великие орехи лесовые родились, что в одной скорлупине ореховой всякой хлеб во Гданск сплавливают.

[Там же, л. 198-199]

Небылица

Небылицу я скажу, иль прямыя враки,
Молошкаии на печи сено косят раки.
Деревенский иужикам кочет носит яйца,
Помогают молотить им косые зайцы.
Петухи индейски щоголи, не куры,
Скачут, пляшут и поют и чинят амуры.
Подберезные грибы славу деют толки,
Стерегут в полях стада не собаки - волки;
А медведи в сиурке убрались кафтаны,
Пожирают пастуха хохлачи бараны.
Доморощенные ж псы, труся черной кошки,
Подогнув хвосты бегут, лишь мелькают ножки.
Вот я что хотел сказать; всем вам небылица,
Вы чай ждали журавля: ах! прыг, прыг, синица!

[Похождения 1798. С. 223]

О дву братах

Два брата очень дружно жили,
Только собою простоваты были.

Задумали они в Москве побывать
 И хороших диковинок там повидать.
 А дороги к Москве не знали,
 Только что от других слыхали.
 Однако поехали они в путь свой,
 Положили надежду на ум простой.
 И когда они начевать становлялись,
 То оглоблями к Москве оборачались
 И потом долго ехали и примечали,
 А к лутчею у людей не спрашивали.
 А город их от Москвы не близко стоял,
 Сот пять и больше верст отстоял.
 Присмотрел их правом безумной
 Их же города человек разумной,
 Оглобли от Москвы к их городу оборотил
 И таких дураков домой возвратил.
 Они было и близко Москвы подъезжали,
 Только оглобли назад побежали.
 Приехали они под свой город, удивляюща
 И между собою весело похваляюща:
 «Ахти, брат, Москва та дивна
 И на наш город похожа силна,
 Так что нельзя и распознать.
 Да и река та такая ж, как у нас,
 Под самим городом пролилась».
 Идет жена одново на реку с платьем
 И молча дивитца таким братьям.
 Муж говорит: «Ахти, брат, как моя жена».
 Другой отвечал: «Такая ж, как она.
 Да как же она прежде нас очутилась,
 Вить она в Москву не ездила, а здесь появилась.
 Никак, брат, не она, ничего лих не сказала,
 А наша бы нас довольно узнала».
 Потом въехали в улицу, сильно задивились:
 «Ба! та и улица та наша, чудеса появились.
 А, брат, изба та, как наша,
 Полно, в Москву ль мы приехали, братиша?»
 Тут они остановились, дивятца:
 «Куда, брат, ехать, надо спрощатца».
 И выскочил один, под окошко побежал:

«Скажи, пожалуй, куда нам ехать?» - кричал.

Выглянула мать, говорит: «Что за уроды,
Знать, что ездили в Москву не в те годы».

Тот спрашивает: «Матушка, эта ты,
Скажи, пожалуй, или не ты?»

Она отвечала: «Я веть не иная кто,
Черт ли вас в Москву носил и по што?»

Тот закричал: «Эй, брат, вить ошиблись,
Мимо Москвы домой прошиблись».

Знать, оглобли повернулись назадъ
И привезли нас в дом опять.

Да спасибо им, что и привезли,
А в Москве-та бы и долго нас не нашли.

С тех пор полно ездить в Москву,
Провожали уже дома свою тоску».

Притча

В Риме были,

А палы не зрили.

[ГПБ, собр. Титова, № 1627, л. 84-85 об.]

Како баба диявола обманула

Баба некая, вдова, в горе жила, имея у себя дом. И в лето едино бысть умножение велие плодов земных, и толико у тоя жены [умножи-ся], яко не возможе спрятати то наемники домовыми и хотяше еще при-ноняти, но не возможе. И о сем вдова вдова (так!) оная впаде в великую печаль и тако ходя и сетуя. И по случаю встрети ю диявол. И вопроси ея диявол: «О чей, жена, плачешь?» Она же вопроси ево: «Ты кто еси?» Он же отвеща: «Аз есть диявол.» И рече ему баба баба (так!): «Воистинну в ползу встретился еси мне, ибо имам на поле добро много и хочу то управити, да все сие будет, но наемником (!) приноняти не обретох. Прошу тя, помози ми и все сие свози будет в гуино мое». Отвеща демон, рече бабе: «Аще сотвориши повеленная мною, то ни един работник не будет потребен. Еди[и] все сие, име что восхощеши, сотворю». Баба отвеща: «Добре, отдайся тебе, точию сотвори мне три вещи, яже ти повелю. Первое: с поля без убытка пристрой хлеб мой, в гуино мое свози. Второе дело: грамату дров перенеси и переруби. И сие сотвориши - прииди ко мне, и что третье творити, повелю». Диявол, слыша от бабы такая словеса, сие все исполни, имать кони вертки и секиру острую, на год великую грамату

дров навозил и хлеб в гуино свозил. И прииде к бабе спросити, что третие повелит творити. Пришел бес к бабе, баба же спит на печи, и бес бабу дернул за ногу, баба же пернет. И рече баба демону: «Понимай тот час пердень мой и своей ужище, и тем ужищем и сено с поля свози, аще ли сего не сотворишь, то без вины еси, в чесом тебе обещала. И сие мое третье слово». И рече демон: «Тфу, баба, блять, я в такой школе не бывал, где бы училилися (так!) пердения ловить и ужище вить». Думал много и отиде от бабы со стыдом.

Ни демон того разумеет, что женска плоть умеет.

[ГПБ, О. XVII. 57, л. 308 об. - 309]

Коли волка грамоте учили

Ты ему молви «аз» да «буки»,
а волк говорит: «коз» да «бараны».
Ты ему молви: «веди» да «глаголь»,
а волк говорит: «Видел овец под горой».
Ты ему молви: «добро» да «есть»,
а волк говорит: «Добро мне овец есть».
Ты ему молви: «живете» да «зело»,
а волк говорит: «Я ожил, с овец сыт буду,
а з голоду не поиру».
Ты волка бей, а он тебя заест.

[ГБЛ, ф. 218, № 900, л. 66]

О салдате

Салдату случилось ехать морем з женою своею, и тогда приключилося быть великому штурму. Плаватели усмотрели себе великой страх, стали бросать с корабля все в море, не щадя никакого драгоценного товара, но еще кричат велегласно, чтоб всяк бросал все тяжелое, что имеет, чтоб каравль обলেখить, ежели не хотят своего живота вкупе с пожитками потерять. И салдат слышал такое слово, скоро взял жену свою и бросил в море, и сказал, что «несть у иеня тяжелее, как жена моя». И салдату ничто иное так может быть тяжело и помешательно, как жена.

*От великова страху
Не спрашивал совету.*

[ГПБ, собр. Погодина, № 1777, л. 14 об.]

Буря на море

Несколько матросов ехали на корабле во время великой бури. Ветр дул противный, волны поднимались выше корабля, мачты были сломяны и парусы изорваны: все было в страхе и смятении. Бедные сии почитали себя погибшими; уже начали бросать в море груз с корабля, для того, чтобы он, будучи легче, мог противиться жестокости бури.

Некоторой матрос, видя, что в море бросали все, большие тяжести имевшее, схватил жену свою, желая бросить оную в море и сии образом от нее избавиться; ибо он никогда не находил столь тяжелого бремени. Другой беспрестанно ел ветчину. «Для чего, - спросил у него один из товарищей, - занимаешься ты ядением?» «Я ем много ветчины, - отвечал он, - для того, что скоро принужден буду пить столько, сколько еще от роду не пивал».

[Забава 1793. С. 9-10]

Жена - самый тяжелый груз (1)

Испанец, будучи на корабле, одержимом великою бурей, и когда капитан для сбавки грузу приказал бросать в море все беспокойные и тягчайшие вещи, тогда он, схватя свою жену, хотел ее повергнуть в море. Но как начальник спросил тому причину, то он отвечал: «Я ничего беспокойнее и тягостнее не имею кроме моей жены, и для того хочу ей ваше командирское приказанье исполнить».

[Курганов 1790. С. 154]

Жена - самый тяжелый груз (2)

Некоторый испанец находился в корабле тогда, когда поднялась великая и страшная непогода. Капитан приказал бросать в море все то, что у них было самое тяжелое и самое беспокойное для облегчения корабля. Услышавши сие, испанец тот час схватил свою жену и хотел ее бросить в воду; а как капитан спросил у него тому причины, то он отвечал: «У меня нет ничего тяжелее и беспокойнее жены, чего ради я исполняю на ней ваше приказание».

[Семенов 1764. Ч. II. С. 15-16]

О муже

Един человек всегда в тот день бил свою жену, в которой хочет на исповеть итьтит. Некто ево спросил: «Для чево вы так делаете, понеже то и закону противно и великой грех?» Он отвечал: «Я то делаю, чтоб не забыть мне свои грехи на исповеди. Когда я ея в тот день убью, от ярова своего сердца мне мои дела выговорит и мне напаметует. А ежели мне так итьти, то и половину моих грехов забуду и не покаюсь».

Хотя и солгал,

Но хорошо отвечал.

[ГБЛ, собр. Тихонравова, № 562, л. 92 об.]

«Жена битая напоминает мужу грехи»

Некто пришел на исповедь и между прочии грехами покался, что он теперь лишь побил свою жену. Духовник спросил тому причину. Но тот сказал: «Я, де, к сему привык, потому что мало памятен и не мог упоинить всех грехов; а когда побью мою жену, то она мне выговорит все, что я худого в жизни сделал, и чрез то легко могу исповдаться».

[Курганов 1790, с. 150]

«Преждевременные роды»

Некоторая женщина, будучи только один месяц замужем, родила ребенка. Муж ее, не медля ни мало, побежал к колыбельному мастеру и стал заказывать, чтоб он сделал ему двенадцать колыбелей. Мастер необычайному сему требованию спросил у него причины. «Я хочу, - отвечал он, - на целый год запасть колыбелей, потому что жена моя каждый месяц будет по ребенку носить».

[Семенов 1764. Ч. I. С. 92]

О незлобном муже

Едина жена, вышед замуж, во один месяц родила иладенца. Тогда муж ее поехал в город и купил двенадцать колыбелей. И как он едет в дом свой, тогда встретился с ним господин ево и спрашивает у него: «Мужик, что ты такой болшой воз везешь?» Мужик отвечает: «Я везу

двенатцать колыбелей». Господин говорил: «На что так иного?» Мужик отвечает: «Ежели моя жена на всякой месяц будет родить, то мне для всякого ездить в город, а как я ныне за один раз купил, то навесь год мне будет». Господин ево говорит: «Ах, какой ты дурак! Только женаи [sic!] ты четыре недели, то знатно, что ребенок не твой». Мужик отвечает: «А как ты, господине, корову купишь, а она, четырех недель не пройдет, принесет теленка, а другой кто придет и станет ваи говорить, что тот теленок не ваш, каково ваи покажетца?» Господин смеялся тому, повинен был сказать, что «истинно, ребенок твой».

*Тяжело уминому с дураком рассуждать,
лучше не надобно и слов терять.*

[ГПБ, собр. Погодина, № 1777, л. 17 об. - 18]

Эпиграмма

Как я женат, тому четырех нет недель,
А видно, что уже потребна колыбель:
Иной бы за такой поступок осердился;
А я, увидючи то, иного веселился.
И мне еще жена тем больше угодит,
Когда ребенка мне двенадцать в год родит.

[Сумароков 1787. С. 123]

О дураке

Король имел при дворе своем дурака и которой всегда записывал в дураческую книгу, ежели кто ис придворных что смешное молвит или что дурачески зделает. И к тому еще от себя прикладывал шутливыя слагательства, чему король веселился и для забавы читал ево дурачью книгу.

Той же король имел при дворе своем одного арапа, которого он зело любил. И, уверя того арапа, дал ему десять тысяч червонных и послал ево во Арапию, чтоб он на те денги добрых лошадей купил и привел к королю. Той помянутой дурак и оное записал в дурачью книгу самого короля ииенно со всякою насмешкою, что король то зделал без рассуждения.

И потом король для забавы повелел к себе принесть дурачью книгу, и как читал и нашол между протчими и свое иия в дурацкой списке

написано, зело гнева исполнился и велел дурака призвать к себе и рек: «Злы отроде, для чего так имя мое написано?» Дурак ответствует: «Я не мог того миновать, чтоб такое неосторожное дело не записать, что ваше величество учинили: такому чуженцу выдали такую сую денег. Когда он сам не придет, то ваше величество денег и ево саиово никак достать не можете». Тогда король сказал дураку: «А когда тот арап приедет, то что ты в ту пору станешь делать и какой ответ мне дашь за твою мне насмешку и мое бесчестие?» Тогда дурак сказал: «Милостивы король, то в те поры я и имя твое из дураков вычерню, а ево имя вместо твоего напишу, что он так саиоволно такое сокровище у себя потерял».

*Всяк дурачеству смеется,
а оно, право, никого не минется.*

[ГПБ, собр. Погодина, № 1777, л. 42]

〈Шут и царедворец〉

Некоторому придворному шуту погрозил один царедворец так: «Я тебя до смерти прибью, негодной». Шут, испугавшись, прибежал к государю и ему пожаловался. Царь ему на то: «Ежели он тебя убьет, то я велю его повесить». - «Я того не хочу, - отвечал шут, - но того желаю, чтобы вы приказали его повесить прежде, пока я жив».

[Курганов 1790. С. 193]

О мошеннике с попом

Мошенник очень лукаво догадался,
С попом фигуру зделать постарался.
Увидел, что поп многих исповедал,
А денег полную шляпу накидал.
Он после всех упал попу в ноги:
«Поиилуй, отче, от смертной дороги,
Прииии разбойника на покаяние,
Надеюсь принять от вас воздаяние».
Поп не дознался, что о денгах говорит,
Думает, разбойник ево подарит.
С радостию от ног ево поднимает:
«Встань, чадо, полно лежать», - унииает.
Мошенник, вставши, грехи рассказал.
«Многия души губил», - сказал.

Поп со страхом ево увещевает:
 «Бог тебя, свет, в тои прощает,
 Только после зело от тово крепися,
 Яко пес, на своя блевотины не обратися».
 Мошенник: «Рад бы, отче, не обратитца,
 Видевши денги, не могу крепитца».
 И нарочно закричал очень гроико,
 Что и от церкви раздавалось звонко:
 «Ах, теперь хочетца зарезать,
 Не могу терпеть, тебя стану резать».
 Сами одною рукою нож вынимают,
 А другою будто попа хватает.
 Поп, испужавшись, в олтарь побежал,
 А мошенник, подхвата денги, убежал.
 Поп о денгах уже не тужил:
 «Слава, де, Богу, что сам ожил».

*Кто чужова желает,
 Тот свое погубляет.*

[БАН, собр. Тимофеева, № 2, л. 18-18 об.]

Повесть о дамах и прекрасных девицах

В беседе посидеть - Катерина,
 Постоянная дама - Варвара,
 С поволокою глаза - Василиса,
 Кислой квас - Марья,
 Веселые разговоры - Огрофена,
 Великая ябедница - Елена.
 Наглая спесь - Маремьяна,
 Средняя управа - Ульяна.
 Толста да проста - Офросинья,
 Ни туда ни сюда - Фетинья.
 Песни петь - Наталья,
 Красные румяна - Офиинья.
 Наварные шти - Анисья,
 Воровское лукавство - Фекла.
 Ленивая походка - Ненила,
 Хорошой голос - Антонида,
 Скорая познать - Платонида,

Хвост подвезать - Стефанида.
 Сиренная беседа - Палагея,
 В хорошей юпке - Окулина.
 В пролом сходит - Улита,
 Статна, хороша - Маргарита.
 Чеиш да лоиш - Макрида,
 Встречать и провожать - Вера.
 В любви пожить - Надежда,
 На смех поднять - Маиелфа.
 Всех обмануть - Клеопатра,
 Выглянуть в окошко - Мавра.
 Поскакать, поплясать - Софья,
 Хорошее сказать - Агафья.
 Сверх поглядеть - Марфа,
 В заходе насрать - Настасья.
 Вороней взгляд - Парасковья,
 Черные глаза - Федосья.
 Лукавой разговор - Татьяна,
 Срать, в кариан класть - Хавронья.
 Жаркое приспеть - Маланья,
 Статна ибаска - Арина,
 Горшешная пагубница - Марина.
 Душечкой назвать - Матрена,
 С иолотцаи поводитца - Доина,
 С помохою глаза - Александра.
 Взглянет, утешит - Анна,
 Промолвит, накормит - Дарья,
 Всегдашняя суета - Ольга,
 Белые белилы - Овдотья.
 Винца испить - Оксинья,
 Бзднуть да пернуть - старая даиа
 Соломонида Алексеевна.

[ГЛБ, собр. Титова, № 1627, л. 129-130]

О золотаре и податливой жене его

Один золотарь не последний был иот и игрок в карты и в кости, в одно время, пришед в вольной дои, напившись пьян, сколько ни было денег и платье проиграл; у жены же его были два любовника, кои упражнялись в ночной забаве. Пьяный золотарь, пришедши в дои,

кричал на жену, а она между тем второпях не знала, куда спрятать его соперников: одному велела влезти в печь, а другого запрятала в платяной шкаф. Хозяин, ходя по покою, проклинал карты, проклинал жену и себя, выгонял ее вон, кричал во все горло, что конечно от ее несчастья проигрался; жена на то с суровым видом отвечала, что она в его дурачестве никакого участия не имеет.

Пьяный рыцарь пошел в шкаф повесить кафтан, но в какое пришел удивление, когда увидел там чужого человека! Почел его за вора, и, вытаща оттуда, бил, сколько хотел и где руки его попадали, кричал на него с пристрастием: «О злодей ты мой! Я сего дня проиграл все мои деньги и платье, а ты еще и за последним пришел. Ежели ты мне не возвратишь теперешний мой проигрыш, то я упрячу или в дедушкин чулан, или в ершов монастырь!» Конечно сей любовник был трусливого десятка, повалясь ему в ноги, с жалостию вопиял, что у него только и есть один червонец, который «отдаю с почтением. Но где же я еще возию? Разве заплатит мой товарищ», - говорил хахаль. «Да где ж он?» «В печи, милостивый государь». Хозяин, вытаща и другого, не оставил без подобного награждения, приказывал ему отдавать все деньги, но гость с клятвою уверял, что у него один червонец.

Хозяин, взявши, говорил жене: «Вот, ты, глупая скотина: праведны труды никогда не остаются без удовольствия». Жена с усмешкою отвечала: «Одни ль твои праведные труды? Но мои грешные куда девались, что я часа два работала из ничего?» «Дура негодная, я и теперь вижу, что ты вся в поту и деньги дают за твою красоту. Мне работы твоей никак не жаль, только б подобные манеты готовы мне были на проигрыш».

[Новиков 1786. С. 64-66]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН - Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
ГБЛ - Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
(Москва)
ГИМ - Государственный исторический музей (Москва)
ГПБ - Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыко-
ва-Шедрина (Ленинград)
ИпоРЯС - Известия по русскому языку и словесности имп. Академии
наук
ИРЛИ - Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии
наук СССР (Ленинград)
ОЛДП - Общество любителей древней письменности
ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской
литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов СССР
(Москва)

IJSLP - International Journal of Slavic Linguistics & Poetics

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адрианова-Перетц 1929 - Адрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юриристической литературе XVIII века // ИпОРЯС. 1929. Т. II. № 2.
- Адрианова-Перетц 1966 (1) - Адрианова-Перетц В. П. Стихотворные жарты XVIII века и традиции древнерусской культуры // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры (К сеиидесятилетию со дня рождения П. Н. Беркова). М.;Л., 1966.
- Адрианова-Перетц 1966(2) - Адрианова-Перетц В. П. Западноевропейская городская новелла в рукописной литературе XVIII в. // Русско-европейские связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения М. П. Алексеева. М.;Л., 1966.
- Анекдоты 1789 - Анекдоты древних пошехонцев. Сочинение Василья Березайского. СПб., 1789.
- Апсит 1979 - Апсит Т. Н. К вопросу о происхождении «Повести о Францеле Венециане» // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979.
- Апсит Т. Н. Об особенностях структуры русских повестей с любовной тематикой (первая половина XVIII в.) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985.
- Апсит 1990 - Апсит Т. Н. Лубочные издания Повести о Францеле Венециане в собрании ГБЛ // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.
- Бахтин 1975 - Bachtin M. Twórczość Franciszka Rabelais'go a kultura ludowa średniowiecza i renesansu. Kraków, 1975.
- Болотов 1871 - Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871. Ч. 1.
- Будный Б.г. - Krotkich a węzłowatych powieści, które po grecku zowią Aporhtegmata, księgi IV. Przez Bieniasza Budnego <...> wydane. Kraków. В. г.
- Виноградский 1789 - Картина нравов, или Собрание разных нравоучительных повестей и анекдотов, служащих к образованию сердца и нравов юношества. Часть первая. Собрана <...> Иваном Виноградским. М., 1789.
- Вяземский 1929 - Вяземский П. Старая записная книжка. Л., 1929.

- Гловиньски 1977 - Głowiński M. Style odbioru. Szkice o komunikacji literackiej. Kraków, 1977.
- Демин 1985 - Демин А. С. Писатель и общество в России XVI-XVII веков (Общественные настроения). М., 1985.
- Державина 1962 - Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.
- Державина 1965 - «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.
- Дзехчиньска 1981 - Dziechcińska H. Literatura a zabawa. Z dziejów kultury literackiej w dawnej Polsce. Warszawa, 1981.
- Дмитриев 1869 - Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. М., 1869.
- Дмитриева 1972 - Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. XXVII.
- Друковцов 1778 - Друковцов С. Бабушкины сказки. М., 1778.
- Живов 1986 - Живов В. М. Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Труды по знаковым системам. XIX. Тарту, 1986.
- Жиакин 1881 - Жиакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отдел приложений.
- Забава 1793 - Забава в скуке, или Собрание разных анекдотов, повестей и других приятных, увеселительных, трогательных, исторических и нравоучительных сочинений в двух частях. Перевод с французского. М., 1793. Ч. I.
- Забелин 1895 - Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Изд. 3-е. М., 1895. Ч. I.
- Западов 1940 - Западов А. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2.
- Зерцало 1717 - Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. Собранные от разных авторов. СПб., 1717.
- Ежемес. соч. - Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. М., 1755-1757.
- Ежемесич. соч. и изв. - Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763.
- Иванова 1978 - Иванова Н. Б. Анекдоты о шуте Балакиреве в лубочной литературе и фольклоре // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1978.
- Калашникова 1988 - Калашникова О. Л. Жанровые разновидности русского романа 1760-70-х гг. Днепрпетровск, 1988.
- Калашникова 1991 - Калашникова О. Л. Русский роман 1760-1770-х годов. Днепрпетровск, 1991.

- Календарь 1799 - Календарь на 1799 год старого цыгана, ворожеи, угадчика. В пользу и увеселение молодым и красным девушкам. СПб., 1799.
- Кантемир 1867 - Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. I.
- Караизин 1984 - Караизин Н. М. Письма русского путешественника / Издание подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984.
- Климова 1982 - Климова М. Н. О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1982.
- Кокорев 1941 - Кокорев А. В. Русские стихотворные фацеции XVIII в. // Старинная русская повесть. Статьи и исследования / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941.
- Коमारов 1779 - Коमारов М. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского смычка Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов. СПб., 1779.
- Корб 1867 - Корб И. Г. Дневник поездки в Московское государство. М., 1867.
- Кузьмина 1958 - Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958.
- Кузьмина 1964 - Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси (Бова, Петр Златых Ключей). М., 1964.
- Курганов 1790 - Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многими присовокуплением разного учебного и полезноразвлекательного вещесловия. Четвертое издание, вновь выправленное, приумноженное и разделенное на две части Николаем Кургановым. СПб., 1790.
- Курганов 1988 - Курганов Е. Я. Устный рассказ в литературном процессе конца XVIII - начала XIX веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
- Лаппо-Данилевский 1989 - Лаппо-Данилевский К. Ю. К вопросу о творческом становлении Н. А. Львова (По материалам черновой тетради) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16.
- Лекарство 1989 - Лекарство от задумчивости, или сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова / Вступ. статья, коммент., сост. М. Плюхановой. М., 1989.
- Ливанова 1952 - Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследование и материалы. М., 1952. Т. 1-2.

- Ломоносов 1952 - Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7.
- Лотман 1973 - Лотман Ю. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Проблемы поэтики и истории литературы. Сборник статей. Саранск, 1973.
- Лотман 1976 - Лотман Ю. Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII- XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). Материалы научной конференции (1975). М., 1976.
- Лотман 1977 - Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Труды по знаковым системам. VIII. К 70-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Тарту, 1977.
- Лотман 1986 - Лотман Ю. М. Архаисты-просветители // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986.
- Луппов 1975 - Луппов С. П. Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалети XVIII в. (проблема сосуществования) // Рукописная и печатная книга. М., 1975.
- Лурье 1985 - Лурье Я. С. Книгописец Ефросиня и борьба против «гдуиов» и смеха в древнерусской письменности // IJSLP. Vol. XXXI-XXXII (1985).
- Малэк 1987 - Małek E. Z obserwacji nad recepcją nowelistyki przekładowej w Rosji początku XVIII wieku // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria 17. Łódź, 1987.
- Малэк 1988 - Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988.
- Малэк 1990 - Малэк Э. Источники и литературная история «Повести об Аквитане». ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIII.
- Маслова 1928 - Маслова Е. К истории анекдотической литературы XVIII в. («Товарищ Разумной и Замысловатой» ч. III, Мих. Семенова и «Письмовник» Курганова) // Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.
- Месяцеслов 1796 - Любопытный, загадливый, участливый и предсказчивый месяцеслов для молодых красавиц на 1796 год и на следующие. Для молодых красавиц. СПб., 1796.
- Мордовцев 1901 - Мордовцев Д. Л. Собр. соч. СПб., 1901. Т. XXII.
- Николаев 1983 - Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII - первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII-начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983.

- Николаев 1984 - Николаев С. И. Старопольская проза в России в XVII-XVIII веках // Русская лит. 1984. № 3.
- Николаев 1989 - Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII - первая треть XVIII века. Л., 1989.
- Новиков 1772 - Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг <...>. Собрал Николай Новиков. СПб., 1772.
- Новиков 1786 - Новиков И. Разные повести и сказки, принадлежащие к походу Ивана Гостиного сына. СПб., 1786. Ч. II.
- Новиков 1971 - Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI-XVIII века) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1971.
- Очерки 1987 - Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. II.
- Панченко 1984 - Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Пересмешник 1987 - Чулков М. Д. Пересмешник / Сост., подгот. текстов, послесл. и прим. В. П. Степанова. М., 1987.
- ПЛДР. XII - Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
- ПЛДР. XVII(1) - Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988.
- Позднеев 1958 - Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII-XVIII вв. // Уч. зап. Московского заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. I.
- Покровская 1940 - Покровская В. Ф. Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии (К истории переводной литературы XVII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV.
- Покровский 1903 - Покровский В. Щеголи в сатирической литературе XVIII века. М., 1903. Приложение.
- Похождения Б.г. - Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла, Большого Носа. СПб., б. г. Ч. I-II.
- Похождения 1798 - Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла, Большого Носа. СПб., 1798. Ч. III.
- ПСРЛ 1904 - Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. XIII.
- Рак 1976 - Рак В. Д. «Товарищ разумный и заимсловавший» (1764) и его источник // Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976.
- Ровинский 1881 - Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. I-IV.

- Роиодановская 1985 - Роиодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII-XIX веков. Новосибирск, 1985.
- Русская 1978 - Русская литературная критика XVIII века. Сборник текстов. М., 1978.
- Русский 1982 - Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982.
- Сазонова 1979 - Сазонова Л. И. Театральная проаграна XVII в. «Алексей человек божий» // Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1978. Л., 1979.
- Сатирический вестник 1790 - Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей. М., 1790. Ч. I-VI.
- Семенов 1787 - Товарищ разумный и заимсловаый, или Собрание хороших слов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков. Переведенный с французского и умноженный из разных латинских <...> писателей <...> Петром Семеновым. М., 1787. Ч. I-II.
- Семенова 1982 - Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Сериан 1973 - Сериан И. З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973.
- Сиповский 1903 - Сиповский В. В. Из истории русского романа и повести. Материалы по библиографии, истории и теории русского романа. СПб., 1903. Ч. I: XVIII век.
- Сичкарев 1766 - Забавный философ, или собрание разных остроумных и измышленных повестей, удивительных сновидений и заимсловаых для увеселительного наставления опытов. Перевел с аглинского Лука Сичкарев. СПб., 1766.
- Словарь 1988 - Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А-И).
- Смех 1984 - Лихачев Д. С., Лапченко А. М., Понирко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Сперанский 1963 - Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.
- Старая погудка 1795 - Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителей оных изданием московского купца Ивана Иванова. М., 1795. Ч. I-III.
- Стенник 1985 - Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985.

- Степанов 1972 - Степанов В. П. М. Д. Чулков и русская проза 1750-1770-х гг. Дис. на соиск. степ. канд. филол. наук. Л., 1972.
- Столетье 1986 - Столетье безумно и мудро. Век XVIII / Сост., сопров. текст, комент. Н. М. Рогожина. М., 1986.
- Стрнадель 1968 - Житие славного баснотворца Эзопа. *Vitae Aesopi rossica. Editio Cimelia Bohemica. Vol. V. Editit: J. Strnadel. Pragae, 1968.*
- Суиароков 1787 - Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... М., 1787. Ч.
- СУС 1979 - Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Под ред. К. В. Чистова. Л., 1979.
- Тарковский 1975 - Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста (Спецкурс). Л., 1975.
- Тредиаковский 1735 - Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб., 1735.
- Тредиаковский 1849 - Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. III.
- Трудолюб. пчела - Трудолюбивая пчела. СПб., 1759. Генварь.
- Фокина 1988 - Фокина О. Н. Памятник ранней демократической сатиры в литературном процессе XVII - XVIII вв. («Повесть о бражнике»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.
- Храповицкий 1874 - Дневник А. В. Храповицкого 1782-1793 гг. СПб., 1874.
- Чалкова 1985 - Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985.
- Чечулин 1889 - Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1889.
- Шкловский 1929 - Шкловский В. Матвей Коमारов - житель города Москвы. Л., 1929.
- Штедтке 1977 - Штедтке К. Светский человек в русской культуре XVIII века (Семидесятые - восьмидесятые годы) // Труды по знаковым системам XXI. Символ в системе культуры. Тарту, 1987.
- Эмин 1764 - Нравоучительные басни Федора Эмина. СПб., 1764.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август, император 9	Гораций Ф. 58
Август, польский король 25	Гудзий Н. К. 115
Адрианова-Перетц В. П. 10, 17, 28, 113	Гурницкий Л. 78
Акимов И. 55	Даниил, митрополит 4, 114
Александр Македонский 9	Данилов А. 60
Алексеев М. П. 113, 117	Деин А. С. 45, 114
Алексей Михайлович, царь 11	Державина О. А. 10, 43, 49, 114
Анна Иоанновна, императрица 11	Дефо Д. 25
Апсит Т. Н. 32-34, 113	Дзехцинська Х. 68, 114
Апулей 62	Диоген Лаэртский 77
Аргамаков А. В. 57	Диоген Синопский 9
Барков И. С. 41	Дмитриев И. И. 31, 81
Бахтин М. М. 72, 113	Дмитриев М. А. 31, 114
Березайский В. 29, 64, 113	Дмитриева Р. П. 43, 114
Берков П. Н. 113	Дмитрий Герасимов 27
Богданович И. Ф. 56	Долгорукий И. М. 83
Боккаччо Д. 10	Домашнев С. Г. 56
Болотов А. Т. 81, 113	Друковцов С. 29, 114
Буайе А. 77	Екатерина II, императрица 29, 63, 73-74, 81, 85-86
Будный Б. 51-52, 65, 113	Елизавета Петровна, императрица 11
Бургер Г. А. 30	Ефремов П. А. 115
Бэкон Ф. 77	Ефросин 5, 116
Ванька Каин си. Осипов И.	Живов В. М. 54, 70, 114
Вельяшев-Волынцев Д. И. 57	Жиакин В. 4, 114
Виноградский И. 59, 113	Забелин И. Е. 11, 114
Волчков С. 17	Западов А. В. 62, 84, 114
Выдоров А. 57	Зенбицкий П. 27
Вяземский П. А. 41, 113	Зотов Н. 11, 69
Галлан А. 37	Иванов И. 118
Геллет Т. С. 37	
Гловиньски М. 50, 114	
Головина Н. И. 80	

- Иванова Н. Б. 25, 114
- Калашникова О. Л. 33, 38, 114
- Кантемир А. Д. 54, 58-59, 87-88, 115
- Капнист В. В. 86
- Караизин Н. М. 75, 115
- Карион Истоини 50
- Картуш Л. 21-22
- Кастилон Ж. 35
- Кастильоне Б. 78
- Клико Доморацкий 27
- Климова М. Н. 43, 115
- Кокорев А. В. 15, 28, 115
- Коиаров М. 21-22, 33, 36, 60, 84, 114, 119
- Корб И. Г. 70-71, 115
- Кузьмина В. Д. 11, 32, 36, 38, 76, 115
- Курганов Е. Я. 30, 115
- Курганов Н. Г. 9-10, 25-26, 59-60, 84, 115-116
- Лаппо-Данилевский К. Ю. 87, 115
- Лебедев Е. Н. 61
- Левшин В. А. 19, 22, 38, 84
- Лесаж А. Р. 25
- Летранж Р. 17
- Ливанова Т. Н. 80, 87-88, 115
- Лихачев Д. С. 115, 117
- Ломоносов М. В. 35, 56, 66, 87, 116
- Лотман Ю. М. 41, 68, 75, 114-115
- Луппов С. П. 54, 116
- Лурье Я. С. 5, 71, 116
- Львов Н. А. 86
- Майков В. И. 56
- Макарий, митрополит 4
- Максим Плануда 16
- Малэк Э. 18, 24, 47, 116
- Мария Ильинична, царица 11
- Марченко Н. А. 115
- Маслова Е. 79, 116
- Мольер Ж. 24
- Мордовцев Д. Л. 74-75, 81-82, 85-86, 116
- Мюнхгаузен 30
- Нартов А. А. 53
- Нарышкин Л. А. 74-75, 81, 85
- Нелединский-Мелецкий Ю. 80
- Николаев С. И. 70-71, 84, 116-117
- Новиков И. 10, 14, 24-25, 60, 117
- Новиков Н. И. 37, 40, 61, 63, 117
- Новиков Н. В. 22, 27, 66, 117
- Онуа М. К. д' 37
- Осипов И. 21-22, 115
- Панченко А. М. 5, 24, 47, 53, 72, 117-118
- Павел Петрович, император 74
- Перро Ш. 37
- Петр I, император 11, 53-54, 69, 113, 115
- Петр III, император 73
- Плутарх 65, 77
- Плюханова М. 115
- Позднеев А. В. 80, 117
- Покровская В. Ф. 46, 117
- Покровский В. 76, 79, 117
- Поньрко Н. В. 117
- Попов М. И. 38, 81
- Потеикин Г. А. 41
- Прач И. 81
- Пушкин А. С. 31

- Рабле Ф. 113
 Раевский И.
 Рак В. Д. 30
 Распе Р. Э.
 Ровинский Д. А. 76, 116-117
 Рогожин Н. М. 119
 Ромодановская Е. К. 30, 43, 118
 Руссо Ж. Ж. 24

 Сазонова Л. И. 46, 118
 Салтыков С. 81
 Санковский В. Д. 56
 Сеиен Лаврецкий 27, 71
 Сеиенов М. 116
 Сеиенов П. 9, 77-78, 118
 Сеиенова Л. П. 11, 69, 118
 Сенник М. 27
 Сериан И. З. 25, 118
 Сиповский В. В. 19, 64, 118
 Сичкарев Л. 61, 74, 118
 Соболевский А. И. 116
 Сократ 9
 Соломон, царь 4
 Сперанский М. Н. 38, 51, 118
 Стенник Ю. В. 30, 61, 118
 Степанов В. П. 24, 41, 117, 119
 Стефан Яворский 53
 Страхов Н. И. 30, 61
 Стринадель И. 17, 119
 Суиароков А. П. 35-36, 38, 81-83, 119

 Тарковский Р. Б. 17, 119
 Татищев В. Н. 80
 Теплов Г. Н. 55, 81-82
 Теплов Т. Н. 82-83
 Тиофеев П. 37, 64-65
 Тредиаковский В. К. 18, 81-82, 119
 Трутовский В. Ф. 81
 Тузов В. 62

 Тургенев Я. 11

 Успенский Б. А. 75, 114

 Федор Гозвинский 16-17, 24
 Феофан Прокопович 53
 Филиппов А. 33, 36
 Фокина О. Н. 47, 119
 Фонвизин Д. И. 56, 61
 Фонвизин П. И. 56

 Хвостов А. С. 86
 Хеиницер И. И. 86
 Херасков М. М. 56
 Хованский И. И. 69
 Хомяков Е. 28-29, 66
 Храповицкий А. В. 29, 119

 Цицерон 9
 Цицианов Д. Е. 30

 Чалкова Т. Ф. 43, 119
 Чечулин Н. 73, 82, 119
 Чистов К. В. 119
 Чулков М. Д. 10, 22-24, 38, 61-64, 66, 79, 81, 114-116, 118

 Шаховской А. А. 31
 Шкловский В. 33, 119
 Штедтке К. 75, 119

 Эзоп 16-19, 21, 24, 113, 119
 Эмин Ф. 33, 74, 119

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Репертуар «неполезного чтения»	7
II. Судьбы «неполезной книги» в XVII - первой трети XVIII в.	42
III. На путях к апологии «неполезного чтения»	53
IV. Литературный текст как элемент игровой ситуации	68
Заключение	88
 Приложение	 90
О короле, иже жену свою своими руками выдал замуж	90
О писаре, женившемся обиданой на хозяйской дочери	94
Сказка о хитрой жене	95
О непостоянной жене	97
«Смехотворные куранты»	100
Небылица	101
О дву братах	101
Како баба диявола обиданула	103
Коли волка грамоте учили	104
О салдате	104
Буря на море	105
«Жена - самый тяжелый груз» (1)	105
«Жена - самый тяжелый груз» (2)	105
О муже	106
«Жена битая напоинает грехи»	106
«Преждевременные роды»	106
О незлобном муже	106
Эпиграмма	107
О дураке	107
«Шут и царедворец»	108
О иошеннике с попом	108
Повесть о дамах и прекрасных девицах	109
О золотаре и податливой жене его	110
 Список сокращений	 112
Библиография	113
Указатель имен	120